

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

947.04-1L83

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНІИ ВАРЯГОВЪ

ИЗЪ ИСЛѢДОВАНИЙ О НАЧАЛѢ РУСИ.

Д. Иловайскаго.

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Каткова и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

947.04
IL83

Дозволено Цензурою. Москва, 30го ноября 1871 года.

AUG 1 1962 OM

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВТОРОМУ СЪВЪЗДУ

РУССКИХЪ АРХЕОЛОГОВЪ.

На стр. 21 вместо τῶν Ροδίων читай: τῶν Ρουσίων.

На страницѣ 31 на строцѣ 13-й недостаетъ словъ: рѣшать не беремся.

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНІИ

ВАРЯГОВЪ

Вотъ вопросъ о которомъ такъ много было писано и говорено что, казалось, онъ вполне исчерпанъ, и трудно сказать еще что-нибудь, чего не было сказано. И тѣмъ не менѣе этотъ старый вопросъ все-таки остается новымъ. Напрасно скандинавская школа считаетъ его вполне рѣшеннымъ. Чтобы помириться съ ея рѣшеніемъ, надобно постоянно заглушать въ себѣ сомнѣнія и противорѣчія возникающія при всякомъ сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Не вдругъ, не подъ вліяніемъ какого-либо увлеченія мы пришли къ отрицанію ея системы. Только убѣдившись въ ея полной несостоятельности, рѣшаемся предложить нѣкоторые результаты изъ своего знакомства съ литературой этого вопроса, а также изъ собственныхъ наблюденій и размышленій. Выступая противъ скандинавской школы, какъ господствующей до сихъ поръ въ нашей исторіографіи, мы принуждены иногда прибѣгать къ приемамъ полемическимъ. Но въ настоящемъ отрывкѣ ограничиваемся собственно борьбой съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, а не съ лицами, то-есть не съ тою или другою книгой. Представители норманской школы оказали столько заслугъ наукъ Русской исторіи что, и помимо вопроса о призваніи Варяговъ, они сохранять свои права на глубокое уваженіе. Точно такъ же

отрицать нѣкоторыя сказанія изъ начальныхъ страницъ русскихъ лѣтописей еще не значить отрицать значеніе самихъ лѣтописей: безъ нихъ что было бы съ нашею исторіей? Въ самомъ данномъ вопросѣ норманская школа чрезвычайно много способствовала его разъясненію, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Не она придумала сказаніе о призваніи Варяговъ; она взяла его уже готовымъ и употребила всѣ научныя средства для того чтобы возвести это сказаніе въ историческій фактъ. Если и послѣ того остаются непримиримыя противорѣчія, исходящія отъ фактовъ несомнѣнныхъ, стало-быть призваніе Варяговъ никоимъ образомъ не можетъ получить догматическаго характера, и надобно обратиться въ другую сторону чтобы выяснитъ начало Русскаго государства и русской національности. *

I. Норманисты и ихъ противники. — Невѣро- ятность призванія.

Приведемъ столь извѣстныя слова русской начальной лѣтописи лѣтъ 862 годомъ:

„Рѣша сами въ себѣ: „поищемъ собѣ князя иже бы влодѣлъ нами и судилъ по праву“. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое, друзи же Урмане, Англчане, друзи Гѣте, тако и сѣи Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: „вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити „и влодѣти нами“. И избранихася три брата съ роды своими, пояха по себѣ всю Русь, и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ; а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборъ съ въ Тмуторъ. Отъ тѣхъ прозваша Русская земля Новгородци: тѣи суть людье Новгородцы отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни“

Въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно ни одной легенды не посчастливилось какъ той которую мы сейчасъ выписали. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Цѣлый рядъ почтенныхъ труженниковъ науки потратили много учености и таланту на то чтобы объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на историческихъ основаніяхъ; напомнимъ уважаемыя имена Байера, Струбе, Миллера,

* Въ особенности намъ прискорбно разойтись по данному вопросу съ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, этимъ многоуважаемымъ ветераномъ русской исторической науки, Но что дѣлать. *Amicus Plato* и пр.

Тунмана, Стриттера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа, Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись имъ нѣкоторые противники и съ бѣльшимъ или меньшимъ остроуміемъ возражали на ихъ положеніе; каковы: Ломоносовъ, Татищевъ, Эверсъ, Нейманъ, Венедикъ, Каченовскій, Морозкинъ, Савельевъ, Надеждинъ, Максимовичъ и др. Въ области русской исторіографіи поле оставалось и доселѣ остается за системой скандинавизма; назовемъ труды Карамзина, Полеваго, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говоримъ о трудахъ болѣе дробныхъ, трактующихъ о Норманскомъ періодѣ и о скандинавскомъ вліяніи на русскую жизнь. Что касается до западной литературы, тамъ Скандинавская система царить безъ всякой оппозиціи; такъ что, если рѣчь заходить о Русскомъ государствѣ, о началѣ русской національности, то они неизбѣжно связываются съ призваніемъ Варяговъ.

Уже одно то обстоятельство что въ нашей средѣ никогда не прекращались сомнѣнія въ истинѣ скандинавской теоріи и возраженія противъ нея указываютъ на ея недостаточную убѣдительность, на присутствіе въ ней натяжекъ и противорѣчій, на ея искусственное построеніе. И дѣйствительно, чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе и болѣе выступаютъ наружу натяжки и противорѣчія норманской системы. Если она удерживала до сихъ поръ господствующее положеніе, то главнымъ образомъ благодаря своей наружной стройности своему положительному тону и относительному единству своихъ защитниковъ; между тѣмъ какъ противники наносили ей удары въ разсыпную, поражали нѣкоторыя отдѣльныя доказательства; но мало трогали самую существенную ея основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призваніи князей. Противники норманистовъ по большей части вѣрили въ призваніе или вообще въ пришествіе князей; сводили вопросъ къ тому откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менѣе вѣроятныя чѣмъ Скандинавская.

Въ послѣдніе годы Варяжскій вопросъ снова оживился въ нашей литературѣ, то-есть снова поднялись голоса противъ Норманистовъ. Наиболѣе замѣчательный трудъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Геденову: *Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ*. Эти отрывки представляютъ прекрасный сводъ изображеній на доказательства Норманистовъ, возраженій отчасти уже высказанныхъ прежде, отчасти добытыхъ собственными изысканіями г. Геденова. Изъ этихъ „отрывковъ“, мы пока не

можемъ вполне судить о его конечныхъ выводахъ. Мы видимъ что онъ считаетъ Русь славянскимъ племенемъ, и пытается, подобно Эверсу, дать видное мѣсто въ нашей исторіи угро-хазарскому вліянію. Въ то же время г. Геденовъ примыкаетъ къ тѣмъ ученымъ которые указывали на Славяно-Балтійское поморье; слѣдовательно онъ не отрицаетъ такъ - называемаго призванія или пришествія варяжскихъ князей. * Еще нѣсколько прежде Геденова выступилъ г. Костомаровъ съ теоріей о литовскомъ происхожденіи Руси; но его соображенія, исполненныя впрочемъ большого остроумія, не нашли послѣдователей. Далѣе, многія дѣльныя возраженія противъ норманистовъ находимъ въ трудахъ которыхъ касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанскаго (*О Славянахъ въ Испаніи, Азій и Африкѣ*), архимандрита Порфирія Успенскаго (*Четыре бѣсты Фотія*), Котляревскаго (*О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ*) и Хвольсона (*Извѣстія о Хазарахъ, Буртасяхъ и пр. Ибнъ-Даста*).

Обратимся теперь къ самому вопросу о Варягахъ и Руси. Повторимъ вкратцѣ главныя основанія на которыхъ держалась Скандинавская система:

1. Извѣстіе русской лѣтописи (то - есть вышеприведенное мѣсто).
2. Путь изъ Варягъ въ Греки, описанный въ той же лѣтописи, и связанный съ нимъ имена Днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя Константиномъ Багрянороднымъ.
3. Имена князей и дружины, въ особенности по договорамъ Олега и Игоря.
4. Извѣстія византійскихъ писателей о Варягахъ и Руси.
5. Финское названіе Шведовъ Руотсы и названіе Шведской Уландіи Рослагеномъ.
6. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о трехъ русскихъ полахъ и извѣстіе Ліутпранда о Руссахъ-Нормансахъ.
7. Извѣстія арабскихъ писателей.
8. Скандинавскія саги.
9. Позднѣйшія связи русскихъ князей съ Скандинавами.

* Насколько сильна отрицательная (то-есть антискандинавская) сторона изслѣдованій г. Геденова можно заключить изъ того что главные представители Скандинавской школы (гг. Погодинъ и Куникъ) отдали ему полную справедливость и отступились отъ нѣкоторыхъ своихъ доказательствъ. Но положительная сторона (именно Хазарскій хаганатъ въ Кіевѣ и пришествіе князей съ Балтійского поморья) едва ли найдутъ себѣ подтвержденіе.

Первымъ и самымъ главнымъ основаніемъ теоріи норманстовъ служить извѣстіе русской лѣтописи о призваніи князей изъ-за моря. Мы сказали выше что противники ихъ почти не трогали этого основанія. Большею частью они, точно такъ же какъ и скандинавоманы, принимали призваніе или вообще пришествіе князей за исходный пунктъ Русской исторіи и расходились только въ рѣшеніи вопроса: откуда они пришли и къ какому народу принадлежали? Такъ, Татищевъ и Болтинъ выводили ихъ изъ Финляндіи, Ломоносовъ—изъ славянской Пруссіи, Эверсъ—изъ Хазаріи, Гольманъ—изъ Фрисландіи, Фатеръ—отъ Черноморскихъ Готовъ, Венелинъ, Морозкинъ, Савельевъ, Максимовичъ (и въ послѣднее время Геденовъ)—отъ балтійскихъ и полабскихъ Славянъ, Костомаровъ—изъ Литвы. (Есть еще мнѣніе, примыкающее къ Эверсу, о происхожденіи русскихъ князей отъ Угро-Хазаръ; см. Юргевича „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи“. *Зап. Одес. Об. т. VI*). Мы не видимъ чтобы кто-либо между изслѣдователями занимавшимися варяжскимъ вопросомъ обратилъ исключительное вниманіе на фактическую достовѣрность самаго извѣстія о призваніи Варяговъ и вообще объ иноземномъ происхожденіи Рюриковой династіи. Напротивъ, почти всѣ изслѣдователи идутъ отъ упомянутой лѣтописной легенды, и только различнымъ образомъ толкуютъ ея текстъ; напримѣръ что она разумѣетъ подъ Варягами Русью? На какое море она указываетъ? Въ какомъ смыслѣ понимать слова: „Пояша по себѣ всю Русь“ и т. п.? Спорили иногда о правописаніи, о разстановкѣ знаковъ въ лѣтописномъ текстѣ, чтобы заставить его говорить въ пользу своего мнѣнія. А между тѣмъ весь этотъ текстъ, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не въ состояніи выдержать исторической критики незатемненной предвзятыми идеями и толкованіями. Чѣмъ ближе мы держимся его буквального смысла, тѣмъ болѣе и болѣе лутаемся въ некончаемыхъ противорѣчіяхъ, когда начинаемъ сопоставлять его съ другими несомнѣнно историческими фактами. И наоборотъ: только убѣдившись что мы имѣемъ дѣло съ легендой, а не съ историческимъ фактомъ, получаемъ возможность стать на болѣе прочную основу.*

* Только скептическая школа Каченовскаго заподозрила несостоятельность всего этого сказанія о призваніи князей, но дѣлала это мимходомъ, безъ связи съ другими данными, не развивая ничего до

Начнемъ съ того: есть ли малѣйшая вѣроятность чтобы народъ, да и не одинъ народъ, а нѣсколько, и даже не одного племени, стоворились разомъ, и призвали для господства надъ собою цѣлый другой народъ, то-есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи, да они и не мыслимы. А что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о князьяхъ только и ихъ дружинѣ, но о цѣломъ народѣ, въ этомъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе. Сама русская лѣтопись представляетъ тому убѣдительныя доказательства. По ея словамъ, въ 862 году Рюрикъ съ братьями призванъ въ Новгородскую землю. Въ томъ же году Оскольдъ и Диръ уходятъ отъ него на югъ и захватываютъ Кіевъ, а черезъ годъ или черезъ два они уже нападаютъ на Константинополь въ количествѣ 200 лодокъ, на которыхъ помѣщалось приблизительно до 10.000 войска, состоящаго изъ Руси. (Да и это количество еще слишкомъ незначительно въ сравненіи съ такимъ предпріятіемъ какъ нападеніе на Константинополь). А между тѣмъ Оскольдъ и Диръ могли отвлечь только часть Руси отъ Рюрика, у котораго оставалась главная ея масса. Напомнимъ что, судя по лѣтописи, онъ господствуетъ отъ Чудскаго озера и Западной Двины до низовьевъ Оки и занимаетъ своими дружинами главные пункты въ этихъ земляхъ (Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Муромъ и конечно нѣкоторые другіе). Далѣе, что сказать о непосредственно слѣдующихъ затѣмъ обширныхъ завоеваніяхъ и походахъ Олега, предпринятыхъ со многими десятками тысячъ? Судя по лѣтописи, онъ совокупилъ войска изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Но вѣдь это были народы большею частью только-что покоренные; слѣдовательно, чтобы держать ихъ въ покорности и двигать съ собою ихъ вспомогательныя войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притомъ, такое движеніе возможно только на сушѣ, а не на морѣ. Походъ Олега на Царьградъ, предпринятый въ столь широкихъ размѣрахъ и исполненный съ такою удачей, указываетъ на опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ; слѣдовательно опять на массу болѣе или менѣе однородную. Едва ли въ этомъ морскомъ ополченіи можно допустить присутствіе приведенныхъ комечныхъ выводовъ и подчасъ просто увлекаясь своими отрицаніями. Тѣмъ не менѣе, школа эта далеко не заслуживаетъ того суроваго приговора который ей произносили. Нѣкоторыя мысли высказанныя ею о русской лѣтописи нашли себѣ оправданіе въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

ныхъ въ летописи элементовъ, въ родѣ Мери, Радимичей и т. п. народовъ, жившихъ внутри Россіи и совсѣмъ незнакомыхъ съ моремъ. Если даже оставить въ сторонѣ походъ Олега, о которомъ Византіицы не упоминаютъ, то остается еще походъ Игоря; о немъ византійскіе историки говорятъ такъ же положительно какъ и о нападеніи Оскольда (не называя впрочемъ послѣдняго по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византійскихъ извѣстій о походѣ Игоря, мы можемъ однако догадываться что это не былъ простой набѣгъ только изъ-за добычи, какъ обыкновенно у насъ его изображаютъ, нѣтъ, это была цѣлая и довольно продолжительная война. Руссы высадились въ Малой Азіи и воевали тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (а въ Малой Азіи были тогда многочисленныя славянскія поселенія не всегда покорныя Византіи); между тѣмъ флотъ ихъ опустошалъ берега Босфора. Византійская имперія только съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ заставила наконецъ Руссовъ удалиться. (Нельзя не отдать справедливости мнѣнію Венедина, который связываетъ походы Олега и Игоря съ событіями въ Болгаріи и съ отношеніями Болгаріи къ Византіи. Походы Святослава вполне подтверждаютъ это мнѣніе).

А походы Руссовъ на Каспійское море въ 913 и 944 годахъ, упоминаемые Арабами и предпріятыя также десятками тысячъ воиновъ? Обратите вниманіе на тѣ мѣста договоровъ Олега и Игоря гдѣ говорится о свѣтлыхъ русскихъ князьяхъ состоявшихъ подъ рукой Кіевского князя; въ договорѣ Игоря приводятся и многія имена этихъ (удѣльныхъ) князей; каждый изъ нихъ имѣлъ, конечно, свою дружину. Обратите вниманіе также на главныя статьи этихъ договоровъ. Развѣ онѣ не указываютъ на существованіе уже значительныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній, и не однихъ торговыхъ, но и посольскихъ? Договоры ведутся исключительно отъ имени Руси, какъ народа сильнаго, давно осѣдлаго на своихъ мѣстахъ и довольно ясно опредѣлявшаго свои отношенія къ соседямъ. Эта Русь выдѣляетъ изъ себя значительное количество торговыхъ людей которые предпринимаютъ далекія плаванія и подолгу проживаютъ въ чужихъ странахъ. (О большихъ русскихъ караванахъ ходившихъ ежегодно въ Черное Море говоритъ и Константинъ Багрянородный.) Эти русскіе купцы-воины торговавшіе въ Константинополѣ, были настолько многочисленны что, въ видахъ безопасности, ставится условіемъ чтобъ они не входили въ городъ за разъ болѣе 50 человекъ и притомъ безъ

оружія. Въ тѣхъ же договорахъ говорится не объ однихъ торговцахъ и послахъ, но упоминаются и Руссы состоявшіе наемниками въ войскахъ византійскихъ императоровъ (о русскихъ наемныхъ отрядахъ говорятъ и византійскіе историки). Параллельно съ этими договорами мы можемъ поставить относящіяся къ той же эпохѣ арабскія извѣстія о русскихъ торговыхъ караванахъ на Волгѣ, то-есть въ Хазаріи; въ городѣ Итилѣ, столицѣ Хазарской, встрѣчаемъ цѣлую коломію русскихъ купцовъ; у Хазарскаго царя также есть наемное войско изъ Руссовъ.

Все доказываетъ что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдѣльною дружиною или какимъ-то родомъ, который пришелъ съ своими князьями, призванными въ Новгородскую землю для водворенія порядка. Нѣтъ, это былъ цѣлый, сильный народъ, отличавшійся предпріимчивымъ, суровымъ и властолюбивымъ характеромъ. На его свирѣлость сильно жалуются византійскія извѣстія. Не однимъ соседямъ доставалось отъ этого народа; господство его не было легкимъ и для подчиненныхъ племенъ; изъ ихъ среды онъ конечно бралъ то огромное количество рабовъ, которыхъ отсылалъ на продажу въ соседнія страны. Припомнимъ слова вложенныя въ уста Святослава, о томъ что изъ Руси идутъ въ Грецію шкуры, воскъ, медъ и челядь. По извѣстіямъ Константина Богороднаго и Ибнъ Фодлана, у русскихъ купцовъ главнымъ товаромъ также являются невольники и невольницы. Звѣриными шкурами и медомъ платили дань Руси подчиненныя ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующаго народа и не были равнодушны къ своему положенію, показываетъ смерть Игоря и послѣдующая затѣмъ истребительная война съ Древлянами. Человѣческія жертвы, приносимыя кievскому Перуну, также не свидѣтельствуютъ въ пользу тихихъ, кроткихъ нравовъ, которыми нашъ лѣтописецъ надѣляетъ племя Полянъ (иначе называвшееся Русью). По лѣтописи выходитъ что какъ сѣверные Славяне добровольно призвали къ себѣ господъ, такъ и южныя племена большею частію покорились имъ легко. „Кому дань даете?“ спрашиваетъ русскій князь. „Хазарамъ!“ отвѣчаютъ Сѣверяне или Радимичи. „Не давите Хазарамъ, а мнѣ дадите.“ И племена будто бы покорно повиновались.

Нѣкоторые писатели, поддерживающіе скандинавское происхожденіе Руси, не настаиваютъ собственно на добровольномъ

призваніи, а склоняются къ тому чтобы предположить завоеваніе или какую другую комбинацію. Но вопросъ все-таки сводится къ тому же выводу. Такъ какъ изъ самой же лѣтописи вытекаетъ что это былъ сильный народъ, въ короткое время покорившій столько племенъ и основавшій огромное государство; слѣдовательно онъ долженъ былъ совершить свое движеніе изъ Скандинавіи въ значительныхъ массахъ и произвести нашествіе въ родъ, напримѣръ, Остготовъ или Лангобардовъ, покорившихъ Италію. Но могло ли подобное движеніе остаться незамѣченнымъ современниками и не найти никакого отголоска ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ, ни въ византийскихъ источникахъ? Слѣдовательно, такого движенія не было. Да оно и не могло быть въ подобныхъ размѣрахъ. Ближайшая къ Россіи скандинавская страна, Швеція, была въ тѣ времена сама еще очень бѣдно населена; германскій элементъ ея былъ еще очень малочисленъ. Наиболѣе сильный норманскій народъ, Датчане, около того времени только-что заявили себя морскими набѣгами; но ихъ стремленіе было обращено на берега Западной Европы; главныя усилія ихъ, какъ извѣстно, обратились на Англію. О Норвежцахъ можно сказать то же что о Шведахъ и Датчанахъ вмѣстѣ, то-есть они были такъ же малочисленны какъ Шведы и такъ же стремились на западъ какъ Датчане. Мы видимъ какъ создалось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападеніями Норманновъ, какъ постѣпенно подготовилось окончательное завоеваніе Англіи, и при какихъ обстоятельствахъ положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о томъ что всѣмъ тремъ упомянутымъ событіямъ уже предшествовало быстрое завоеваніе тѣми же народами всего пространства отъ Финскаго залива до Чернаго моря, пространства, населеннаго отнюдь не робкими, безспильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнѣніе, пущенное въ ходъ хотя и знаменитымъ писателемъ (Шафарикомъ), но тѣмъ не менѣе ошибочное, мнѣніе о какой-то миролюбивой, пассивной натурѣ Славянъ, одаренной разными благими качествами, за исключеніемъ главныхъ, каковы любовь къ независимости и способность организаціи.

Скандинавскимъ народамъ было не подъ силу въ IX вѣкѣ основаніе такого огромнаго государства, каково Русское. На востокъ имъ было достаточно дѣла и съ Балтійскими Славянами.

II. Договоры съ Греками. — Извѣстія Византійцевъ.

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтвержденія своей системы, и нѣкто изъ нихъ горячо отстаивалъ подлинность договоровъ. Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ серьезныхъ поводовъ сомнѣваться въ ихъ подлинности; это почти единственные документальные источники занесенные на первые страницы нашей лѣтописи. Поэтому-то ихъ содержаніе во многомъ и противорѣчитъ тѣмъ легендарнымъ разказамъ которыми они обставлены. При внимательномъ разсмотрѣніи, они могутъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ не истинности, а напротивъ ложности Скандинавизма. Если Олегъ былъ Норманъ, пришедшій въ Россію съ Рюрикомъ, и дружина его состояла изъ Норманновъ, то какъ же, по свидѣтельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуномъ и Волосомъ, а не скандинавскими Одиномъ и Торомъ? Та же клятва повторяется въ договорахъ Игоря и Святослава. Мы видѣли что Русь по всемъ несомнѣннымъ признакамъ была сильный многочисленный народъ и народъ господствующій. Еслибы это былъ народъ пришедшій изъ Скандинавіи, то какъ могъ онъ такъ быстро измѣнить своей религіи и кто его могъ къ тому принудить? Даже, если принять положеніе что это былъ не народъ (что совершенно невѣроятно), а скандинавская династія съ своею дружиною, которая составила только высшее сословіе, такъ-называемую аристократію въ странѣ Славянъ, и тогда нѣтъ никакой вѣроятности чтобы господствующій классъ такъ скоро отказался отъ своей религіи въ пользу религіи подчиненныхъ. Удивительно какъ эта несообразность не бросалась въ глаза норманистамъ. Впрочемъ и ихъ противники слишкомъ мало обратили вниманія на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убѣждаютъ насъ въ томъ что Русь существовала на Днѣпрѣ и на Черномъ Морѣ задолго до второй половины IX вѣка, то-есть до эпохи такъ-называемаго призванія князей. Мы уже говорили что эти договоры указываютъ на довольно развитыя и слѣдовательно давнія торговыя сношенія. Подобныя сношенія, и притомъ сопровождаемая формальными договорами, не могли завязаться вдругъ, безъ

цѣлаго ряда соответствующихъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, тѣ же договоры заключаютъ въ себѣ прямые намеки на то что они были повтореніемъ прежнихъ, такихъ же мирныхъ трактатовъ. Напримеръ выраженія: „на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшую любовь“; или: „любовь бывшую межю Христіаны и Русью, и т. п. (см. договоръ Олеговъ). Въ этомъ отношеніи они имѣютъ непосредственную внутреннюю связь съ извѣстными двумя рѣчами византійскаго митрополита Фотія, произнесенными по поводу нападенія Русси на Константинополь, того нападенія которое, по нашей лѣтописи, сдѣлано было Оскольдомъ и Диромъ. Вотъ что говорится во второй бесѣдѣ: „Эти варвары справедливо разсвирѣдѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ и благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянью“. И ниже: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ; но, какъ мы видѣли, Божія милость отвратила ихъ набѣгъ“. (См. *Четыре бесѣды Фотія* — архим. Порфир. Успенскаго). Отсюда ясно что нашествіе Оскольдовыхъ Руссовъ на Константинополь также не было простымъ разбойничьимъ набѣгомъ: по всей вѣроятности ему предшествовало убіеніе русскихъ торговцевъ въ Греціи и отказъ Грековъ въ удовлетвореніи. Произошло событіе подобное тому которое мы встрѣчаемъ гораздо позднѣе, при Ярославѣ I, когда за убійство русскихъ купцовъ въ Византіи онъ послалъ флотъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ. Арабскій писатель Хордадбегъ говоритъ что Византійскій императоръ и царь Хазаріи взимали десятину съ русскихъ купцовъ. Это свидѣтельство подтверждаетъ существованіе давнихъ торговыхъ сношеній Руси съ при-Понтійскими и при-Каспійскими странами; такъ какъ Хордадбегъ писалъ въ эпоху Рюрика и Оскольда. А по Скандинавской системѣ Русь въ это время только появляется въ Россіи; когда же она успѣла организовать свои торговые сношенія съ Греками и Хазарами, неужели еще въ то время когда жила въ Скандинавіи?

Упомянутыя двѣ бесѣды Фотія, современные такъ-называемому призванію къ намъ Варяговъ, представляютъ и еще кое-какія черты для уясненія вопроса о Руссахъ. Хотя онъ тутъ иногда впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія съ самимъ собою, но эти противорѣчія легко объясняются риторическими оборотами и не мѣшаютъ понимать ихъ настоящій смыслъ. То онъ выражается о Руссахъ высокопарно, иногда словами

Библии. Напримеръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ чтобы дойти до втораго Іерусалима, и людѣ сей устремились съ конца земли, неся съ собою стрѣлы и колья. Онѣ грозенъ и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря“, и т. д. или: „Я вижу народъ жестокий и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстья его“. То онѣ отзывается о нихъ съ презрѣніемъ и старается умалить ихъ значеніе: „О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство рутается надъ тобою, какъ надъ рабою!—необученное и набранное изъ рабовъ! Чтѣ за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу?... Слабый и ничтожный непріятель смотреть на тебя сурово, пытается на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя“. И въ другомъ мѣстѣ: „Тѣ которыхъ усмирала самая молва о Ромеяхъ, тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ“. И далѣе: „Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, народъ нелючливый, считаеый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блескательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи (внутренней), безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши“ и пр. Подобныя риторическія черты находились въ связи съ различными оборотами рѣчи. Когда ораторъ рисуетъ вообще яркую картину нашествія „тучи варваровъ“, то изображаетъ ихъ грозными и неодолимыми; когда же онѣ мечетъ громы противъ грѣховъ въ которыхъ погрязло столичное населеніе, то для большаго отѣвѣка изображаетъ ничтожество непріятелей, которые посланы какъ кара небесная на изнѣженныхъ и праздныхъ жителей. „Чѣмъ неименитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать, тѣмъ большій стыдъ намъ приписывается“, поясняетъ самъ Фотій.

Истина конечно заключается въ срединѣ. Нахлынувшіе варвары не были врагами неодолимыми; но въ то же время они были настолько сильны что отбавились напасть на такой огромный и хорошо защищенный городъ, какимъ былъ Константинополь. „Походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ что и молва не успѣла оловѣстить насъ, и мы услышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣчки и пристанищныя

моря.“ Замѣчательно при этомъ то обстоятельство что нападеніе столь быстро и ловко сдѣланное произошло именно въ то время когда императоръ Михаилъ III находился съ главными силами въ походѣ противъ Сарацинъ—обстоятельство, вѣроятно, не безызвѣстное Руссамъ. Быстрота похода доказываетъ только что Черное Море и его берега были имъ хорошо знакомы. Слѣдовательно выраженія: „народъ кочевой“, „безъ военнаго искусства“, „войско набранное изъ рабовъ“ и т. д., это отчасти реторика, а отчасти и греческая точка зрѣнія на подвижныхъ, предприимчивыхъ Руссовъ, на ихъ изобиліе рабами (челядью) и ихъ ополченіе, не похожее на стройные (сравнительно) греческіе легіоны. Эти бесѣды Фотія ровно ничего не даютъ въ пользу норманской теоріи, и однако норманисты находятъ возможнымъ на нихъ ссылаться. Напримѣръ, будто вышеприведенныя фразы объ отдаленности Руси, о странах и моряхъ отдѣляющихъ ее отъ Византіи и т. п. — будто это намекаетъ на Скандинавію. Но, во первыхъ, не забудемъ реторическій характеръ бесѣды; а, во вторыхъ, для обитателя Константинополя, въ тѣ времена, не только Кіевъ (не говорю о Новгородѣ), но и сѣверныя побережья Чернаго Моря должны были представляться мѣстами лежащими гдѣ-то далеко на сѣверѣ, чуть не на краю свѣта. Вспомнимъ какое продолжительное и трудное плаваніе совершали русскія суда направлявшіяся въ Константинополь; они двигались не прямо поперекъ Чернаго Моря, какъ мы теперь, а обгибали вдоль береговъ съ ихъ заливами, устьями рѣкъ, мысами и т. д.; слѣдовательно они дѣйствительно должны были касаться различныхъ странъ и разныхъ народовъ находившихся между Днѣпромъ и Константинополемъ. Что Византійцы называли иногда гиперборейскими, то-есть сѣверными, народы обитающіе въ южной Россіи, тому можно найти и другіе примѣры. (Такъ названы у Льва Діакона Хазары).

Бесѣды Фотія даютъ понять что Русь не была для Грековъ какимъ-то неизвѣстнымъ дотолѣ народомъ, что столкновенія съ нею были и прежде. Но въ то же время изъ нихъ ясно вытекаетъ что это было первое грозное нашествіе Руси, нападеніе на самый Константинополь, — нападеніе заставившее Грековъ обратить на Русь болѣе вниманія чѣмъ прежде. Фотій уясняетъ намъ почему съ этого событія начинаются болѣе прямые извѣстія у византійскихъ историковъ о Руси подъ ея собственнымъ именемъ, а не подъ именемъ Скифовъ

Сарматовъ и т. п. Отсюда мы выводимъ непосредственное отноше-
ніе къ нашей лѣтописи. Руководствуясь своими образцами, то-есть византійскими хронографами, она начинается исторію Ру-
си тѣмъ же самымъ событіемъ, то-есть первымъ нашествіемъ
ихъ на Константинополь. * Но такъ какъ это событіе нисколько
не объясняетъ начала Русскаго государства, то ему и предпосы-
ляется легенда о призваніи князей. Фотій, современникъ этого
мнимаго призванія, не дѣлаетъ о немъ ни малѣйшаго намека; а
между тѣмъ, характеризуя непріятельскій народъ, по всей вѣ-
роятности онъ упомянулъ бы и о его предводителяхъ. Но из-
вѣстіе о призваніи является въ русской лѣтописи такою же
позднѣйшею прибавкой, какъ и разказъ о погруженіи ризы
отъ иконы Влахернской Богородицы и возставшей послѣ того
бури, которая разметала суда Руссовъ. Этотъ разказъ являет-
ся у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Византійцевъ и отъ нихъ бу-
квально перешелъ въ нашу лѣтопись. Бесѣды Фотія возста-
навливаютъ для насъ событіе въ настоящемъ видѣ; причемъ бу-
ря дѣйствительно играетъ роль, но только наоборотъ, въ на-
чалѣ событія, а не въ концѣ. Онъ говоритъ что варвары при-
близились въ бурную, мрачную ночь, но что море потомъ утих-
ло, и они спокойно обступили городъ; а удалились они въ то
время когда риза Богородицы торжественно носилась вокругъ
стѣнъ (вѣроятно слышавъ о приближеніи императорскаго
флота и войска).

Патріархъ Фотій кромѣ своихъ бесѣдъ оставилъ намъ и еще
свидѣтельство о Руссахъ, именно въ своемъ окружномъ посла-
ніи 866 года, гдѣ онъ говоритъ объ обращеніи въ христіанство
Болгаръ и Руссовъ. Здѣсь нѣсколько менѣе реторики чѣмъ
въ бесѣдахъ и болѣе прямыхъ, ясныхъ указаній. Приведемъ
его слова: „Не только оный народъ (Болгары) перемѣнилъ дре-
внее нечестіе на вѣру во Христа, но и народъ часто многими
упоминаемый и прославляемый, превосходящій всѣ другіе на-
роды своею жестокостію и кровожадностію,—я говорю о Рус-
сахъ,—которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и,
возымѣвъ о себѣ высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую
державу. Теперь они сами перемѣнили нечестивое языческое
суетвѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ
себя (въ отношеніи насъ) почтительно и дружески, тогда какъ
незадолго предъ тѣмъ беспокоили насъ своими разбоями и учи-

* Съ этой стороны наше тысячелѣтіе получаетъ полный смыслъ.

нили великое злодѣяніе“. Изъ приведенныхъ словъ вытекаетъ что Фотій достаточно зналъ Руссовъ, что въ то время они уже господствовали надъ соседними народами и сочли себя настолько сильными чтобы напасть на самый Константинополь, чѣмъ заставили много говорить о себѣ. И ни слова объ ихъ князьяхъ пришедшихъ изъ Скандинавіи! Все это, разумѣется, нисколько не согласуется съ нашими лѣтописными Оскольдъ и Диромъ; тамъ это странствующие рыцари, которые только-что завладѣли Кіевомъ и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Оскольдова Русь (то-есть припавшая дружина въ нѣсколько сотъ человѣкъ) успѣла покорить соседніе народы между прибытіемъ въ Кіевъ и походомъ на Византію? (Принять хронологію норманистовъ, это выходитъ приблизительно въ годъ.) И если они уже покорили соседніе народы, то что же осталось бы на долю Олега? Всѣ эти несообразности замѣтилъ Шлёцеръ и выпутался изъ нихъ очень просто: Руссы нападавшіе на Константинополь, по его мнѣнію, не настоящіе Руссы, а какой-то неизвѣстный варварскій народъ, и Византійцы тутъ явно напутали. Но другіе норманисты не рѣшились отвергать современное свидѣтельство Фотія. Мало того, слова Фотія являются у нихъ подкрѣпленіемъ ихъ же системы. Въ бесѣдахъ онъ выражается что варвары пришли съ далекаго сѣвера: ясно что это Скандинавія, что же можетъ быть сѣвернѣе Скандинавіи? Въ посланіи онъ говоритъ что Руссы поработили *окрестные* народы: опять ясно что тутъ дѣло идетъ о Норманнахъ; извѣстно что они въ тѣ времена если еще не покоряли, то уже нападали на Германію, Англію, Францію, Испанію и т. д. (это все окрестные народы!)

Отъ патріарха Фотія, современника мнимому прибытію Русси изъ Скандинавіи, перейдемъ къ Константину Багрянородному, современнику Игоря. Онъ былъ свидѣтелемъ Игорева нападенія на Византію, заключалъ съ нимъ договоръ, принималъ у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описываетъ этотъ пріемъ (въ сочиненіи *О церемоніяхъ Византійскаго двора*) и не пользуется случаемъ сказать что-нибудь о варяжскихъ князьяхъ, основателяхъ Русскаго государства. Рюрикъ, по нашей лѣтописи, приходится свекоръ Ольгѣ, и если не она, то кто-либо изъ ея свиты могъ сообщить любознательному императору подробности о Рюрикѣ и Олегѣ. Да и безъ нихъ Константинъ всегда имѣлъ возможность получить подобныя свѣдѣнія отъ русскихъ пословъ и купцовъ въ Константинополь.

Если принять за истину то что дѣтопись разсказываетъ (а норманисты подтверждаютъ) о походахъ Олега, тогдашній міръ долженъ былъ наполниться его славой, и тѣмъ не менѣе Константинъ сохраняетъ о немъ упорное молчаніе. Въ другомъ своемъ сочиненіи (*Объ управленіи имперіей*) онъ сообщаетъ многія свѣдѣнія о сосѣднихъ и даже отдаленныхъ народахъ (Ломбардахъ, Арабахъ, Печенѣгахъ, Серблахъ, Хазарахъ, Уграхъ и пр.). Тутъ между прочимъ онъ говоритъ о Руссахъ; уже одно столь извѣстное описаніе ихъ лаванія по Днѣпровскимъ порогамъ показываетъ что онъ интересовался ими и зналъ ихъ довольно хорошо, и опять никакого намека на переселеніе Руссовъ въ Россію или на завоеваніе ея какими-либо иноземными князьями. Константинъ, напримѣръ, разсказываетъ о началѣ династіи Арпада у Венгровъ и объ ихъ отношеніи къ Хазарамъ; а между тѣмъ Арпадъ приходится повидимому современникомъ Рюрика. Изъ всѣхъ извѣстій Константина ясно вытекаетъ что онъ считаетъ Русь народомъ туземнымъ, а не пришлымъ; притомъ онъ весьма просто и естественно передаетъ намъ данническія отношенія разныхъ славянскихъ племенъ къ господствующему народу Руси. Слѣдовательно, еслибы на Руси около той эпохи случились такіе перевороты о которыхъ разсказываютъ легенды занесенныя въ нашу начальную дѣтопись, то есть ли какая вѣроятность чтобы любознательный и словоохотливый Константинъ Багрянородный ничего о нихъ не зналъ, а зная—умолчалъ?

Извѣстія о Руссахъ у Фотія и Константина Багрянороднаго находятся въ полномъ согласіи между собою и ни въ чемъ другъ другу не противорѣчатъ. То же самое можно сказать объ одномъ изъ ближайшихъ послѣ Константина историковъ, о Львѣ Діаконѣ: описывая войну Святослава съ Греками и сообщая многія подробности о Руссахъ, онъ не дѣлаетъ никакого намека на то что считаетъ Русь пришлымъ народомъ въ Россіи. Святославъ былъ внукомъ Рюрика, и память о пришествіи Руссовъ изъ Скандинавіи или изъ другой какой страны могла еще живо сохраняться; самъ Святославъ, по мнѣнію норманистовъ, былъ тиль Норманна, а дружина его состояла преимущественно изъ Норманновъ. Между тѣмъ Левъ Діаконъ приурочиваетъ Тавроскиевъ (Руссовъ) преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Если мы обратимся вообще къ византійскимъ извѣстіямъ о

Варягахъ и Руссахъ, то разсмотрѣніе и сличеніе ихъ между собою приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Впервые, византійскіе источники не смѣшиваютъ Русь съ Варягами, а говорятъ о нихъ отдѣльно. Вторыхъ, о Руси они упоминаютъ гораздо прежде, нежели о Варягахъ. Третьихъ, что касается до наемныхъ иноземцевъ на византійской службѣ, то Варяги составляли отряды сухопутные, а Руссы преимущественно служили во флотѣ. Какъ же стесались къ этимъ даннымъ норманисты? Они нашли что названіе Варяговъ (Варанги) слишкомъ запаздываетъ въ византійскихъ источникахъ: такъ какъ прямо и положительно подъ этимъ именемъ послѣдніе выступаютъ только въ XI вѣкѣ. Но въ X вѣкѣ (у Константина Багрянороднаго) встрѣчаются Фарганы. Норманисты отождествили ихъ съ Варягами; но послѣ доказательствъ г. Геденова отступились отъ Фаргановъ. Между тѣмъ о Руссахъ, не говоря о IX вѣкѣ, у Византійцевъ есть упоминаніе уже въ VIII столѣтіи. А именно, у одного византійскаго писателя (Ѳеофана) подъ 774 годомъ говорится что императоръ Константинъ Копромимъ, „отправляясь противъ русскихъ судовъ, двинулся въ рѣку Дунай“ (ἀπελθὼν αὐτὸς εἰς τὰ ροῦσια χελάνδια ἀπεκίνησε, πρὸς τὸ εἰσελθεῖν εἰς τὸν Δανούβιον ποταμὸν). Норманисты держатся въ этомъ случаѣ другаго перевода: вмѣсто „отправляясь противъ русскихъ хеландій“, у нихъ выходитъ „вступивъ въ красныя хеландіи“. Такъ какъ Русь у Византійцевъ называлась Ῥως, замѣчаютъ они, то прилагательное было бы ρωσικά, а не ροῦσια. На это указывали норманистамъ (Эверсъ) то мѣсто у Константина Багрянороднаго гдѣ говорится о корабляхъ τὴν ροῦσιν. Въ послѣднемъ случаѣ русскіе корабли несомнѣнны, разсуждаютъ норманисты, а въ первомъ они невѣроятны, да и зачѣмъ русскіе корабли явились бы тогда на Дунаѣ вмѣстѣ съ Болгарами? Мы не находимъ въ этомъ извѣстіи ничего страннаго: Русь по всей вѣроятности то воевала съ соседними ей дунайскими Болгарами, то помогала имъ противъ Византіи въ VIII вѣкѣ, такъ же какъ въ IX и X. Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ эти спорныя хеландіи: мы имѣемъ и безъ нихъ достаточно доказательствъ исконнаго пребыванія Руси въ ея настоящемъ отечествѣ, то-есть въ Россіи. Вернемся къ Варягамъ.

Норманисты много и убѣдительно доказывали что Варанги византійскіе были Норманны и означали то же что у насъ Варяги. Съ чѣмъ мы совершенно согласны; только и въ этомъ

случаѣ скандинавоманы слишкомъ упирають на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ, византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію, иногда на дальній островъ, находящійся на Океанѣ, который они называютъ Туле, а чаще всего причисляютъ ихъ къ Англичанамъ. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что смотря по обстоятельствамъ подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что же изъ этого? Мы все-таки не видимъ главнаго: тождества Варанговъ съ Русью, и не только нѣтъ никакого тождества, напротивъ Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ. Русь для нихъ народъ сѣверный или даже надсѣверный (гипербореѣскій); но нигдѣ они не выводятъ его съ крайняго острова, лежащаго на Океанѣ, какъ выражаются иногда о Варангахъ. Правда Византійцы не смѣшиваютъ Русь съ Варангами; но какъ-то у нихъ мимоходомъ замѣчено что „Русь, такъ-называемые Дромиты (скороходы), отъ рода Франковъ“. (Продолжатели Теофана и Амартола). Этого весьма неопредѣленнаго выраженія достаточно было норманистамъ чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о родствѣ Руси и Варанговъ, или собственно объ ихъ общемъ германскомъ происхожденіи. Мы даже думаемъ что филологически Varangi и Frangi (Fagangi) одно и то же слово, и что нѣтъ нужды прибѣгать ко всямъ возможнымъ словопроизводствамъ, какъ то многіе дѣлали, чтобы объяснять слово Варанги то „волками“, то „воинами“ или „союзниками“ и т. п. И все-таки въ данномъ случаѣ нѣтъ доказательства не только варяжскаго, но и вообще германскаго происхожденія Руси. Здѣсь слово Франки можетъ-быть понимаемо въ весьма обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ народовъ сѣверно-и западно-европейскихъ: примѣры тому не рѣдки у византійскихъ писателей (какъ справедливо показаль еще Эверсъ), отъ которыхъ странно было бы и требовать точныхъ этнографическихъ терминовъ. Обыкновенно Византійцы причисляютъ Русь къ „скинскимъ“ народамъ; но и этимъ названіемъ не выражается какой-либо опредѣленный этнографическій типъ. Для насъ, повторяю, важно то обстоятельство что Византійцы, близко, во очію видѣвшіе предъ собою въ одно и то же время и Варанговъ, и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ. Норманскую школу не смущаетъ подобное обстоятельство. Для нея довольно и того что ихъ смѣшиваетъ наша басня о призваніи Варяговъ-

Руси. А между тѣмъ въ этомъ-то весь корень вопроса. Мало ли что можетъ смѣшиваться въ темномъ народномъ преданіи, въ сказкѣ, въ лѣснѣ, въ собственномъ домыслѣ книгописца и т. п.? Но можетъ ли наука опираться на подобныя основанія? Варяги-Норманны несомнѣнно были въ Россіи; но они были здѣсь почти тѣмъ же чѣмъ и въ Византіи, то-есть наемною дружиною. Я говорю почти, потому что у насъ размѣры нѣсколько другіе: у насъ они были и многочисленнѣе чѣмъ тамъ, и принимали большее участіе въ нашихъ событіяхъ.

Извѣстно какъ сильно норманисты упираются на Днѣпровскіе пороги у Константина Багрянороднаго, который приводитъ ихъ названія въ двухъ видахъ: въ русскомъ и въ славянскомъ. Вотъ они. Русскія: *Ульворси, Геландри, Эйфаръ, Варуфоросъ, Леанти и Струвунъ*; славянскія: *Островунипрагъ, Нельсѣтъ, Вулипрагъ, Веруци, Напрези*. Кромѣ того одинъ порогъ имѣлъ общее названіе, по-русски и по-славянски *Ессуни*. Не мало эрудиции было потрачено скандинавскою школою, чтобы русскія (то-есть предполагаемая скандинавскія) названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій. Достаюсь впрочемъ и не однимъ германскимъ нарѣчіемъ; тутъ пошли въ дѣло и кельтскія и финскія (*Струбе, Тутманъ, Лербергъ*); не обращались развѣ только къ нарѣчію славянскимъ. Для образца этихъ объясненій, приведемъ толкованіе перваго русскаго названія, то-есть Ульворси или Ульборси (*Ulfors*). Во первыхъ, говорятъ норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси и даже не Ульмворси, а Хольмворси; такъ какъ въ греческой передачѣ *м* передъ *в* (*β*) могло быть выброшено, а *го* обратилось въ *у*. Затѣмъ это слово уже не представляетъ затрудненій. *Хольмъ* (*Holm*) въ языкахъ: англійскомъ, шведскомъ, ниже-саксонскомъ и датскомъ означаетъ или островъ или островокъ. А вторая половина названія *ворси* напоминаетъ ниже-нѣмецкія *Worth, Wurth, Wörde, Wuhrde* и англо-саксонскія *Worth, Warth* и *Warothe*, означающіе или возвышеніе или берегъ; можно также производить ее отъ *for* порогъ. Прекрасно; но если толковать Ульворси какъ переводъ соответствующаго ему у Константина славянскаго Островунипрагъ, то мы не думаемъ что надобно исключительно обращаться къ германскимъ нарѣчіямъ, когда имѣемъ и въ славянскихъ то же слово *холмъ* съ различными его вариантами: *хельмъ, хлумъ, шельмъ* и т. д., а для *борси* и для *форосъ* (въ словѣ Варуфоросъ, которое тоже объясняется норманистами при

помощи *fors*) *боръ* или *брегъ*, часто встречающіяся въ сложныхъ именахъ (напримѣръ Браниборъ, Колобрегъ, Раковоръ, и пр.), имѣемъ тотъ же *прагъ* или *порогъ*; имѣемъ наконецъ слово *забора*, которое и до нашего времени употребляется тамъ же, на Днѣпрѣ, для обозначенія малыхъ пороговъ (напомнимъ и близкую ему форму *запора*). Такимъ образомъ съ небольшою вѣроятностію можно предложить для Ульборси, вмѣсто Holmfors или Holmworth, напримѣръ: Холмоборы (Холмогоры) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, то-есть Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же что въ названіи Вулнплагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул* существуетъ наконецъ въ названіи рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непременно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Ульборси совсѣмъ и не означаетъ то же самое что Островуниплагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ-быть сокращеніе изъ *Ульборть*.)

Не беру на себя задачи немедленно объяснить такъ-называемыя русскія имена пороговъ у Константина; предполагаю и значительную порчу этихъ именъ въ его передачѣ, и вообще его недоразумѣніе при ихъ параллели съ именами славянскими. Можетъ-быть со временемъ, когда на объясненіе ихъ при помощи славянскихъ нарѣчій употреблено будетъ хотя въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе изъ германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Что Константинъ по большей части передалъ имена въ искаженномъ видѣ, для этого достаточно бросить взглядъ на такъ-называемыя славянскія названія. Что такое, напримѣръ, *Веруци* (Вероуѣи)? Не поясни онъ что это славянское слово и что оно означаетъ вареніе или кувѣны воды (Варома вероуи), мы пожалуй не вдругъ догадались бы о томъ, и норманисты по всей вѣроятности обратились бы къ германскимъ нарѣчіямъ для отысканія корня. Или возьмемъ общее русско-славянское названіе одного порога *Ессути* (Ессути). Не прибавъ Константинъ что это значитъ *не спи* или *не спать* (нѣ коѣсѣти), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойти до такого простаго смысла. Замѣчательно что норманисты и это названіе не уступаютъ исключительно славянскому языку; они доискались что на германскихъ нарѣчіяхъ „не suefe“ будетъ значить тоже „не спи“ (и даже сильнѣе, такъ какъ тутъ приходится два отрицанія, одно въ началѣ, другое въ концѣ, то-есть: нѣтъ! не спи!). Да-

ле что такое славянское названіе *Напрези*? Опять не скажи Константинъ что это значить малый порогъ, то-есть порожекъ, никакъ бы не догадаться. Да и послѣ его объясненія слово остается сомнительнымъ. Его пытались видоизмѣнить въ *Набрезь* и *Напрежьсе*; но все это очень натянуто. А между тѣмъ обратимъ вниманіе на соответствующее ему русское названіе *Струвунъ*. Для разъясненія его будто бы необходимо также обратиться къ скандинавскимъ: *strid*, *strond*, *ström* и *buna*, *büne* и т. п. Но это яко бы не славянское слово развѣ не тотъ же *Островунъ-порогъ*, приводимый Константиномъ между славянскими названіями? Струвунъ и Островунъ представляютъ такое же отношеніе какъ названія нашего древняго города Вручій и Овручъ.

Итакъ, не можетъ-быть сомнѣнія въ искаженіи самыхъ названій у Константина Багрянороднаго. Можно указать тому и другіе примѣры. Напомнимъ нѣкоторыя его названія славянскихъ городовъ. Немогарда, Милиниска, Телюца и пр., въ которыхъ мы узнаемъ Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ. Подобныя искаженія конечно неизбежны въ устахъ иноземцевъ, но при этомъ возьмемъ еще въ разчетъ, какъ далеко удалились мы въ настоящее время отъ южно-русскаго произношенія X вѣка! Многія слова, даже и вѣрно записанныя въ то время Греками, могутъ въ настоящее время намъ показаться чуждыми или непонятными. Далѣе, представляется вопросъ: вѣрно ли понималъ Константинъ то что ему толковали о Днѣпровскихъ порогахъ? Что это за двойной рядъ названій: русскія и славянскія, варианты или переводы? Норманисты усиливается показывать что русскія названія имѣютъ тотъ же смыслъ какъ и соответствующія имъ славянскія. Но въ такомъ случаѣ опять вопросъ: какія названія оригинальныя и какія переводныя; кто первый ихъ придумалъ, Славяне или Русь? Такъ какъ по теоріи норманистовъ Русь племя пришлое и не славянское, то оно, нашедши имена Днѣпровскихъ пороговъ уже готовыми у Славянъ, не согласилось однако употреблять ихъ, а перевело на свой языкъ. Гдѣ же и когда такъ бывало? Географическія имена не переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя.

Дѣлаемъ два предположенія въ данномъ случаѣ. Первое:

мнимо параллельныя русскія и славянскія названія можно соединить просто въ одинъ рядъ названій (не отрицаю при этомъ нѣсколькихъ исключеній, то-есть вариантовъ). Вѣроятность этого предположенія основываю на томъ что Константинъ говоритъ только о семи Днѣпровскихъ порогахъ, между тѣмъ какъ ихъ въ дѣйствительности гораздо болѣе: напимѣръ, по *Книгѣ Большаго Чертежа* число ихъ доходитъ до 13. У Константина же количество всѣхъ названій, русскихъ и славянскихъ вмѣстѣ, не превышаетъ 12. Второе (болѣе вѣроятное): нѣкоторые пороги могли имѣть не одно, а два названія, то-есть читай, напимѣръ: Леанты, Веручи тожъ. Я говорю „нѣкоторые“; ибо у Константина совѣтъ и не проведена полная система параллели. Объ одномъ названіи онъ прямо говоритъ что оно общее (Ессули), а въ другомъ случаѣ противъ русскаго (Геландри) не стоитъ славянскаго имени, а только греческій переводъ. Если отнять отъ первой параллели очевидно славянское слово *Струвунъ*, то останется только пять русскихъ названій, пока для насъ непонятныхъ. *

* Эйфаръ и Неясъ могло означать не одинъ и тотъ же порогъ. Такъ какъ теперь есть особый порогъ *Неясътеукий* и особый *Вороновъ*, то въ Эйфаръ или Эйваръ не скрывается ли слово вранъ? А можетъ-быть и Эйваръ и Варуфоросъ означаютъ Варъ-порогъ? *Варъ* и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значить перебой, загородка поперекрышки (см. *Словарь* Даля). Въ такомъ случаѣ противъ славянскаго Веруци, слѣдовало бы поставить русское Варуфоросъ (а не Леанты), какъ происходящій отъ того же корня *врати*, *варити*. Геландри, по объясненію Константина, значить „шумъ порога“; отсюда мы дѣлаемъ предположеніе: не скрывается ли тутъ слово гуль? Форма *Гуландаръ* весьма возможна въ русскомъ языкѣ. Не видимъ особой необходимости сблизать его съ нѣмецкимъ *der gellende*. Въ такомъ случаѣ и бухта Геленджикская тоже происходитъ отъ *gellende*? Не настаиваемъ на своихъ словопроизводствахъ въ этомъ случаѣ, и дѣлаемъ ихъ только для того чтобы показать возможность объяснить нѣкоторые непонятныя имена изъ славянскихъ корней. Можетъ-быть кто-нибудь со временемъ доберется до ихъ смысла. А возможно и то что ихъ смыслъ для насъ навсегда потерянъ вслѣдствіе большаго искаженія. Напимѣръ, еслибы не другія соображенія, то филологически невозможно въ Телюда узнать Любечъ. Точно такъ же филологически нельзя доказать что Напреси означаетъ малый порогъ. Напомнимъ еще рядъ собственныхъ именъ доселѣ неразъясненныхъ: Могуты, Татраны, Шельбиры, Толчаки, Ревугы и Ольберы (*Слово о Пол. Иг.*). Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, ихъ

Но что такое самое выражение Константина Багрянороднаго: *по-руски* и *по-славянски*? Не въ правѣ ли мы заключить отсюда что онъ считалъ русскій языкъ особымъ, не-славянскимъ языкомъ? И не только въ этомъ случаѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ у него Русь и Славяне какъ будто два различные народа. И именно онъ какъ бы противопоставляетъ Русь тѣмъ племенамъ которыя платили ей дань и которыхъ онъ называетъ славянскими. Но въ этомъ-то сопоставленіи и заключается разгадка. Дѣло въ томъ что сама Русь безъ сомнѣнія отличала себя отъ покоренныхъ племенъ; какъ господствующій народъ, она вѣроятно свысока смотрѣла на своихъ славянскихъ

объявили не-рускими; но вполнѣ ли это вѣрно? Наше предположеніе о возможности видоизмѣненія тѣхъ же словъ или о замѣнѣ ихъ другими (не выхода изъ предѣловъ того же языка) подтверждается позднѣйшими названіями Днѣпровскихъ пороговъ. Многія ли изъ нихъ сохранились отъ временъ Константина хоть до XVII вѣка, то-есть до *Книги Большаго Чертежа*? Мы находимъ въ ней собственнo одно тождественное съ прежнимъ названіемъ: *Венагытеуъ* (*Неясыть* IX вѣка). Потомъ слѣдуетъ *Звонецъ*, соответствующій Константинову переводу противъ слова Геландри: „шумъ порога“. Далѣе *Вулипетъ*, который можетъ напоминать Вулипрагъ. Вотъ и все. Остальныя (*Кодакъ, Сурской, Ложанной, Стрѣльчей, Княгининъ, Воронова, Будило, Валлный, Дычна, Таволжаной*) не похожи на имена приведенныя Константиномъ. Только Будило напоминаетъ „Не спи“, но напоминаетъ своимъ смысломъ, а не буквой. Онъ же наводитъ на мысль о томъ какъ иногда своеобразно могутъ видоизмѣняться названія. (Такъ вмѣсто Гуландара могъ явиться Звонецъ). Конечно, крупныя географическія имена сохраняются гораздо тверже, но такія мелкія, какъ имена длиннаго ряда пороговъ, неизбежно должны были варіироваться. Сравнимъ названія пороговъ XVII вѣка съ ихъ настоящими названіями. Большею частію они сохранились, но съ другими окончаніями, и притомъ иногда озоветъ не на тѣхъ мѣстахъ; есть и названія совсѣмъ новыя.

Упомянемъ мимоходомъ о попыткѣ объяснить *всѣ* русскія названія пороговъ у Константина Багрянороднаго и почти всѣ личныя имена той эпохи изъ языка венгерскаго (*Зап. Одес. Общ. И. и Д.*, т. VI). Это показываетъ какое обширное поле для догадокъ представляютъ означенныя названія. Дѣйствительно, имена пороговъ—самое темное мѣсто въ цѣломъ варяжскомъ вопросѣ. Можно предложить еще слѣдующую догадку: пять непонятныхъ именъ не есть ли это остатки названій изъ болѣе древней эпохи? Той эпохи когда въ южной Россіи рядомъ съ Славянами еще обитали племена Литовскія, Готскія и Чудскія.

данниковъ, что конечно не мѣшало ей самой быть славянскимъ племенемъ. Необходимо взять при этомъ въ расчетъ то обстоятельство что понятие о родствѣ всѣхъ Славянъ между собою и о принадлежности ихъ къ одному великому племени есть достояніе собственно позднѣйшаго времени и притомъ только образованнаго или книжнаго класса. Не только тогда, но и теперь миллионы людей живутъ на свѣтѣ, не подозревая того что они Славяне. Константинъ Багрянородный могъ лучше знать собственно южныхъ Славянъ; а о сѣверныхъ и восточныхъ онъ писалъ болѣе по слуху, и потому легко впалъ въ заблужденіе, отдѣляя Русь отъ другихъ русскихъ Славянъ. Если мы не примемъ всего этого въ соображеніе, то впадемъ въ безвыходныя противорѣчія. Возьмемъ опять того же Константина. Описывая обычный зимній объѣздъ кievскими князьями покоренныхъ племенъ (полюдь), онъ говоритъ что князья для этого отправляются изъ Кіева „со всею Русью“. (Вотъ выраженіе которое воспроизводится въ нашей лѣтописи, только по другому поводу: „поѣша по себѣ всю Русь“.) Можно ли понять эти слова буквально, то-есть что кievскіе князья дѣлаютъ объѣздъ въ сопровожденіи всего Русскаго народа? Куда же въ такомъ случаѣ дѣвались тѣ многіе свѣтлые русскіе князья, сидѣвшіе съ ихъ дружинами по другимъ главнымъ городамъ, — князья о которыхъ говорятъ намъ договоры Олега и Игоря? Не ясно ли что тутъ надобно разумѣть собственно княжескую дружину, да и не однихъ кievскихъ князей, а вообще русскихъ князей; каждый изъ нихъ объѣзжалъ съ дружиной свой удѣлъ, чтобы собирать дань и творить судъ. Понятно что дружина-то и называла себя Русью по преимуществу. Понятны отсюда неточности и въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго. При всей своей добросовѣстности, онъ не могъ конечно избѣжать ихъ, когда говорилъ о другихъ народахъ. Если просмотримъ все его извѣстія, то найдемъ у него многія недоразумѣнія по отношенію къ тѣмъ народамъ которые онъ описывалъ по слуху, — недоразумѣнія весьма естественныя: и въ наше время, при настоящихъ научныхъ средствахъ, какъ иногда бываетъ трудно собрать точныя этнографическія данныя! Не отвлекаясь примѣрами сомнительныхъ извѣстій о другихъ народахъ (Хазарахъ, Печенѣгахъ, Уграхъ и пр.), приведу еще одно мѣсто изъ Константина о Руссахъ. Онъ говоритъ что Русскіе вымѣниваютъ у Печенѣговъ рогатый скотъ, коней и овецъ: „поелуку никакое изъ этихъ живот-

ныхъ не водится въ Россіи.“ Статочное ли дѣло чтобы въ Киевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вѣроятно изъ того большого количества скота которое Русскіе получали отъ степныхъ народовъ, Константинъ заключилъ о неимѣнніи его въ Россіи; могло быть также что ему случайно сообщилъ кто-нибудь неточное извѣстіе (напримѣръ, послѣ сильныхъ падежей скота, столь обычныхъ въ Россіи).

Случая всѣхъ извѣстій о Россіи того времени, мы выводимъ заключеніе что названіе Русь, какъ терминъ этнографическій, имѣло весьма эластичный характеръ. Въ обширномъ смыслѣ оно обнимаетъ всѣхъ восточныхъ Славянъ, подвластныхъ русскимъ князьямъ, въ менѣе обширномъ — Славянъ южно-русскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ—это племя Полянъ или собственно Киевская Русь; наконецъ, иногда значеніе этого имени, какъ мы видимъ, служивалось до понятія сословнаго, а не народнаго—это княжеская дружина, то-есть военный классъ по преимуществу. Что Русь была тождественна съ славянскимъ племенемъ Полянъ, это по нашему крайнему разумѣнію несомнѣнно. Константинъ Багрянородный, нѣсколько разъ упоминалъ о славянскихъ данникахъ Руси, приводитъ имена: Древлянъ, Уличей, Дреговичей, Кривичей и Сербовъ (Сѣверянъ). Гдѣ же Поляне, судя по нашей лѣтописи, главнѣйшее славянское племя? Константинъ ихъ не знаетъ, потому что Русскіе въ сношеніяхъ съ иноземцами любили называть себя исключительно Русью. А между тѣмъ дома, въ отечествѣ, имя Полянъ долго еще не забывалось и послѣ того. Замѣчательны въ этомъ отношеніи извѣстныя слова нашей лѣтописи: „Все это были одинъ славянскій языкъ: Славяне по-Дунайскіе, покоренные Уграми, и Морава, и Чехи, и Ляхи, и *Поляне, аже нынѣ зовомая Русь*.“ Эти драгоценныя слова никоимъ образомъ не согласуются съ басней о призваніи Варяговъ, и безъ сомнѣнія принадлежать не тому лицу которое внесло означенную басню въ нашъ лѣтописный сводъ, то-есть относятся къ иному ряду ея источниковъ. Кстати приведемъ еще мѣсто изъ лѣтописи, относящееся къ XII вѣку: „И стояша на мѣстѣ нарицаемомъ Ерель, его же Русь зоветъ Уголь.“ (Илат. 128, а въ Лаврент. 167: „перешедше Уголь рѣку“.) Мы видимъ тутъ рядомъ два названія: Ерель (Орель) и Уголь; оба они славянскія. Попадись эта фраза подъ руку Константина Багрянороднаго, по всей вѣроятности онъ написалъ бы: по-славянски Ерель, а по-русски Уголь; причемъ не обошлось бы безъ

нѣкотораго искаженія въ передачѣ, и (судя по аналогіи) намъ пришлось бы разыскивать значеніе Угла (Унголь или Ингуль) въ сѣверно-германскихъ нарѣчіяхъ; тамъ мы тотчасъ бы напали на тотъ же корень въ Англахъ или Инглахъ британскихъ или въ Инглингахъ скандинавскихъ, и вотъ новое подтвержденіе скандинавской теоріи. (Впрочемъ нѣкоторые норманисты все-таки напали возможнымъ отнести этотъ Уголъ къ скандинаво-рускимъ названіямъ!)

Русь и въ X вѣкѣ конечно не могла не сознать свое племенное родство съ другими примыкавшими къ ней Славянами; сношенія съ иноплеменными народами необходимо приводили ее къ этому сознанію. Но у насъ вопросъ идетъ о названіи которымъ себя отличалъ тотъ или другой народъ. Сознанію общаго родства всѣхъ славянскихъ племенъ и обобщенію слова *славянской языкъ* конечно болѣе всего помогла славянская племенная, распространившаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Названіе *Славяне*, кромѣ обширнаго смысла, имѣло, также какъ Русь, и болѣе тѣсный смыслъ: оно означало попреиму-ществу Новгородцевъ. Объ этомъ не одинъ разъ свидѣтельствуемъ наша лѣтопись. Напримѣръ: „помя же множество Варягъ и Словѣнъ, и Чюди и Кривичи.“ Еслибы понять здѣсь слово Славяне въ смыслѣ Славянъ вообще, то Кривичи оказались бы не Славяне. Неопредѣленность и измѣнчивость этнографическихъ терминовъ составляетъ общую черту историческихъ источниковъ древнихъ и средневѣковыхъ, начиная съ Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только въ разные эпохи, но и въ одну и ту же эпоху употреблялось часто то въ обширномъ (родовомъ), то въ тѣсномъ (видовомъ) значеніи. Эта черта произвела, какъ извѣстно, большую запутанность и породила множество недоразумѣній, которыми историческая наука страдаетъ до сихъ поръ и отъ которыхъ она освобождается весьма постепенно.

Итакъ Константинъ Багрянородный различаетъ Русь отъ Славянъ потому что она сама отличала себя отъ подчиненныхъ племенъ, и особенно этимъ названіемъ разнилась отъ Славянъ сѣверныхъ или Новгородскихъ. А послѣдніе въ свою очередь отличали себя названіемъ Славянъ отъ своихъ южныхъ соплеменниковъ. Въ этомъ смыслѣ только и можно понять выраженіе Русской Правды, гдѣ стоятъ рядомъ *Русинъ* и *Словенинъ*, то-есть: Южанинъ и Сѣверянинъ или Кіевлянинъ и Новгородецъ. Возьмемъ *Вопросы Кирика епископу Нифонту*—новгородскій

памятникъ XII вѣка. Тамъ говорится что Болгарину, Половчину и Чудину предъ крещеніемъ полагается 40 дней поста, а Словенину 8 дней. Тутъ Новогородецъ самъ называетъ себя Словениномъ, а не Русинимъ. Это различіе, повторяемъ, отразилось и въ иноземныхъ извѣстіяхъ. Константинъ Багрянородный именуетъ Новгородъ *вѣтинскою Русью* (ή ἔσθ' Ῥωσία). Арабскія извѣстія иногда называютъ его *Славя*. Южане разнились отъ Сѣверянъ не однимъ названіемъ; они по всей вѣроятности отличались и нарѣчіемъ, и особенно произношеніемъ. Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ-называемыя славянскія имена пороховъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ чѣмъ Кіевская Русь.

III. Личныя имена.—Извѣстія Арабовъ.

Предъ нами довольно длинный рядъ русскихъ личныхъ именъ, сохраненныхъ договорами Олега и Игоря. * На эти имена въ соединеніи съ такъ-называемыми русскими названіями пороховъ и вообще съ первыми именами нашей исторіи норманская система опирается какъ на каменные столбы. Но они совсѣмъ не такъ прочны какъ кажутся. Мы не будемъ разбирать каждое имя (норманисты только часть этихъ именъ

---

* Выписываемъ эти имена буквально, то-есть не измѣняя и тѣхъ которые стоятъ въ родительномъ падежѣ мужескаго или женскаго рода. Въ договорѣ Олега: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулазъ, Гуды, Руалдъ, Каризъ, Фреловъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лудуфостъ, Стемидъ. Въ договорѣ Игоря: Иворъ, Вуефастъ Святославъ, Искусевъ Ольги, Слуды, Улѣбъ Володиславъ, Каницаръ Передславинъ, Шихбернъ, Сфандръ жены Улѣбъ, Прастѣнъ, Турдуви, Либнаръ, Фастовъ, Гримъ, Сфирьковъ, Прастѣнъ, Акумъ, Кары Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егриевалисковъ, Вошковъ Истръ, Аминодовъ, Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Шибридъ, Ааданъ Колъ-Клековъ, Стеггетонковъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Оутинъ, купецъ Адунъ, Адулъ, Игтивладъ, Олѣбъ Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Ешигъ, Турбидъ, Фуретѣнъ, Бруны, Розадъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Турбернъ, Мокы, Свѣнъ, Стиръ, Ааданъ, Тилена, Пубынксаръ, Вузаѣнъ, Сикко Воричъ.

приводить въ параллель со скандинавскими). Достаточно будет нѣсколькихъ примѣровъ, чтобы указать натяжки норманистовъ и ихъ явное пристрастіе въ пользу Скандинавовъ.

Возьмемъ имя *Карлы*. Съ перваго взгляда оно можетъ показаться нѣмецкимъ. Но напрасно вы думаете что это имя исключительно принадлежало Нѣмцамъ; оно, безъ сомнѣнія, употреблялось и у Славянъ. Иначе откуда же наше *карло* съ его уменьшительнымъ *карликъ*? Притомъ оно тутъ же встрѣчается въ другой формѣ *Кары*; слѣдовательно л есть не коренной звукъ, а вставной (извѣстно что это у насъ одна изъ обычныхъ вставочныхъ буквъ: Скуратовъ—Скурлатовъ). Слѣдовательно корень здѣсь *кар*, а остальное варіировалось, какъ это случается и съ другими именами: *Карлы*, *Каранъ* или *Карнъ* (который кстати тутъ есть), *Карачунъ*, *Оттокаръ*, и т. д. Далѣе: *Ингемьдъ*, другая его форма тутъ же присутствующая *Игивмьдъ*. *Вмьдъ*, это было одною изъ любимыхъ составныхъ частей въ славянскихъ именахъ. *Веремьдъ* или *Велемьдъ* звучитъ по-славянски, точно также: *Стемьдъ*, *Ульмъ* (или *Гльмъ*), *Прастьмъ* (съ его вариантами: *Фрастьмъ* и *Фурстьмъ*), *Войко*, *Синко* (конечно уменьшительныя отъ Вой, Воинъ и Синъ, Синеусъ или Синавъ). Сфирка (тоже уменьшит. Другая его форма могла быть Сирко или Стърко. Напомнимъ имя Горьстъръ и рѣку Свирь). *Гуды* и *Смуды*, подобно *Карлы*, своимъ окончаніемъ на *ы* безъ сомнѣнія соответствуютъ духу древне-русскаго или вообще славянскаго языка гораздо болѣе чѣмъ скандинавскаго. (Отъ *Гуды* должна быть другая форма *Гудинъ* или *Годинъ*; напомнимъ *Ивана Годиновича* руск. лѣсенъ). *Турбидъ* по всей вѣроятности собственно *Турвидъ* или *Туровитъ*; окончаніе *видъ* или *витъ* самое славянское изъ славянскихъ (это наше *вичъ*). Но если мы и оставимъ *бидъ*, окончаніе это также не потеряетъ своего славянскаго характера (*бѣдѣ* или *бидѣ*; кромѣ того у насъ есть фамилія *Турбиныхъ*). А первая половина имени *Туръ* получила въ славянскомъ языкѣ весьма разнообразное приложеніе. Напомнимъ только *Буйтура* Всеволода изъ Слова о Полку Игоревѣ. Древнѣйшая его форма была *Тыръ* или *Тырь*. *Туръ* встрѣчается здѣсь еще въ другомъ имени, *Турбернъ*. *Бернъ* какъ имя присутствуетъ тутъ же и въ простомъ видѣ, безъ соединенія съ другимъ словомъ, и опять въ соединеніи (*Шихбернъ*). Это имя также славянское; напоминаетъ городъ Берно, въ онѣмеченной формѣ *Брюнъ*. Но форма *Брюнъ* или *Брунъ* вѣроятно также употреблялась и у Славянъ; чему

свидѣтель стоящее тутъ же имя *Бруны*, съ окончаніемъ на *ы*.

Упомянутая форма *Тырѣ* также здѣсь есть въ имени *Стырѣ* или *Стирѣ*. Припомнимъ точно такія же имена славянскихъ героевъ: *Тырѣ* у Козьмы Пражскаго, *Стирѣ* у Далимила и *Ставра* нашихъ былинъ. Тутъ же, въ договорѣ Игоря, есть и дальнѣйшій вариантъ этого имени: *Истырѣ* или *Истрѣ*. * Присутствіе того же слова мы узнаемъ и въ имени *Гунастрѣ*; а *Гунѣ* находимъ еще въ имени *Гунарево*, конечно родительный падежъ отъ *Гунарѣ*. Въ имени *Вуефастѣ* мы видимъ славянское *Буй* или *Бой* измѣнявшееся въ *Вуй* или *Вой* (Бури-вой и т. п.); *Фастѣ* можетъ-быть вариантъ или искаженіе слова *гастѣ*, которое столь обычно въ славянскихъ именахъ (Радегастѣ и т. п.); но и форма *фастѣ* нисколько намъ не чуждая; съ придыханіемъ это *гвастѣ*, откуда наше *Хвастунѣ*. Кромѣ *Святослава* встрѣчаемъ здѣсь еще *Владислава* и *Предислава*.

Мы указали болѣе 20 именъ изъ договоровъ Олега и Игоря. Надѣемся этихъ примѣровъ весьма достаточно чтобъ убѣдиться въ несостоятельности норманистовъ, которые хотѣли непремѣнно сдѣлать изъ *Ингвалдѣ* скандинавское *Ингильмодѣ*, изъ *Улебѣ* *Ульфѣ* или *Олафѣ* и т. п. Мы не говоримъ о неизбѣжныхъ искаженіяхъ, въ которыхъ дошли до насъ эти отголоски нашей далекой старины: многія имена не точно переписывались, такъ что при чтеніи ихъ можетъ быть разногласіе,—чѣмъ конечно пользовались отрицатели ихъ славянства,—а нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя понять. Возьмемъ при этомъ въ разчетъ родство языковъ славяно-литовскихъ съ германскими. Въ началѣ *X* вѣка это родство было гораздо ближе чѣмъ въ наше время. Особенно долго сохраняется оно въ личныхъ именахъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ томъ стоить только заглянуть въ параллели личныхъ именъ у *Шафарика*. Даже кельтскія имена еще очень близки. Но самъ *Шафарикъ* не узналъ Славянъ въ

* Прошу покорнѣе обратить вниманіе на эти послѣднія слова, особенно на форму *Тырѣ*. Она даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію скифскихъ названій рѣкъ *Истра* и *Тыра*. Корень у обоихъ тотъ же, и это еще очевидно, если обратимъ вниманіе на то что греческое слово *Тугасъ* въ латинской передачѣ является *Dana-ister* или *Dana-str*, наше *Днѣстрѣ*. Напомнимъ также наши рѣки *Стырѣ* на Волыни и *Истру* Московской губерніи и древне-славянскаго бога-*Стыра* или *Стрибога*. (О мнимомъ монгольствѣ Скифовъ и Сарматовъ и о признакахъ въ нихъ нашихъ предковъ поговоримъ послѣ).

нашей Руси; къ сожалѣнію, онъ былъ увлеченъ кажущеюся стройностію скандинавской системы.

Если отъ договоровъ Олега и Игоря обратимся къ лѣтописнымъ именамъ нашихъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ, то придется повторять то же самое. Почему напимѣръ Рюрикъ есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительнымъ отъ Рюаръ, которое встрѣчается въ Игоревомъ договорѣ. Вообще имена на *рикъ* или *рикъ* почему-то считаются нѣмецкими; дѣйствительно они въ большемъ количествѣ встрѣчаются у Нѣмцевъ, но были и у Славянъ. Напомнимъ славянскія: *Андрикъ* (то же что нѣмецкое Генрихъ), *Ольдрикъ* и т. д. Оскольдъ почему опять это скандинавскій Аскель? У насъ есть рѣка Осколь; неужели она названа такъ Скандинавами? * Форма *ольдъ* нисколько не чужда славянскому языку: мы только что называли Ольд-риха. Это *ольд* должно быть сокращеніе изъ *влад*, *волад*; полная форма Ольдриха будетъ *Володарикъ*, то-есть уменьшительное отъ *Володарь*. Возьмемъ также нашего *Рогволода*: будто онъ долженъ быть скандинавскимъ Рагнвальдомъ. Но въ лѣтописяхъ встрѣчается его полная форма, то-есть *Рогволодъ*. *Рогъ* было также славянскимъ именемъ; напомнимъ изъ лѣтописи Новгорода Гюрату Роговича (также Рогдая богатыря). *Диръ*, это, говорятъ намъ, скандинавское Тиръ, женское Дирва. Къ чему скандинавское Тиръ, когда у насъ есть свой *Тыръ* или *Тырь*, о которомъ мы уже говорили? Замѣчательно что это имя также какъ имя Оскольда, связано съ названіями южно-рускихъ рѣкъ: Тырь (то-есть Днѣстръ), Стырь, Терекъ (уменьшит. отъ Тырь) и т. д. Вообще въ мірѣ языческомъ удивительнымъ образомъ переплетаются между собою имена мифологическія, географическія, народныя и личныя. Такъ имя Тырь съ своими видоизмѣненіями (Туръ, Турсъ, Торъ, Тавръ и пр.) получило весьма обширное приложеніе въ цѣломъ индоевропейскомъ мірѣ. Между тѣмъ какъ слово Карлъ у Славянъ сохранилось въ значеніи карлика и короля, Тырь удержало значеніе исполина; оно сохраняется въ нашемъ словѣ *богатырь* (которое есть чисто славянское и нисколько не татарское).

Далѣе: *Лютъ*, столь славянское имя (Людекъ, Лютоворъ, Лю-

* Осколь могъ имѣть ту же полную форму на *ольдъ*, то-есть Оскольдъ или Оскольдъ, подобно тому какъ теперь рѣка Яцольда. Да и самая Яцольда или Ясельда, если взять въ расчетъ бѣлорусское произношеніе, можетъ оказаться видоизмѣненіемъ Окольды или Оскольды.

тогастъ, Лютоміръ и пр.), норманисты передѣляли въ Liótr, Блудъ въ Blótr и т. п. Олегъ и Игорь (Ингваръ) гораздо болѣе присущи русской исторіи, чѣмъ скандинавской. Они принадлежали къ наиболѣе любимымъ русскимъ именамъ. Если они не славянскія, то какъ же, вмѣстѣ съ разными *славани*, они удерживались между князьями въ XII и XIII вѣкахъ (Олега находимъ даже въ XIV)? Между тѣмъ какъ Руссы, по словамъ самихъ же норманистовъ, ославянились еще къ началу XI вѣка. Не споримъ что между именами русскихъ дружинниковъ могутъ встрѣтиться и чисто норманскія имена, принадлежавшія Варягамъ-иноземцамъ, и не одни норманскія, а также угорскія и другихъ сосѣднихъ народовъ. Мы знаемъ что наши князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ витязей. Но отъ этого дружина все-таки не теряла свой русскій характеръ.

Норманисты отнимаютъ у Славянъ не одни личныя имена. Они усиливались доказывать будто скандинавское вліяніе отразилось и вообще въ нашемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ словахъ изъ государственнаго быта. Такимъ образомъ: бояринъ, гридинъ, метельникъ, лаломникъ, вира, вервь и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. Въ прошломъ столѣтіи, когда создалось зданіе скандинавской теоріи, понятны ошибочныя филологическія приемы ея основателей; наука сравнительной филологіи и археологіи почти не существовала и потому при всей своей эрудиціи и добросовѣстности, научные дѣятели о которыхъ идетъ рѣчь могли сдѣлать нѣсколько ошибочныхъ выводовъ. Въ наше время странно было бы настаивать на этихъ выводахъ, хотя бы и въ уваженіе къ заслугамъ такихъ дѣятелей, какъ Байеръ, Стриттеръ, Шлѣцеръ и Карамзинъ.

Вернемся еще разъ къ договорамъ Олега и Игоря. По расчетамъ норманистовъ, Русь, пришедшая во второй половинѣ IX вѣка, ославянилась приблизительно къ началу XI вѣка, да ранѣе невозможно было бы и требовать. Мы уже замѣтили что Русь, по договору Олега, то-есть въ началѣ X вѣка исповѣдуетъ ту же религію какую исповѣдывали восточные Славяне, то-есть поклонялась Перуну и Волосу. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и о языкѣ. Если славянскій текстъ договоровъ принадлежитъ ко времени самихъ договоровъ (а норманисты этого не отвергаютъ), то ясно что Русь уже въ началѣ X вѣка употребляла славяно-русскій языкъ и славянскую письменность. А если языкъ и религія у нея были славянскіе, то вопросъ: что же

оставалось у нея скандинавскаго и какъ успѣла она осла-
ниться въ нѣсколько лѣтъ? Вообще норманская школа отно-
ситъ введеніе славянской письменности ко времени Владиміра
Святаго; что опять таки противорѣчитъ существованію пись-
менныхъ договоровъ при Олегѣ и Игорѣ. Имѣются и другія
свидѣтельства о томъ что письменность на Руси существовала
еще въ IX вѣкѣ. Напомнимъ извѣстное мѣсто въ житіи Св.
Кирилла, о найденныхъ въ Херсонѣ Евангеліи и Псалтыри, пи-
санныхъ „рушскими письмены“. Точно такъ же норманисты и
начало христіанства въ Россіи приписываютъ пришлымъ скан-
динавскимъ князьямъ; тогда какъ по всѣмъ признакамъ хри-
стіанство существовало у насъ еще прежде этого мнимаго при-
шествія. На Руси оно утвердилось ранѣе чѣмъ въ Скандинавіи;
что совершенно естественно при исконномъ сосѣдствѣ южно-
русскихъ Славянъ съ византійскими областями на сѣверныхъ
берегахъ Чернаго Моря. Нѣтъ сомнѣнія что крещеніе Влади-
мира Святаго есть только послѣдній актъ продолжительной
борьбы съ русскимъ язычествомъ, окончательная надъ нимъ
побѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была рѣшительная побѣда визан-
тизма надъ латинствомъ, которое также, по всѣмъ признакамъ,
давно уже работало не въ одной Польшѣ, но и въ Россіи.
Еслибы Русь была не туземнымъ, славянскимъ народомъ,
а пришла изъ Скандинавіи, то сомнительно чтобъ она вырази-
ла къ восточному обряду болѣе симпатіи, чѣмъ къ западному.
Но вопросъ о началѣ нашего христіанства самъ по себѣ весь-
ма сложный и крайне затемненный легендами; о немъ погово-
римъ когда-нибудь въ послѣдствіи. Норманская школа почти
ничего не сдѣлала для его разъясненія; она обошла относящія-
ся сюда противорѣчивыя свидѣтельства и предпочла держатъ-
ся лѣтописной легенды, такъ какъ эта легенда болѣе согласует-
ся съ мнимымъ призваніемъ Варяговъ, чѣмъ свидѣтельства
византійскія и западныя.

Обратимся теперь къ восточнымъ или арабскимъ извѣстіямъ
IX и X вѣка. Они еще менѣе чѣмъ византійскія представля-
ютъ данныхъ въ пользу скандинавской системы; однако нор-
манисты сумѣли и ихъ повернуть въ свою пользу. Пріемы
употребленные для этой цѣли весьма просты. Норманисты
преспокойно относятъ къ Скандинавамъ все то что Арабы
рассказываютъ о Руссахъ. Арабы (Ибнъ Фодланъ) говорятъ
что Руссы были высокаго роста, стройны, свѣтло-русы, носили
короткую одежду, сѣкиры, широкіе обоюдоострые мечи съ

волнообразнымъ лезвiемъ и любили выпить. Но такъ какъ Скандинавы тоже были высокій, стройный и бѣлокурый народъ, носившій короткую одежду, мечи, сѣкиры и употреблявшій горячіе напитки, то ясно что Руссы пришли изъ Скандинавіи, заключаютъ норманисты. Въ наше время уже достаточно убѣдительно какъ шатки этнографическіе выводы основанные на общихъ фразахъ о наружности и обычаяхъ, и какъ часто сходные наружные признаки и обычаи можно встрѣтить у разныхъ народовъ. Но и тутъ, если внимательно разобрать описаніе Руссовъ у Ибнъ Фодлана, то нѣкоторыя важныя черты нравовъ указываютъ именно на Славянъ, а не на Скандинавовъ. Таковы религиозные обряды при погребеніи и особенно сожженіе одной изъ женъ вмѣстѣ съ покойникомъ. На послѣдній обычай западные источники указываютъ какъ на характеристическую черту Славянъ; русскій летописецъ прибавляетъ что то же самое дѣлалось еще и въ его время у Вятичей. Ибнъ Фодланъ говоритъ о раздѣленіи имущества покойнаго на три части, изъ которыхъ одна идетъ на погребальное пиршество, и это извѣстіе совершенно удовлетворительно объясняетъ происхожденіе славянскаго слова *тризна*, которымъ обозначалось это погребальное пиршество или поминки. Далѣе, высокій ростъ, и русые волосы нисколько не составляли отличительные признаки Норманновъ; они въ той же мѣрѣ принадлежали и Славянамъ. Поиски въ сѣверныхъ могилахъ показываютъ что волнообразные обоюдоострые мечи были весьма мало распространены между Скандинавами. Итакъ, перебирая всѣ извѣстія Арабовъ, окажется что въ нихъ нѣтъ ни одной черты которую можно было бы отнести по преимуществу къ Скандинавамъ. Но вотъ что можно вывести изъ нихъ какъ положительный фактъ: уже во второй половинѣ IX и въ первой X вѣка Арабы знали Русь какъ многочисленный, сильный народъ, имѣвшій сосѣдями Булгаръ, Хазаръ и Печенѣговъ, торговавшій на Волгѣ и въ Византіи. Нигдѣ нѣтъ и малѣйшаго намека на то чтобы Русь они считали не туземнымъ, а пришлымъ народомъ. Изъ Табари (писавъ въ началѣ X вѣка) видно что уже въ первой половинѣ VII вѣка Русь была сильнымъ народомъ, воевавшимъ въ странахъ при-Кавказскихъ, и даже есть извѣстіе о Руси VI вѣка (принадлежащее писателю XV столѣтія). Эти извѣстія совершенно согласуются съ походами Руссовъ на Каспійское море въ первой половинѣ X

вѣка, съ походами которые были предприняты въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ.

Арабскіе писатели, говоря о восточной Европѣ, ставятъ рядомъ имена *Славяне* (Саклабъ) и *Русь*, и слѣдовательно какъ будто подтверждаютъ мнѣніе о томъ что Русь народъ отличный отъ Славянъ. Но тутъ мы должны повторить то же что говорили о Константинѣ Багрянородномъ. Отъ Арабовъ еще менѣе можно требовать чѣмъ отъ Византійцевъ чтобы они вѣрно различали видовы названія отъ родовыхъ и употребляли точные этнографическіе термины. Напримѣръ Турки въ арабскихъ извѣстіяхъ являются иногда славянскимъ племенемъ. Вообще Арабы подтверждаютъ то положеніе что большая часть восточныхъ Славянъ отличала себя предъ иноземцами именемъ Руси, а имя Славянъ по преимуществу оставалось за Славянами дунайскими (и новгородскими). Но встрѣчаются нѣкоторые мѣста изъ которыхъ видно что Арабы знали о племенномъ родствѣ Руси и Славянъ. Такъ Ибнъ Хордадбегъ (въ IX в.) говоря о русскихъ купцахъ прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ“. Эти купцы у него ходятъ въ хозарскую столицу по *рѣкѣ Славянъ*, то-есть по Волгѣ. Вообще въ извѣстіяхъ Арабовъ Славяне и Русь являются неразлучными. Въ Италіи они занимаютъ одну и ту же часть города, тѣ и другіе сожигаютъ своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ одною изъ женъ (Масуди). Норманисты вмѣстѣ съ лѣтописною басней вѣрятъ въ прішествіе изъ Скандинавіи Оскольда и Дира, какъ нѣкихъ искателей приключеній; но Масуди (въ первой половинѣ X вѣка) знаетъ одного изъ славянскихъ царей, Дира, который владѣетъ многими странами и обширными городами.

Масуди, также какъ и прочіе арабскіе писатели, приурочиваетъ Русь преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей; онъ говоритъ что море Нейтасъ есть русское море, и что никто кромѣ Руссовъ по немъ не плаваетъ (мы думаемъ что тутъ разумѣется по преимуществу море Азовское), что они образуютъ великій народъ, не подчиняющійся ни царю, ни закону; что они раздѣляются на многіе народы и пр. Нельзя конечно вездѣ принимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ, но въ общихъ чертахъ эти извѣстія справедливы. Напримѣръ что Руссы не подчиняются ни царю, ни закону, съ арабской точки зрѣнія значить то что Руссы тогда не имѣли политическаго единства, то-есть были раздроблены на многія независимыя племена, что довольно вѣрно относительно во-

сточныхъ Славянъ въ первой половинѣ X вѣка. Ихъ объединеніе принадлежитъ позднему времени и совершилось со-всѣмъ не такъ быстро какъ объ этомъ разсказываетъ наша лѣтопись. Арабскія извѣстія о Руссахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей и на Волгѣ вполне подтверждаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о существованіи кромѣ Днѣпровской Руси еще Руси Черноморской. Существованіе Азовско-Черноморской Руси дѣйствительно объяснить намъ многое доселѣ непонятное, какъ-то: византійскихъ Тавроскиновъ (по нашему крайнему разумѣнію это собственно Тыроскины, то-есть то же самое что славянскіе Туревцы или Тиверцы), происхожденіе *русскаго* Тмутраканскаго княжества, ту роль которую игралъ Корсунъ въ начальной русской исторіи и особенно въ исторіи нашего христіанства, и т. д. Но какъ ко всему этому отнеслись норманисты? Все что прямо противорѣчитъ ихъ теоріи въ арабскихъ извѣстіяхъ, то невѣрно и ошибочно. Что сообщается темно и запутанно, истолковывается въ пользу возлюбленныхъ Скандинавовъ. Наконецъ явные ошибки и недоразумѣнія являлись у нихъ положительными фактами. Въ послѣднемъ случаѣ я разумѣю пресловутое извѣстіе арабскаго географа Ахмеда-аль-Катиба, жившаго въ Египтѣ во второй половинѣ IX вѣка.

Аль-Катибъ между прочимъ говоритъ что въ 844 году язычники *и менуэте* Русью ворвались въ Севилью, разграбили ее и опустошили. При первомъ знакомствѣ съ его рукописью, извѣстный оріенталистъ Френъ, одинъ изъ столбовъ норманской теоріи, указалъ на приведенныя слова какъ на сильное подкрѣпленіе для этой теоріи, и они дѣйствительно были приняты за таковое остальными норманистами. А между тѣмъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на подобное извѣстіе можно было усумниться въ его достовѣрности. Какимъ образомъ Руссы попали въ Севилью? Французскій оріенталистъ Рено весьма правдоподобно объясняетъ странное извѣстіе аль-Катиба превратными географическими представленіями Арабовъ о Балтійскомъ морѣ. А именно: Масуди *полагалъ* что это море есть рукавъ соединяющій Черное и Азовское моря съ Западнымъ океаномъ, и что язычники нападавшіе на Испанію вѣроятно были Руссы, то-есть Руссы припонтійскіе, а не скандинавскіе, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Аль-Катибъ жилъ ранѣе Масуди и неизвѣстно точно ли упомянутыя слова, найденныя въ его сочиненіи, принадлежатъ ему самому. Очень

можетъ быть что они вставлены позднѣйшимъ перелищникомъ, который былъ знакомъ съ сочиненіемъ Масуди и его предположеніе передалъ какъ положительный фактъ. Какое бы ни было происхожденіе этого страннаго извѣстія, во всякомъ случаѣ оно не заслуживаетъ никакой вѣры. Латинскіе лѣтописцы, перечислявшіе нападенія Скандинавовъ на западную Европу, говорятъ обыкновенно о Норманнахъ и совсѣмъ не знаютъ Скандинавской Руси. И конечно еслибъ она существовала, то была бы имъ извѣстна.

IV. Извѣстія западныя.—Угорская Русь.—Греческій путь.

Перейдемъ теперь къ двумъ западнымъ источникамъ которые находились въ числѣ главныхъ опоръ скандинавской теоріи. Мы говоримъ о Бертинскихъ лѣтописяхъ и епископѣ Лиутпрандѣ. Напомнимъ сущность извѣстій о Руси Бертинскихъ лѣтописей. „Въ 839 году византійскій императоръ Теофилъ отправилъ посольство къ императору Лудовику Благочестивому. При этомъ посольствѣ находилось нѣсколько человѣкъ которые называли себя Россами: они были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, который именовался Хаканомъ. Теофилъ въ письмѣ къ Лудовику проситъ дать средство этимъ людямъ отправиться домой, такъ какъ возвращаться тѣмъ же путемъ какимъ они пришли въ Константинополь было опасно, по причинѣ жестокихъ и варварскихъ народовъ. Императоръ Лудовикъ спросилъ о причинахъ пришествія этихъ людей; нашелъ что они изъ племени Свеоновъ и, заподозривъ въ нихъ шпіонство, велѣлъ задержать ихъ до тѣхъ поръ пока въ точности не объяснятся съ какимъ намѣреніемъ они пришли.“ Норманисты, какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе Лудовика о томъ что пришедшіе люди были изъ племени Шведовъ приняли за положительный фактъ, а слово Хаканъ обратили въ Гакана. Противники норманистовъ совершенно справедливо указали на существованіе древне-русскаго титула хакана или кагана. Такъ, митрополитъ Иларіонъ въ своемъ похвальномъ словѣ Владиміру Святому называетъ его *коганомъ*. Этотъ титулъ встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Ясно что въ Бертинскихъ лѣтописяхъ идетъ рѣчь о нарицательномъ хаканѣ, а не о собственномъ имени Гаканѣ. Относительно словъ „изъ племени Свеоновъ“ нѣкоторые антинорманисты пришли къ такому толкованію. Они допускаютъ что пришельцы были дѣйствительно родомъ Шведы, но находившіеся на службѣ у

киевского князя. Мы думаемъ что это натяжка. Впервыхъ, еслибъ они были Шведы, то почему стали бы называть себя Руссами, а не Шведами. Вовторыхъ, самый текстъ лѣтописей не говоритъ ясно и положительно о шведскомъ происхожденіи. Такъ какъ въ то время уже начались нападены Нормановъ на берега Франціи, то естественно Франкскій дворъ, мало знакомый съ сѣверомъ и востокомъ Европы, отнесся подозрительно къ этимъ пришельцамъ. Притомъ, какъ основательно замѣтилъ одинъ изъ антинорманистовъ (Нейманъ), не видимъ главнаго въ отрывочномъ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей: чѣмъ кончилось дѣло, то-есть подтвердилось ли что это были Шведы? Мы съ своей стороны предложимъ вопросъ: въ какомъ смыслѣ принимать здѣсь названіе Свеоновъ? Въ первой половинѣ IX вѣка это названіе исключительно принадлежало обитателямъ настоящей Швеціи или употреблялось еще и для обитателей южнаго Балтійскаго поморья (откуда вышли и сами Шведы)? Развѣ оно не могло обнимать не одни только германскія племена, но и нѣкоторыя славянскія? Мы знаемъ что славянскіе и германскіе народы нерѣдко являются подъ однимъ и тѣмъ же именемъ или подъ именами происшедшими отъ того же корня. Напримѣръ: имя Англы есть то же что наше Онглы или Углича, а нѣмецкіе Туринги то же что славянскіе Турчи (передѣланное въ Тиверци). Въ послѣдствіи у одного народа подобное названіе утрачивается, у другаго сохраняется. Если не взять въ разчетъ это обстоятельство, то на основаніи сходныхъ именъ, пожалуй, можно доказывать что Англичане славянскаго происхожденія. Могла быть также просто ошибка или у автора или въ рукописи, то-есть вмѣсто *Sueonum* не читать ли *Slavorum* или *Sclavorum*? И не такія ошибки можно встрѣчать въ источникахъ. Напомнимъ Льва Діакона, который нашихъ *Древлянъ* называетъ *Германцами*. Приведу также въ примѣръ извѣстіе одной латинской лѣтописи X вѣка, которая говоритъ что *на островъ Сканзіи* (т.-е. въ Скандинавію) *живутъ Готы и Гунны и Даки*. Попробуйте принять это мѣсто буквально, придавая именамъ то значеніе которое они имѣютъ въ наше время, то-есть подъ 'Даками' разумѣя Валаховъ, а подъ Гуннами Монголовъ; что за странное извѣстіе мы тогда получимъ!

Такимъ образомъ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, служившее сильною опорой норманистамъ, по нашему мнѣнію, обращается въ одно изъ многихъ доказательствъ противъ ихъ

теорію. Чтѣ можно извлечь изъ нихъ положительнаго, такъ это существованіе русскаго княжества въ Россіи въ первой половинѣ IX вѣка, т.-е. до такъ-называемаго призванія Варяговъ. А русское посольство къ императору Теофілу указываетъ на раннія сношенія Руси съ Византіей, и слѣдовательно подтверждаетъ упомянутые нами намеки на эти сношенія въ беседахъ Фотія. А если посольство не рѣшилось возвращаться прежнею дорогою, то мало ли какія причины оно могло для того имѣть. Наконецъ, почему не допустить буквальнаго смысла лѣтописей, то-есть опасности отъ варварскихъ народовъ (Болгары, Угры, Хазары и т. п.), съ которыми Русь въ то время могла находиться во враждебныхъ отношеніяхъ? *

Мы уже замѣтили выше какую шаткую основу для точныхъ этнографическихъ выводовъ представляютъ иногда народныя имена, если судить о нихъ по первому взгляду, не принимая въ разчетъ многоразличныхъ видоизмѣненій, которымъ они подвергались. Весьма часто народное имя или прозваніе имѣетъ за собою длинную и залутанную исторію, такъ что очень трудно добраться до его происхожденія и первоначальнаго смысла. Къ такого рода случаямъ я отношу названіе Руоци или Руотсы (Ruotsi), подъ которымъ Шведы извѣстны у Финновъ. Норманисты изъ этого названія сдѣлали свое обычное заключеніе: Финны называютъ Шведовъ Руссами; слѣдовательно наша Русь пришла изъ Швеціи. Но названіе Руссовъ встрѣчается и помимо нашей собственной Руси. На южномъ берегу Балтійскаго моря мы также находимъ въ средніе вѣка Русь (Нѣманъ), Пруссавъ, Рузію или Русцію, Рутеновъ, Руянъ или Ругіанъ, и т. п. Всѣ эти названія имѣютъ между собою тѣсную филологическую связь, но нисколько не означаютъ колонистовъ изъ южной Руси на берега Балтійскаго моря или на оборотъ. Если же объяснять колонистами (что и дѣлаетъ славянская школа, выводящая Варяговъ Русь съ Балтійскаго поморья), то полабскіе Древане

* Наше предположеніе что Свеоны Бертинскихъ лѣтописей могли относиться къ южному балтійскому поморью, а не къ Швеціи собственно, находитъ себѣ подтвержденіе въ сасвахъ одного изъ главныхъ представителей норманизма въ наше время. По поводу монографіи г. Геденова г. Куникъ замѣчаетъ объ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей: „Изъ этого не слѣдуетъ что ихъ князь жилъ на материкѣ Швеціи или что былъ вассаломъ шведскаго великаго князя (въ Биркѣ на Меларскомъ озерѣ), которому подвластна была лишь незначительная часть нынѣшней Швеціи.“ (Зап. Акад. Н. т. VI.)

окажутся колонистами изъ Волыни или наоборотъ, еракійскіе Дреговиты колонистами полоцкихъ Дреговичей; Поляки пойдутъ отъ кіевскихъ Полянъ, или Кіевъ (Куяба у Арабовъ) отъ польскихъ Куявовъ, и т. п.; объ Англахъ и Турингахъ мы уже говорили. Итакъ мало ли почему Финны могли назвать Шведовъ Руоцями. Это еще нисколько не указываетъ на тождество Шведовъ съ нашею Русью. Мимоходомъ замѣчу при этомъ что знаменитый Шафарикъ, употребляя такой же пріемъ какъ норманисты, впалъ въ ту же самую ошибку. Его поразило то обстоятельство что названіе *Скиѣи* по своему этимологическому строенію у Славянъ должно было обратиться въ собирательное *Скутъ*, а отсюда перейти въ *Чудь*. И вотъ Скиѣи оказались у него чудскими или финскими племенами. Но еслибъ онъ пошелъ далѣе и замѣтилъ тѣ видоизмѣненія которымъ подвергалось слово Скиѣи или Скиты, то увидалъ бы что слово это получило весьма обширное примѣненіе: Скатиа или Скандіа (Скандинавія), Сконіа (Шонія), Скотіа (Шотландія), города Скутари и Шалонъ (Каталавнъ или Скитавнъ) оказываются въ сущности видоизмѣненіями слова Скиѣи. А если отбросить с и признать за корень *кыт* или *кут* (что дѣйствительно такъ и есть, подобно словамъ *кора* и *скора* или *шкура*), то Китава или Кутава (древнее названіе Кіева), московскій Китай-городъ, Китай имперія (названная такъ по созвучію съ татарскимъ) Каталядія, Кутаисъ и мн. др. — все это окажется вариантами того же названія Скиѣи. *

Что касается до предполагаемой связи шведской провинціи Рослагена или Родслагена и общества Rodhsin (гребцовъ) съ нашею Русью, отъ нея добросовѣстно отказались уже сами представители норманистовъ. (Послѣ монографіи г. Геденова они отказались и отъ финскихъ Руотсовъ.)

Епископъ кремонскій Ліутпрандъ былъ два раза посломъ въ Константинополь, во второй половинѣ X вѣка, и упоминаетъ

* Названія отдѣльных предметовъ могутъ иногда вврѣсть въ такое же заблужденіе какъ и названія народовъ. Напримѣръ: чего бы проще, какъ Корсунскія врата Новгородской Софіи производить изъ города Корсуна? Къ названію присоединялись и другія обстоятельства: завоеваніе Корсуна Владиміромъ Святѣмъ и вывозъ оттуда Русскими нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній. Дѣйствительно, и въ древней, и въ новой Россіи эти врата производили изъ Корсуна, пока точныя изслѣдованія Аделунга не убѣдили въ томъ что они не греческой, а западной или латинской работы.

о Руссахъ два раза. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ: „На сѣверѣ отъ Константинополя живутъ Угры, Печенѣги, Хазары, Руссы, *которыхъ мы иначе называемъ Норманнами*, и Булгары, ближайшіе сосѣди“. Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ разказъ своего вѣстника о нападеніи Игоревой Руси на Константинополь, и прибавляетъ: „Это есть сѣверный народъ, который Греки по наружному качеству называютъ Руссами, а мы по положенію ихъ страны Норманнами“. Тутъ весь вопросъ заключается въ томъ: разумѣлъ ли Лиутпрандъ подъ именемъ Норманновъ только скандинавскіе народы, или онъ даетъ этому имени болѣе обширный смыслъ, то-есть относитъ сюда вообще народы сѣверные? Примѣры послѣдняго встрѣчаются и у другихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, и мы нисколько не колеблемся истолковать именно въ этомъ смыслѣ слова Лиутпранда. Если же принять слово Норманны въ смыслѣ Скандинавовъ, то что же выходитъ? Оказывается что Руссы поселившіеся на Днѣпрѣ все еще продолжаютъ называться Норманнами или Скандинавами, хотя уже прошло сто лѣтъ со времени ихъ предполагаемаго выхода изъ Скандинавіи (Лиутпрандъ выражается тутъ прямо о своемъ времени: *post vero vocatus*). Если же Лиутпрандъ подразумѣвалъ собственно скандинавское происхожденіе Руси, то кто ему мѣшалъ прямо указать на него, а не выразаться неопредѣленными терминами? Но дѣло въ томъ что онъ говоритъ только о положеніи страны. Онъ прямо помѣщаетъ Руссовъ въ сосѣдство Угровъ, Печенѣговъ, Хазаръ и Булгаръ; что совершенно соответствуетъ положенію приднѣпровской Руси и было бы весьма несогласно съ понятіемъ о Скандинавіи.

Мы видѣли что арабскія извѣстія второй половины IX вѣка говорятъ о Руссахъ какъ о сильномъ, многочисленномъ народѣ, предѣлы котораго на юго-востокѣ теряются гдѣ-то въ странахъ приволжскихъ и прикаспійскихъ. Если обратимся на юго-западъ, и здѣсь его предѣлы не только простираются до Карпатъ, но и переходятъ за нихъ. Галицкая или Червоная Русь, по лѣтописи, только при Владимірѣ Святѣмъ примкнула къ общему составу Руси. Вскорѣ она переходитъ въ руки Поляковъ. Въ послѣдствіи опять возвращается къ русскимъ князьямъ; а въ XIV вѣкѣ снова и надолго отходитъ къ Польшѣ, и отъ нея уже не возвращается къ Россіи, а поступаетъ во владѣніе Габсбурговъ. Невольно представляется вопросъ: когда же названіе *Русь*, *Русинъ* успѣло такъ глубоко вкорениться въ

Галицію, еслибы было принесено горстью выходцевъ изъ Скандинавіи? Галицкій народъ постоянно и до сихъ поръ отличается себя названіемъ Русскаго отъ другихъ Славянъ. При польскомъ владычествѣ изъ всѣхъ русскихъ областей соединенныхъ съ Литвой и Польшей, Галицкое воеводство носить названіе *Русскаго* по преимуществу. Галиція все-таки, хоть сравнительно не долго, принадлежала дому Рюриковичей. Но что такое Русь Закарпатская или Угорская, которая даже никогда не входила въ составъ Россіи? Когда она поселилась тамъ, положительныхъ свѣдѣній о томъ нѣтъ. Венгерскіе лѣтописцы говорятъ что она пришла въ Паннонію еще вмѣстѣ съ Венграми. А норманисты утверждаютъ что лѣтописцы дугъ и что это должно-быть русскіе бѣглецы временъ татарскаго нашествія. то-есть относятъ начало Угорской Руси къ XIII вѣку. Дѣйствительно венгерскіе лѣтописцы не отличаются правдивостію; однако они много говорятъ и правды. А мы думаемъ что Русское племя могло обитать въ Карпатахъ и подъ Карпатами еще прежде Угровъ, то-есть оно было тамъ старожилами. Вся Карпатская Русь есть живой протестъ противъ норманистовъ, и потому они вооружаются на нее всѣми силами. Такъ, они возражаютъ: что по нашей лѣтописи Карпатская область была населена племенемъ Хорватовъ, и слѣдовательно лѣтописцы наши отличали ее отъ Руси; что Хорваты по большей части выселились въ Иллирію, и остатки ихъ потомъ подчинены Русскими при князьяхъ Рюрикава дома. Противъ этого мы напомнимъ то что говорили о разныхъ объемахъ которые принимало названіе Русь. И Кривичей, и Волянъ лѣтописцы отличаютъ отъ Руси - Полянъ; однако это не мѣшало имъ сознать себя русскимъ народомъ. Но что скажутъ норманисты когда имя Хорватовъ мы сблизимъ съ именемъ Кривичей? Въ источникахъ встрѣчаются различные варианты того и другаго названія, напримѣръ; Кроваты, Кровиты и Кривиты или Кривичи. Это имя существовало въ сѣверной Руси, въ Галиціи и на Балканскомъ полуостровѣ и никоимъ образомъ нельзя объяснять его переселеніями. Точно также имя Сербовъ мы находимъ на Деснѣ (Сѣверянѣ), на Эльбѣ и на Дунаѣ, и отсюда въ правѣ заключить что такіа названія какъ Кривиты и Сербы принадлежали къ наиболѣе любимымъ славянскимъ названіямъ. Сокращенная форма названія Кривичей или Хорватовъ будетъ Кровы или *Кревы*. Наоборотъ имя Сербы или Сервы въ болѣе полной формѣ было: Серваты. Сарваты,

Савароматы, Савроматы или *Сарматы*. * Название Рось или Русь было также однимъ изъ любимыхъ и наиболѣе распространенныхъ славянскихъ названій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго что оно въ сѣверной Венгріи древнѣе прішествія Угровъ. То же названіе, только въ другой формѣ, распространялось и на значительную часть Панноніи; мы говоримъ о *Rugiu*, у Нѣмцевъ *Rugiland*. *Rugia*—это, по всей вѣроятности, одно изъ многихъ видоизмѣненій слова Русь или *Rusia*. Такъ въ латинскихъ лѣтописяхъ мы находимъ названіе нашей Ольги *regina Rugorum* (что не мѣшало носить имя Руговъ и нѣкоторой части Нѣмцевъ; опять напомнимъ Англовъ и Угличей, а также славянскихъ Руянь или Руганъ на Балтійскомъ морѣ). Итакъ Угорскую и Карпатскую Русь весьма трудно связать со скандинавскими выходцами. Она могла когда-то называться и Хорватами, что не мѣшало ей быть въ то же время Русью въ обширномъ смыслѣ, подобно нашимъ Кривичамъ. И имя это, какъ оказывается, совсѣмъ не означаетъ горцевъ, то-есть не происходитъ отъ слова *грьбъ*—*горбъ* или *хрьбъ*—*хребетъ*. Подобныя объясненія суть только попытки осмыслить названія, смыслъ которыхъ давно затерялся. Примѣровъ неудачнаго осмысливанія очень много. Такъ названіе *Нѣмцы* до сихъ поръ производятъ отъ *нѣмой*. Но возможное ли дѣло чтобы Славяне называли своихъ исконныхъ сосѣдей и когда-то соплеменниковъ для себя непонятными, то-есть нѣмыми? Названіе Нѣмцы очень древне, и напоминаетъ германскихъ Неметовъ у Тацита (на что уже указывали нѣкоторые ученые и прежде, но тщетно). Славянское „Нѣмцы“ представляетъ аналогію съ французскимъ „*allemands*“: имя одного народа перенесено на цѣлое племя.

Норманисты изоцрялись доказывать что и названіе Русинъ въ Угріи означаетъ собственно не челоѣка русскаго племени, а челоѣка русской вѣры. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводился разговоръ въ родѣ слѣдующаго: „Кто ты такой?“—„Русинъ (или Руснакъ).“—„Какой ты вѣры?“—„Русской.“—„А въ какой землѣ ты живешь?“—„Въ Угорщинѣ.“ Отсюда дѣ-

---

* Такимъ образомъ въ этихъ столь извѣстныхъ древнему міру *Сарматахъ* (и *Скиѣтахъ*) славянскіе ученые до сихъ поръ еще не признали своихъ предковъ и ждутъ пока это докажутъ имъ наиболѣе безпристрастные и добросовѣстные изъ Нѣмцевъ. Что послѣдніе отчасти уже и дѣлаютъ.

дѣлся прямой выводъ: самъ народъ считаетъ свою землю Угорскою, а не Русскою, слѣдовательно онъ пришелъ сюда послѣ Угровъ, а Русиною называетъ себя въ смыслѣ унита или православнаго. Но въ такомъ случаѣ, напримѣръ, прусскіе Поляки отвѣчающіе что они живутъ въ Пруссіи или въ Нѣмечинѣ, или нѣкоторые Западноруссы, говорившіе что они живутъ въ Польшѣ и т. п., все это будутъ не исконные обитатели края, а колонисты?

Норманская школа обыкновенно представляла Варяговъ, приходившихъ изъ Скандинавіи, свободно разгуливающими на своихъ лодкахъ по главнымъ рѣчнымъ путямъ Россіи вдоль и поперекъ ея, то въ качествѣ торговцевъ, то въ качествѣ пиратовъ. До сихъ поръ почти никто не обращалъ серьезнаго вниманія на это представленіе. Развѣ Россія была необитаемая пустыня или обитаема только слабыми племенами дикарей? На западѣ мы видимъ что Норманны иногда устьями рѣкъ врывались внутрь страны. Но эти походы нельзя и сравнивать съ такимъ продолжительнымъ и многотруднымъ путемъ, каковъ былъ такъ-называемый греческій путь изъ Балтійскаго моря по Волхову, Ловати и Днѣпру въ Черное. На этомъ пути мы видимъ по тому времени довольно густое населеніе и укрѣпленные города. Если Варяги и плавали по немъ, то не иначе какъ при мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ туземными державцами или общинами. На походы Скандинавовъ въ Константинополь большими массами нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Да подобные походы едва ли были возможны даже помимо помѣхи со стороны населенія: кромѣ громаднаго протяженія пути они должны были встрѣчать препятствія естественныя. Между Днѣпромъ и Ловатью лежитъ поперечный бассейнъ Западной Двины; слѣдовательно надобно было перейти два волока. Притомъ гораздо короче былъ другой путь изъ Варягъ въ Греки, по Западной Двинѣ; а Волховъ и Нева представляли весьма длинный крюкъ. Мы сомнѣваемся чтобы лодки поднимавшіяся изъ Балтійскаго моря по Двинѣ или по Волхову дѣйствительно перетаскивались потомъ волокомъ до Днѣпра. Гораздо естественнѣе предположить что торговцы должны были везти свои товары по этимъ волокамъ на телегахъ или, что вѣроятнѣе, зимой на саняхъ, и достигши Днѣпра, пересаживались въ лодки, которыя они нанимали или покупали у туземцевъ. Съ нашимъ предположеніемъ вполне согласуется извѣстіе Константина Багрянороднаго о плаваніи

рускихъ каравановъ въ Черное Море: обитатели приднѣпровскихъ областей въ теченіе зимы рубили лодки однодеревки; весной, во время разлигтя водъ, сплавливали ихъ въ Днѣпръ къ Кіеву; здѣсь торговцы покупали эти лодки, оснащивали ихъ и снаряжали караваны. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ съ какими усиліями эти караваны проходили сквозь Днѣпровскіе пороги; но замѣчательно что объ ихъ обратномъ плаваніи мы ничего не знаемъ. Раждается вопросъ: какимъ образомъ они проходили пороги противъ теченія? Сомнѣваемся чтобы тѣ же самыя лодки возвращались въ Кіевъ. Замѣчательно что скандинавскія саги, столь много разсказывающія о походахъ Норманновъ, совершенно молчатъ объ ихъ плаваніи по Днѣпру и его порогамъ. Точно также молчатъ о томъ и западные лѣтописцы. Адамъ Бременскій замѣчаетъ что путь изъ Швеціи въ Византію по Русской землѣ былъ мало посѣщаемъ, по причинѣ варварскихъ народовъ, и что ему предпочитали плаваніе по Средиземному морю. Мы знаемъ что Варяги или Норманны приходили въ Кіевъ; но приходили въ качествѣ гостей или наемныхъ дружинниковъ. Есть примѣры ихъ путешествія изъ Кіева въ Константинополь, но только съ позволенія кіевского князя. Извѣстно что Владиміръ Святій, утвердись въ Кіевѣ, самъ отправилъ часть излишней варяжской дружины въ Византію, и конечно на русскихъ же лодкахъ. Замѣчательно что это былъ первый случай отправленія Варяговъ въ Грецію изъ Руси; о болѣе раннемъ не говорятъ никакіе источники. О томъ чтобы Варяги могли пробиваться силой сквозь всю Русскую землю не можетъ быть и рѣчи. Сами Руссы, по замѣчанію Константина Багрянороднаго, могли предпринимать плаваніе въ Черное Море только въ то время когда были въ мирѣ съ Печенѣгами.

Оба извѣстія о великомъ водномъ пути, Константина Багрянороднаго и нашей лѣтописи, относятся къ той эпохѣ когда сѣверная и южная Русь объединились подъ владычествомъ одного княжескаго рода, и слѣдовательно плаваніе судовъ подъ покровительствомъ князей могло довольно свободно совершаться отъ Ладожскаго озера до нижняго теченія Днѣпра. Кратчайшій путь изъ Балтійскаго моря въ Черное по Западной Двинѣ стоялъ на второмъ планѣ вслѣдствіе того значенія которое приобрѣлъ Новгородъ, какъ торговый и отчасти политическій центръ.

Итакъ, повторяемъ, великій водный или Греческій путь

сдѣлался довольно торною дорогой собственно со времени русскихъ князей и въ связи съ ихъ господствомъ, а не прежде ихъ водворенія вдоль всей этой полосы. Почти то же мы должны сказать о связяхъ между Русью и *Варягами-Норманнами*. (Подъ этимъ именемъ разумѣемъ обитателей Скандинавіи, Датскихъ острововъ и южнаго Балтійскаго поморья.) Многіе факты изъ X и XI вѣковъ убѣждаютъ насъ что связи эти дѣйствительно существовали. Мы видимъ наемныя варяжскія дружины въ войскахъ русскихъ князей и даже варяжскій гарнизонъ въ Новгородѣ. Видимъ иногда брачныя и вообще родственныя отношенія Рюриковичей съ норманскими конунгами. При дворѣ русскихъ князей встрѣчаются норманскіе принцы и знатные люди; варяжскіе купцы или гости были не рѣдки, особенно въ Новгородѣ; въ случаяхъ нужды русскіе князья посылаютъ нанимать Варяговъ, а иногда сами ищутъ убѣжища у ихъ конунговъ. Однимъ словомъ, мы видимъ иногда довольно дѣятельныя сношенія. Но что же изъ этого. Слѣдуетъ ли отсюда будто Руссы пришли изъ Скандинавіи? Нисколько. Подобныя связи и сношенія мы находимъ и съ другими народами, какъ-то съ Греками, Поляками, Нѣмцами, Половцами и т. д. Замѣчательно что скандинавскія саги въ общихъ чертахъ по поводу отношенія Норманновъ къ Руси сходятся съ нашими лѣтописями, за исключеніемъ басни о призваніи Варяговъ, которая самимъ Скандинавамъ была неизвѣстна, также какъ и другимъ средневѣковымъ источникамъ. Новые скандинавскіе историки тѣмъ не менѣе повторяютъ эту басню, но повторяютъ ее съ нашего же голоса. Скандинавскія саги не только не подтверждаютъ басни о призваніи или о завоеваніи Руси Норманнами, напротивъ онѣ еще яснѣе чѣмъ наши лѣтописи характеризуютъ ту роль которую играли на Руси Норманны въ качествѣ наемныхъ дружинъ: хорошее вознагражденіе, вотъ что болѣе всего тянуло къ намъ этихъ сѣверныхъ кондотьеровъ, и они торгуются съ нашими князьями не хуже всякихъ другихъ наемниковъ. По всему видно что великокняжескій Кіевскій дворъ привлекалъ ихъ своимъ богатствомъ и блескомъ, какихъ имъ не приходилось видѣть у себя на родинѣ. Не изъ бѣдной, полудикой Скандинавіи проникали тогда въ Россію сѣмена цивилизациі, а развѣ наоборотъ, изъ Руси въ Скандинавію. Южно-русскіе Славяне со временъ глубокой древности находились въ сношеніяхъ съ греческими прилониітскими колоніями, и отъ нихъ конечно получили начатки своей

гражданственности. Въ этомъ отношеніи они не были менѣе счастливы чѣмъ Германцы жившіе на границахъ Римскаго міра. Цвѣтущее состояніе русской гражданственности, открывающееся предъ нами въ XI и XII вѣкахъ, не могло получить начало только со второй половины IX вѣка, то-есть со времени мнимаго призванія Варяговъ. Нѣтъ, такому цвѣтущему состоянію предшествовалъ безспорно долгій періодъ постепеннаго развитія. Только убѣдившись въ этой истинѣ, мы оцѣнимъ все значеніе варварскаго татарскаго ига въ Россіи: прошло четыре вѣка со времени нашего освобожденія, а наша гражданственность все еще позади, тогда какъ въ XII вѣкѣ она стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была выше польской.

Въ русскихъ лѣтописяхъ и въ скандинавскихъ сагахъ нашлось нѣсколько сходныхъ преданій. Напримѣръ, о смерти Олега отъ своего коня, о взятіи Коростена Ольгой при помощи воробьевъ и голубей, и пр. И вотъ еще доказательство скандинавскаго происхожденія! Интересно при этомъ замѣченное норманистами обстоятельство что русскія саги ловидому древнѣе исландскихъ! Исландскій разказъ о томъ какъ Гаральдъ Смѣлый взялъ въ Сициліи одинъ городъ помощью птицъ относитъ событіе къ половинѣ XI вѣка, а русская сага объ Ольгѣ и Коростенѣ говоритъ о половинѣ X вѣка. Кто же у кого заимствовалъ преданіе? Вопросъ еще болѣе усложняется, если обратимъ вниманіе на восточныя сказанія, по которымъ войско Чингизъ-хана такимъ же способомъ взяло одинъ непріятельскій городъ. Сходные мифическіе мотивы можно встрѣчать и постоянно встрѣчаются не только у родственныхъ народовъ, но также у народовъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга. Между тѣмъ у насъ есть цѣлые ученые трактаты толкующіе о заимствованіяхъ Русскими пѣсенъ, сказокъ и пр. то съ востока, то съ запада. Остается только предположить что и весь Русскій народъ откуда-нибудь заимствованъ! Народъ который своею многочисленностію и своеобразнымъ характеромъ издавна поражалъ иноземцевъ. Въ половинѣ XII вѣка Матвій, епископъ Краковскій, выражается такимъ образомъ: „Русь это какъ бы особый міръ; этотъ Русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ подобенъ звѣздамъ небеснымъ.“

V. Новгородская редакция легенды о призваніи князей.

Откуда взялась легенда о призваніи князей и о призваніи именно изъ Скандинавіи?

Извѣстно, что средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое нибудь отдаленное происхожденіе и притомъ льстѣющее народному самолюбію. Напримѣръ, Франки выводили себя отъ Энеевыхъ Троянъ, Бургунды отъ Римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ приѣмомъ было выводить народы изъ Скандинавіи. Такъ Іорнандъ производилъ Готовъ изъ Скандинавіи, и называлъ эту страну *vagina gentium*. Павелъ Діаконъ производитъ отсюда же Лангобардовъ. Видукинъ сообщаетъ мнѣніе, которое отсюда же выводитъ и Саксовъ. Къ Готскимъ народамъ нѣкоторые лѣтописцы причисляютъ Вандаловъ, Геруловъ, Скировъ, Ругіевъ, Бургундовъ и Аланъ (см. Мет. Рор. Стриттера. Т. I). Если принять Скандинавское происхожденіе Готовъ, то выходитъ, что и эти всѣ народы ведутъ свое начало изъ Скандинавіи. Очевидно происхожденіе изъ далекаго полумифическаго острова Скандін приобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого то благородства. Если принять въ соображеніе, что сами Скандинавы выводили своихъ предковъ съ береговъ Тананса, то получимъ слѣдующую несообразность: Готскій народъ усѣлъ изъ южной Россіи переселиться въ Скандинавію, тамъ размножиться, отсюда вернуться въ южную Россію и здѣсь уже съ III вѣка явиться господствующимъ народомъ. А между тѣмъ сама Скандинавія, эта воображаемая *vagina gentium*, извергавшая изъ своихъ предѣловъ цѣлые народные потоки, безъ сомнѣнія въ первые вѣка нашей эры была пустынною страной, изрѣдка обитаемою Финнами и Лопарями, по берегамъ которой еще только зараждались германскія колоніи, приходившія съ южнаго Балтійскаго поморья.

Этотъ столь распространенный обычай выводить своихъ предковъ изъ Скандинавіи по всей вѣроятности отразился и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ отсюда Варажской Руси. Но, какъ мы видѣли, все убѣждаетъ насъ въ томъ, что от-

т. хсѳі.

4

чество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ; что владычество свое она распространяла не съ сѣвера на югъ, а на оборотъ съ юга на сѣверъ, и что Русь и Варяги два различные народа: первые жили на югѣ, вторые на сѣверѣ. Сама лѣтопись наша Черное море называетъ *Русскимъ*, а Балтійское *Варяжскимъ*; эти названія весьма наглядно указываютъ на географическое положеніе Варяговъ и Руси, и нѣтъ никакого моря, которое бы называлось Варяго-Русскимъ. Арабы также Черное море называютъ Русскимъ; о Балтійскомъ морѣ хотя имѣли темное представленіе, но все-таки связывали съ нимъ названіе Варанкъ. Далѣе русская лѣтопись смѣшиваетъ Русь съ Варягами собственно въ легендѣ о призваніи князей; но почти во всѣхъ другихъ случаяхъ она различаетъ Русь отъ Варяговъ и говоритъ о нихъ какъ о разныхъ народахъ. Русскою землею въ лѣтописи называется по преимуществу югъ, а не сѣверъ Россіи; въ XII вѣкѣ князья подъ именемъ Руси разумѣютъ обыкновенно Кіевскую землю. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Русь приводится въ наиболѣе тѣсныя отношенія съ Полянами. Напомнимъ опять выраженіе лѣтописи: „Поляне яже нынѣ зовомая Русь“. Замѣчательно, что матерью русскихъ городовъ названъ Кіевъ, а не Новгородъ *.

* Обращаемъ вниманіе читателя на эту грамматическую невѣрность: Кіевъ мать, а не отецъ городъ (на что указалъ и г. Безсоновъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію Бѣлорусскихъ пѣсенъ). Народъ не могъ выразиться такими образами: онъ говоритъ „матушка Москва“, „бабушка Питеръ“, а не наоборотъ. Для объясненія этой неправильности предлагаемъ двѣ догадки. Или это названіе не народное, а книжное, заимствованное отъ Грековъ: то есть буквальный переводъ слова *μητρόπολις*; или оно народное, но въ такомъ случаѣ первоначальная форма его имѣла женское окончаніе. Съ послѣднимъ предположеніемъ согласуются тѣ названія Кіева, которые мы встрѣчаемъ въ греческихъ, латинскихъ и арабскихъ извѣстіяхъ X и XI вѣка, именно: *Kiava*, *Kitava* и *Kuava*. Мы думаемъ даже, что древнѣйшая форма была Китава или Кутава, которая перешла въ Кіаву, Куяву, Кіевъ, и наконецъ послѣдняя форма возобладала въ народномъ употребленіи. Такимъ образомъ названіе Кіева мы приводимъ въ связь съ названіемъ Скитія или Скиѳіи, о чемъ уже замѣтили выше. Первоначальная форма была забыта, и вотъ является обычная попытка осмыслить названіе; въ древней Россіи составилъ мнѣ объ основателяхъ Кіѣ; а въ новой не лучше поступали тѣ, которые производили Кіевъ отъ кѣи (палка). А между тѣмъ и до селъ близъ Кіева существуетъ мѣстность *Китаево* (съ Китаевскою

Начало Русской исторіи приурочиваетъ къ Новгороду одна только легенда о призваніи князей. „Со повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити“—вотъ какими словами начинается наша лѣтопись. Тутъ говорится о Кіевѣ, а не о Новгородѣ. Положительныя хронологическія данныя также относятъ начало нашей исторіи къ Кіеву. Первый достовѣрный фактъ, внесенный въ нашу лѣтопись со словъ византийцевъ, это нападеніе Руси на Константинополь въ 864—5 гг., въ царствованіе императора Михаила. Вотъ слова нашей лѣтописи: „Наченшю Михаилу царствовати, начаса прозывать Руска земля“. Норманская теорія придала имъ тотъ смыслъ, будто именно съ этого времени наше отечество стало называться Русью. Но внутренній, дѣйствительный смыслъ, согласный съ положительными событіями, тотъ, что въ царствованіе Михаила имя Руси впервые дѣлается извѣстнымъ, собственно впервые обращаетъ на себя вниманіе, вслѣдствіе нападенія Руссовъ на Константинополь. Можетъ быть нашъ лѣтописецъ и самъ думалъ, что съ тѣхъ поръ Русь стала называться Русью. Заблужденіе весьма естественное, и невозможно прилагать требованія нашего времени, къ русскимъ грамотнымъ людямъ той эпохи, то, есть ожидать отъ нихъ эрудиціи и критики своихъ источниковъ. Напримѣръ, могли ли они, читая византийцевъ, подъ именами Скивовъ, Сарматовъ и т. п. узнавать свою Русь?

„Тѣмъ же отселе почнемъ и числа положимъ — продолжаетъ лѣтопись“. Это *отселе*, по отношенію къ Русской исторіи, оказывается первый годъ Михайлова царствованія, который лѣтопись полагаетъ въ 852 г. * „А отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Ольгова, Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ

пустыню), а въ Кіевской губерніи есть два Китай-городка. Названіе московскаго Китай-города оказывается далеко не единственное. Отъ того же корня или кумъ произошло и названіе *Покутъя* (остатокъ имени Скутія или Сивоія).

Что подъ именемъ Руси разумѣлась въ древній періодъ преимущественно Кіевская земля даже и у другихъ южнорусскихъ Славянъ, весьма несомнѣнный примѣръ представляютъ извѣстныя слова Владимира Галицкаго о кіевскомъ бояринѣ Петрѣ: „Поѣха мнѣ Русскій объимавъ вся волости“.

* Начальную хронологію Нестора сами норманисты находятъ ошибочною; а именно на это указывалъ прежде Кругъ, и въ наше время г. Буянкъ.

перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святослава лѣтъ 33^а и т. д. Въ этомъ хронологическомъ перечнѣ начало Руси ведется не отъ призванія Варяговъ, а отъ той эпохи, когда Русь ясно, положительно отмѣчена византійскими историками. Затѣмъ хронистъ прямо переходитъ къ Олегу. Гдѣ же Рюрикъ? И почему такое повидному замѣчательное лицо, родоначальникъ Русскихъ князей, не получилъ мѣста въ означенной хронологіи? Мы въ этомъ случаѣ допускаемъ только одно объясненіе, а именно: легенда о Рюрикѣ и вообще о призваніи князей не принадлежитъ тому же лицу, который записалъ означенный хронологическій перечень. Эта легенда занесена собственно въ лѣтописный сводъ, и слѣдовательно принадлежитъ позднѣйшей редакціи, сравнительно съ упомянутымъ перечнемъ.

Въ настоящее время, послѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ трудовъ по вопросу о нашей лѣтописи (Погодина, Сухомлинова, Срезневскаго, кн. Оболенскаго, Бестужева-Рюмина и др.) нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемая Несторова лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, не есть произведеніе одного лица. Она есть собственно лѣтописный сводъ, который наросталъ постепенно и подвергался разнымъ редакціямъ. Списатели, какъ оказывается, не всегда довольствовались буквальнымъ воспроизведеніемъ оригинала; но часто прилагали и свою долю авторства; одно сокращали, другое распространяли; подновляли языкъ; вставляли отъ себя разсужденія, толкованія и даже цѣлые эпизоды. Ненадобно при этомъ упускать изъ виду также и простыя ошибки, описки, недоразумѣнія (особенно при чтеніи подтѣльных словъ) и пр. Извѣстныя слова мниха Лаврентія: „оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправивая Бога дѣля, а не кляните“—эти слова характеристичны. Мы думаемъ что и мнихъ Лаврентій, хотя называетъ себя писателемъ, однако едва ли это слово можно приложить къ нему въ буквальномъ смыслѣ. Вотъ отъ чего явилось такое разнообразіе списковъ, что нельзя найти двухъ экземпляровъ совершенно сходныхъ между собою.

Лѣтописный сводъ или, какъ его удачно называютъ, лѣ-

тописная мозаика дошла до насъ въ спискахъ, которые не восходятъ ранѣе второй половины XIV в.; отъ Кіевскаго періода не сохранилось рукописи ни одного лѣтописнаго сборника. Своды, дошедшіе до насъ и заключающіе начало нашей исторіи, принадлежатъ собственно Руси сѣверной, т. е. Новгородско-Суздальской, а не южной, и притомъ относятся къ тому времени, когда лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ уже прекратилась. Возстановить по нимъ начальную редакцію почти также трудно, какъ по былинамъ Владимірова цикла возстановить картину Кіевской Руси в придворно княжескаго или дружиннаго быта временъ историческаго Владиміра; ибо эти былины точно также дошли до насъ при посредствѣ сѣверной обработки и сѣверной передачи; они окрасились въ цвѣтъ, который имѣетъ мало общаго съ древнею Кіевскою Русью. Въ нихъ болѣе отражается единодержавная Московская Русь. Попытки нѣкоторыхъ изслѣдователей отдѣлать разнообразныя слои въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ начались сравнительно недавно, и, несмотря на нѣкоторые прекрасные результаты, остается еще обширное поле для дѣлателей; многія подробности еще ускользаютъ отъ разъясненія. Нѣкоторыя имена владѣльцовъ въ лѣтописный сводъ и списателей (Нестора, Сильвестра, Лаврентія и пр.) упали случайно; а остальные потеряны навсегда *.

Относительно порчи и перемѣнъ, которымъ подверглись наши начальныя лѣтописи, они представляютъ аналогію съ богослужебными книгами. Извѣстно, какія ошибки и вставки были въ нихъ открыты, когда началось ихъ исправленіе, и къ ка-

* Напримѣръ, извѣстное повѣствованіе объ ослѣпленіи Василья принадлежало какому-то Василію. Одинъ изъ изслѣдователей, специально работавшій надъ составомъ лѣтописей, г. Бестужевъ-Рюминъ, замѣтилъ, что къ составителю свода забылъ выкинуть имя дѣрваго расказчика, а то весь расказъ былъ бы приписанъ самому составителю. Передъ нами только что появившійся первый томъ *Русской Исторіи* г. Бестужева-Рюмина. Пользуясь случаемъ указать на этотъ въ высшей степени добросовѣстный и полезный трудъ. По отношенію къ Варяжскому вопросу наша историографія въ лицѣ этого ученаго дѣлаетъ шагъ впередъ. Хотя онъ въ главныхъ чертахъ и принимаетъ Норманскую теорію, какъ старѣйшую и сравнительно болѣе удовлетворительную; но не дѣлаетъ изъ нея историческаго догмата и указываетъ нѣкоторыя ея слабыя стороны.

кимъ важнымъ послѣдствіямъ они повели. А между тѣмъ богослужебныя книги какъ предметъ священный конечно переписывались съ большимъ тщаніемъ и большою осторожностію, чѣмъ лѣтописи; поэтому можно себя представить какъ велика была порча послѣднихъ; ибо для писателей и составителей сводовъ не было такой же сдержки. А когда началась ученая разработка Русской исторіи, тѣ рассказы, которые говорятъ о временахъ гораздо болѣе древнихъ чѣмъ самыя лѣтописи, относились обыкновенно къ народнымъ преданіямъ. Мы ни сколько не отвергаемъ преданій какъ одного изъ источниковъ исторіи; но дѣло въ томъ, что этимъ источникомъ надобно пользоваться съ величайшею осторожностію, и пока преданіе не выдержитъ строгой проверки по другимъ болѣе достовернымъ источникамъ, его никакъ нельзя возводить въ историческій фактъ. Это во первыхъ; а во вторыхъ еще вопросъ: то, что мы иногда считаемъ народнымъ преданіемъ, дѣйствительно ли таковымъ можетъ назваться? Можно не мало найти примѣровъ тому, какъ мимо народные преданія составились путемъ собственно книжнымъ. Нѣкоторые домыслы грамотеевъ, удачно пушенные въ массу, въ послѣдствіи какъ бы принимаютъ отбѣнокъ народныхъ преданій, особенно если въ нихъ отражался какой нибудь общій мотивъ, какое либо повторявшееся явленіе, другими словами если они попадали въ соответственную среду. Для аналогіи съ этимъ явленіемъ укажемъ на отношенія многихъ апокрифическихъ сказаній къ Библіи.

Столь прославленную легенду о призваніи князей мы позволяемъ себѣ отнести къ тѣмъ позднѣйшимъ эпизодамъ, которыхъ не было въ начальной редакціи. Кто былъ первый, внесшій ее въ лѣтописный сводъ, при настоящихъ средствахъ узнать невозможно. По всей вѣроятности она была внесена или преобразована тѣмъ лицомъ, который приложилъ нѣкоторые старанія къ обработкѣ этого свода, то есть придалъ ему нѣкоторую систему. Внесши это сказаніе какъ положительный фактъ, онъ или его списатели по возможности старались провести сказаніе и далѣе, то есть согласить съ дальнѣйшими фактами; но по наивности и простотѣ литературныхъ приемовъ они не могли избѣжать противорѣчій какъ въ этомъ случаѣ,

такъ и во многихъ другихъ *. Известно, что исторія каждаго народа начинается мифами. Не будемъ говорить о народахъ древняго міра; напомнимъ болѣе близкіе къ намъ примѣры: сказанія о Пшемислѣ у Чеховъ, о Крокѣ и Лешкахъ у Поляковъ и пр. Откуда главнымъ образомъ берутся эти сказанія? Изъ простой, естественной потребности объяснить свое начало, т. е. начало своего народа и особенно своей государственной жизни.

Наша легенда о призваніи князей изъ за моря имѣетъ всѣ признаки сказочнаго свойства. Во первыхъ, три брата. Известно, что это число служитъ любимымъ сказочнымъ мотивомъ не только у Славянъ, но и у другихъ народовъ. Еще у древнихъ Скимовъ, по извѣстію Геродота, существовалъ мифъ объ ихъ происхожденіи отъ царя Таргитая и его трехъ сыновей: Арпаксая, Лейпаксая и Колаксая. Въ средніе вѣка встрѣчаемъ у Славянъ мифъ о происхожденіи трехъ главныхъ славянскихъ народовъ отъ трехъ братьевъ: Леха, Чеха и Руса. Въ нашей лѣтописи, въ параллель съ Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ на сѣверѣ, являются три брата на югѣ: Кій, Щекъ и Хоривъ. Наша легенда о призваніи трехъ Варяговъ для водворенія порядка сходна съ ирландскимъ преданіемъ о призваніи трехъ братьевъ съ востока (Амелавъ, Ситаракъ и Иворъ) для заведенія торговли. Что легенда о трехъ Варягахъ установилась не вдругъ, и подвергалась также вариантамъ и украшеніямъ, доказываютъ ея позднѣйшая редакція съ прибавленіемъ Гостомысла, колебаніе, по разнымъ спискамъ, между Ладогою и Новгородомъ, и пр. Самая неопредѣленность выра-

---

* Для примѣра упомяну на происхожденіе Переяслава, который будто основанъ на мѣстѣ извѣстнаго единоборства при Владимірѣ св. Это не болѣе чѣмъ неудачная попытка осмыслить названіе города, въ родѣ мифа о Кіѣ, основателѣ Кіева. Составитель свода не обратилъ вниманія на то, что городъ Переяславъ уже упомянутъ имъ въ договорѣ Олега съ Греками. Это несообразность бросающаяся въ глаза; но другія несообразности мнѣ не пріятны еще легче ускользали отъ нашихъ старинныхъ лѣтописцевъ. Напримѣръ, могли ли они замѣтить слѣдующую тонкость? Въ сказаніи о призваніи князей говорится, что отъ этихъ князей Новгородцы стали называться *Русская земля*; а между тѣмъ изъ дальнѣйшихъ извѣстій ясно, что именно Новгородцы то и не называли себя Русью, а называли такъ обитателей Приднѣпровья.

женія: призывали изъ „за моря“ есть также обычная черта подобныхъ мифовъ, почти тоже, что наше сказочное: „изъ за тридцать земель.“ Если бы это былъ историческій фактъ, то могло бы сохраниться въ памяти народной болѣе определенное указаніе на мѣстность, изъ которой призывали князей. Впрочемъ, напрасно Байеръ считается родоначальникомъ Норманской теоріи; эта теорія въ общихъ чертахъ уже существовала въ древней Россіи, т. е. подъ моремъ тутъ нѣкоторыми разумѣлось море Варяжское или Балтійское. Такъ въ 1611 году изъ Новгорода отправлены были послы къ шведскому королю Карлу IX просить въ государя его сына; для чего приводилось слѣдующее основаніе: „А прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ ихъ же Варяжскаго княженія, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича былъ.“ Впрочемъ и въ древней Россіи мѣтніе о призваніи князей изъ Скандинавіи далеко не было исключительнымъ. Напомнимъ извѣстныя слова Степенной книги о томъ, что Рюрикъ съ братьями пришли изъ Прусской земли, и что они были потомки Пруса, брата Октавія Августа. Воскресенская лѣтопись также выводитъ ихъ изъ Прусской земли.

Польскій историкъ Длугошъ, писавшій во второй половинѣ XV вѣка, но имѣвшій подъ руками болѣе древнихъ русскихъ лѣтописцевъ, въ своихъ извѣстіяхъ о Руси распространяется о Кіѣ, Шекѣ и Хоривѣ, и только мимоходомъ упоминаетъ о выборѣ трехъ братьевъ Варяговъ нѣкоторыми русскими племенами. Онъ выражается о пришествіи князей вообще „изъ Варягъ“; но не говоритъ, будто Русь была Варяги и пришла съ князьями; напротивъ онъ говоритъ о Руси, какъ о народѣ туземномъ и стародавнемъ въ Россіи; приводитъ мѣтніе о его происхожденіи отъ мненческаго Руса; но прибавляетъ, что мѣтнія писателей объ этомъ предметѣ очень разнообразны и что это разнообразіе „болѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ истину“. Стрыйковскій также ничего не знаетъ о пришествіи Руси изъ Скандинавіи; онъ ведетъ Русь отъ Роксаланъ или Роксанъ; а о Варягахъ замѣчаетъ, что мѣтнія объ ихъ отечествѣ различны и что русскія хроники не даютъ на этотъ счетъ никакого объясненія. Все это показываетъ, какая путаница была въ нашихъ лѣтописяхъ по вопросу о началѣ Руси, прежде нежели

возобладало представление о пришествіи небывалаго народа Вараго-Руссовъ изъ заморя.

Сказаніе о новгородскомъ посольствѣ къ варяжскимъ князьямъ находится въ непосредственной внутренней связи съ однимъ изъ послѣдующихъ эпизодовъ, именно съ посольствомъ Новгородцевъ къ Святославу, у котораго они просили себѣ князя. Къ своей просьбѣ, какъ извѣстно, они присоединили угрозу: „Если изъ васъ никто не пойдетъ къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя (въ другомъ мѣстѣ).“ Можно ли принимать на вѣру подобный расказъ, который противорѣчитъ зависящему отношенію Новгорода къ великому князю Кіевскому? А что Новгородъ находился тогда въ зависимости отъ Кіевского князя, въ этомъ убѣждаютъ всѣ положительные факты. Константинъ Багрянородный замѣчаетъ, что самъ Святославъ при жизни отца былъ княземъ Новгородскимъ; онъ упоминаетъ Новгородъ въ числѣ другихъ городовъ зависящихъ отъ Кіева и нисколько не указываетъ на его самостоятельное положеніе. Въ Новгородѣ кіевскіе князья въ теченіе всего X вѣка содержали варяжскій гарнизонъ, и это можетъ только намекать на не совсѣмъ покорныя отношенія къ нимъ со стороны Новгородцевъ. Гораздо естественнѣе предположить, что упомянутый расказъ о посольствѣ къ Святославу происхожденія чисто Новгородскаго и сложился въ позднѣйшую эпоху. Онъ скорѣе выражаетъ характеръ отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ въ то время, когда Новгородцы уже добились нѣкоторой самостоятельности, кичились своимъ вѣчевымъ бытомъ и дѣйствительно *призывали* къ себѣ то того, то другаго князя.

Отсюда мы имѣемъ полное право предположить, что и самая легенда о посольствѣ славянскихъ (т. е. новгородскихъ) пословъ за море и о призваніи варяжскихъ князей, эта легенда, выводившая начало Русскаго государства изъ Новгорода—*происхожденія Новгородскаго* или, точнѣе сказать, *Новгородской редакціи*. Въ своемъ настоящемъ видѣ она занесена въ летописный сводъ не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, то есть не ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Ганзой, то есть съ германскими и сканди-

навскими побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи. Между тѣмъ Южная Русь была разорена и подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ Половцевъ, то есть со второй половины XI вѣка Русскіе постепенно были оттѣсняемы отъ побережья Чернаго моря и торговныя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула Татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія о Русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстія Арабовъ. Кіевъ, покинутый князьями и лежавшій въ развалинахъ, не могъ уже спорить съ Новгородомъ, который началъ присвоивать себѣ славу самаго основанія Русскаго государства. Преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Шекѣ и Хоривѣ есть ничто иное какъ та же попытка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло Русское государство? Эта попытка конечно южнорусскаго кіевского происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ туземныхъ, и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ Болгарами Дунайскими. Это преданіе оттѣснило на задній планъ и не дало ему ходу сѣверные лѣтописцы, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей. А *призваніе князей* въ то время было обычнымъ дѣломъ въ Великомъ Новгородѣ, и этотъ мотивъ легко могъ окрасить его преданія. Замѣчательно, что и въ послѣдствіи, въ началѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли, на призваніе князей ссылаются именно Новгородцы.

Мы упомянули о наемномъ варяжскомъ гарнизонѣ въ Новгородѣ. Начало этого гарнизона можно отнести къ концу IX или къ началу X вѣка. По словамъ нашей лѣтописи, Олегъ установилъ чтобы Новгородъ давалъ *дань* Варягамъ по 300 гривенъ въ годъ *мира дѣля*; что дѣйствительно они и получали до смерти Ярослава. Это извѣстіе конечно не легенда и принадлежитъ къ отдѣлу наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ лѣтописнаго свода. Его можно понимать только въ томъ смыслѣ, что Но-

вогородцы платили по 300 гривенъ на содержаніе у себя варяжскаго гарнизона. Тѣмъ не менѣе выраженія „данъ даяти“ и „мира дѣла“ могли въ послѣдствіи быть перетолкованы въ смыслъ какой то зависимости отъ Варяговъ и повліять на составленіе басни о когда то платимой Варягамъ дани, объ ихъ изгнаніи, потому объ ихъ призваніи и пр. Къ этому недоразумѣнію могли примѣшаться воспоминанія о дѣйствительныхъ нападеніяхъ Варяговъ на Новгородскіе предѣлы и о дѣйствительныхъ посылкахъ къ Варягамъ для найма войска *.

Если мы обратимся ко всѣмъ упомянутымъ памятникамъ русской словесности до-Татарскаго періода, то насъ поразитъ слѣдующее явленіе. Нигдѣ въ этихъ памятникахъ нѣтъ даже

* Въ лѣтописномъ своѣдѣ не мало можно найти примѣровъ тому, къ какимъ промахамъ и невѣроятнымъ сказаніямъ вела иногда недоразумѣнія или непониманіе позднѣйшими писателями нѣкоторыхъ выраженій древнѣйшей редакціи. Кн. М. А. Оболенскій въ своемъ интересномъ изслѣдованіи „О первоначальной Русской лѣтописи“ (обязательно нѣ сообщенномъ) весьма правдоподобно объясняетъ, какъ въ разсказѣ о походѣ Олега на Царьградъ изъ не-точно понятыхъ словъ *пръ* и *кола* вышло такое невѣроятное сказаніе: Руссы поставили свои суда на колеса, распустили паруса, и вѣтеръ погналъ эти суда въ городу по сухому пути. Между тѣмъ какъ *пръ* въ древнѣйшей редакціи означало флаги или знамена (прапоры), а *кола* было употреблено въ смыслѣ телегъ. Или, въ сказаніи о путешествіи Ольги въ Царьградъ русская княгиня очевидно ведетъ переговоры о дружбѣ и союзѣ, которые обозначены были словомъ *любовь* (что совершенно согласно и съ выраженіями договоровъ Олега и Игоря); а въ позднѣйшей редакціи является уже басня о любовныхъ и брачныхъ предложеніяхъ Ольгѣ (тогда уже очень пожилой женщины) со стороны императора Цинисхія (даже и не Константина). Кн. Оболенскій возводитъ начало нашего лѣтописанія не къ Нестору, а къ Григорію болгарскому пресвитеру, сопровождавшему Ольгу въ Константинополь. По его мнѣнію, этотъ Григорій сопровождалъ Ольгу также въ ея поѣздѣ на сѣверъ въ Новгородскую землю, и записалъ поразившую его черту о сѣверныхъ баняхъ; а позднѣйшіе писатели, въ слѣдствіе недоразумѣнія, связали этотъ разсказъ съ преданіемъ о путешествіи въ Синоію апостола Андрея, и заставили его проѣхать съ береговъ Днѣпра на берега Ильмена; отсюда въ Балтійское море и потомъ возвѣствовать въ Римъ о славянскихъ дивовидахъ. Такіе и подобныя тому разказы, въ основѣ которыхъ лежало недоразумѣніе или небрежность писателей, потомъ возводились въ народные преданія! Притомъ, именно въ началу XIII вѣка относится очевидныя заимствательства въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ; на что указалъ еще М. П. Погодинъ.

никакого намека на призваніе варяжскихъ князей. А между тѣмъ поводы къ тому были нерѣдки. Возьмемъ хоть столь извѣстное Слово о Полку Игоревѣ. Оно не разъ вспоминаетъ о старыхъ временахъ и о старыхъ русскихъ князьяхъ, даже о вѣкахъ Траяна; но о варяжскихъ князьяхъ нѣтъ и помину. Нѣкоторые обстоятельства автору Слова извѣстны были лучше чѣмъ лѣтописцамъ; у него есть имена князей, какихъ нѣтъ и въ лѣтописяхъ. Вообще отношенія Руси къ югу у него рисуются яснѣе и обстоятельнѣе чѣмъ у лѣтописцевъ. Такъ, Тмутракань является у послѣднихъ только мимоходомъ и исчезаетъ въ туманѣ; конечно вслѣдствіе того, что лѣтописный сводъ составленъ тогда, когда связи съ югомъ были уже порваны. Но слово о Полку Игоревѣ хотя относится къ концу XII вѣка, однако въ немъ живо еще представленіе о Тмутраканіи какъ о части Русской земли но отрѣзанной отъ нея Половецкою ордою. И не только о Тмутраканіи, поэтъ говоритъ и о готскихъ дѣвахъ, которыя на берегу Синяго моря поютъ пѣсни, звени русскимъ золотомъ. Тутъ конечно идетъ рѣчь о Готскомъ или южномъ берегу Крыма; о чемъ нѣтъ и помину въ нашихъ лѣтописяхъ. Самый походъ Игоря и Всеволода, какъ видно изъ Слова, былъ предпринятъ съ цѣлю: „поискати града Тьмутрокана“. Возьмемъ еще, для примѣра, сочиненіе митрополита Иларіона: „Похвала кагану нашему Владиміру.“ Здѣсь представлялся удобный случай упомянуть о предкахъ этого князя, и дѣйствительно Иларіонъ называетъ его сыномъ Святослава и внукомъ „старого“ Игоря; говоритъ, что ихъ победы и храбрость воспоминаются донинѣ; но далѣе Игоря онъ нейдетъ. Слово Давида Заточника и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ также приводятъ имена Святослава и Игоря. Замѣчательно это какъ бы систематическое умолчаніе о призваніи Рюрика и необычайныхъ завоеваніяхъ Олега во всѣхъ тѣхъ памятникахъ, которые несомнѣнно древнѣе лѣтописнаго свода. Могло ли все это быть случайно? Замѣчательно, что и лѣтописные источники, относящіеся несомнѣнно къ эпохѣ до-Татарской въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ остальными памятниками той же эпохи. Приведенный нами выше хронологическій перечень останавливается на смерти Святослава; отсюда мы можемъ заключить, что онъ написанъ при

Владимірѣ Мономахѣ, т. е. въ первой половинѣ XII вѣка; известно, что Рюрика здѣсь нѣтъ.

До какой степени въ лѣтописномъ сводѣ отразилось невѣденіе южныхъ событій и южныхъ отношеній, это видно на Болгарахъ. Какъ известно мы приписываемъ, и совершенно основательно, Дунайскимъ Болгарамъ весьма видную роль въ исторіи нашей письменности и нашего христіанства. Напомнимъ договоры Олега и Игоря, которые по мнѣнію Норманистовъ, дошли до насъ въ болгарскомъ переводѣ. Между Русью и Болгарами очевидно были дѣятельныя сношенія; да и самыя наши сношенія съ Византіей почти не могли совершаться помимо Болгаръ. А между тѣмъ лѣтописи наши чрезвычайно мало говорятъ о связяхъ съ Болгарами; они знаютъ о нихъ почти не болѣе того, сколько могли почерпнуть въ извѣстіяхъ византійскихъ. Иногда они какъ бы смѣшиваютъ Дунайскихъ Болгаръ съ Камскими. Только походы Святослава на Дунай описываются съ подробностями, но и то потому, что о нихъ много говорятъ византійскіе хроники. Точно также лѣтопись не даетъ отвѣта на вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Корсуню, который при Владимірѣ Св. какъ бы вдругъ получаетъ для насъ такое великое значеніе. Въ непосредственную связь съ этими отношеніями къ Корсуню мы должны поставить исконное существованіе Руси Приазовской, той Руси, которая въ нашей лѣтописи потомъ внезапно, почти безъ всякихъ предварительныхъ указаній, является въ видѣ особаго Тмутараканскаго княжества.

VI. Русь азовско-черноморская. Параллельныя легенды о призваніи у другихъ народовъ.

Тмутараканское княжество упоминается тогда, когда оно получило князей изъ дома Рюриковичей, то есть вошло въ составъ общей, объединенной Руси. Но ничто не доказываетъ, что бы это была собственно колонія Двѣпровскихъ Руссовъ, а тѣмъ менѣе Руссовъ Скандинавскихъ. Иначе мы не уяснимъ

себѣ многого въ нашей начальной исторіи, и въ особенности не поймемъ арабскихъ извѣстій.

Существованіе Азовской или Таманской Руси объясняетъ намъ упоминаемые Арабами походы Руссовъ на Волгу и въ Каспійское море въ 913 и 944 гг.—походы, надѣлавшіе много шуму на востокъ, но о которыхъ русская лѣтопись ровно ничего не знаетъ. Эти походы естественнѣе всего приписать Руси Тмутраканской, а не Кіевской (а тѣмъ менѣе Скандинавской). Укажу еще на извѣстіе Истахри, повторенное у Ибнъ-Хаукала, о томъ, что Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: первое, царь котораго живетъ въ городѣ Куаба; второе называемое Славія, и третье Артанія, царь котораго живетъ въ городѣ Артѣ. Куаба или Кутаба это конечно Кіевъ; полъ именемъ Славінъ съ достовѣрностію разумѣютъ Новгородскую землю; но Артанія ставитъ толкователей въ большое затрудненіе. Нѣкоторые оріенталисты пытались выпутаться изъ него съ помощію мордовскаго племени Эрза или Эрзяне, и городъ Арта оказывался ничто иное какъ Арзамасъ (Френъ). Другіе пытались изъ Артанія сдѣлать Біарманію или Біармію (Рено). А между тѣмъ арабскіе географы постоянно помѣщаютъ Руссовъ между Хазаріей и Румомъ (Византіей); чему совершенно не соответствуетъ сѣверная полоса Россіи. Въ данномъ случаѣ Истахри прямо говоритъ, что Арта находится между Хазаромъ и Дунайскими Булгаромъ. Мы думаемъ, что нѣтъ нужды отыскивать особое русское племя въ глубинѣ мордовскихъ лѣсовъ или на далекомъ сѣверѣ, и предлагаемъ третью догадку, а именно: Арта и Артанія суть искаженіе греческаго названія Таматарха, русскаго Тмутаракань *. Это мѣсто арабскихъ источниковъ будетъ для насъ тѣмъ замѣчательнѣе, что тутъ ясно раздѣляется Русь Кіевская отъ Руси Черноморской и Сѣверной тогда какъ во многихъ другихъ случаяхъ у Арабовъ Русь Днѣпровская и Черноморская очевидно смѣшиваются и тѣмъ затрудняется пониманіе текста. Точно также у нихъ смѣшиваются иногда въ одну двѣ

* Если отбросимъ первую половину этого сложнаго слова *Там* или *Тму*, то получимъ *Тарха*, *Тарханія*, *Тараканія* и т. п., откуда могло произойти арабское *Артанія* и *Арта*. Многочисленъ замѣтить, что около Керчи есть мѣстность, которая называется Старый Турпанъ или Тарпанъ.

Болгарин, Волжская и Дунайская; отъ чего также происходитъ не малая путаница. Тмутраканъ объяснить намъ и упоминаемый Арабами какой-то островъ, обитаемый Русью, окруженный озеромъ, покрытый лѣсами и болотами, нездоровый и сырой (Ибнъ-Даста и Мукадеси). Много было догадокъ на счетъ этого непонятнаго острова: его толковали и Давидъ, и Скандинавией и какими-то Волжскими островами, и наконецъ просто считали его выдумкою. Намъ кажется, что вопросъ будетъ ближе къ рѣшенію, если мы подъ этимъ болотистымъ, нездоровымъ островомъ признаемъ Тамань. (Можетъ быть тогда объяснится и „островъ Русія“, упоминаемый у Истахри). Тмутраканская Русь можетъ объяснить и тѣ извѣстія у Арабовъ, гдѣ ставится Русь отдѣльно отъ Куябы (напр. у Ибнъ-Фодлана говорится о привозѣ разныхъ вещей въ Хазарію изъ Руси, Булгара и Куябы). Вообще Арабы ближе были знакомы собственно съ Черноморскою Русью, нежели съ какою либо другою.

Подъ этой Черноморской Русью я однако не разумѣю одну только Тмутраканъ. Предѣлы самаго Тмутраканскаго княжества намъ въ точности неизвѣстны. Знаемъ только, что средоточіемъ его былъ островъ Тамань съ сосѣднею частію Крыма и восточнаго Азовскаго побережья; его сѣверное и западное побережье по всей вѣроятности также принадлежали этому княжеству. Мы видимъ, что устья Дона въ тѣ времена были въ рукахъ Руси; отсюда они переходили съ своими лодками на Волгу и плавали въ Каспійское море; поэтому Арабы даже полагали на мѣстѣ нижняго Дона какой-то рукавъ, которымъ Азовское море соединялось съ Волгою. Къ Черноморской Руси я думаю слѣдуетъ отнести и племя Тиверцевъ или Тиревцевъ. Замѣчательно, что въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ названіе этого племени промелькнуло раза два или три и потомъ исчезло безъ слѣда. Между тѣмъ у византійцевъ Тиверцы не встрѣчаются; но у нихъ есть Тавроскины, и мы позволяемъ себѣ отождествить эти два названія. Въ начальной нашей лѣтописи при исчисленіи племенъ, населявшихъ Россію, именно говорится объ Угличахъ и Тиверцахъ, что они простирались до Дуная, но главнымъ образомъ сидѣли по Днѣстру до самаго моря, что грады ихъ (существуютъ) до сего дне, и что страна ихъ называлась

Греками „Великая Скиѣія“. Выраженіе о городахъ существующихъ „до сего дне“ едва ли могло принадлежать составителю летописнаго свода, когда о Тиверцахъ уже не было и помину; это выраженіе есть отрывокъ изъ болѣе древняго источника. Названіе Тиверцевъ или Тавроскиѣовъ какъ названіе самаго южнаго русскаго племени, т. е. самаго ближайшаго къ Грекамъ, легко могло переходить у нихъ изъ видового въ родовое, т. е. этимъ именемъ они иногда обозначали всѣхъ Русовъ *. Во всякомъ случаѣ вопросъ о Черноморской Руси стоитъ на гораздо болѣе твердой почвѣ, нежели вопросъ о Руси Скандинавской. Въ настоящей статьѣ мы только желаемъ обратить вниманіе на тѣ стороны, откуда можно ожидать разъясненія нашей древнѣйшей исторіи. Болѣе точные и подробные выводы должны быть впереди; для нихъ слишкомъ мало нѣсколькихъ одиночныхъ усилій. Норманская школа болѣе ста лѣтъ работала надъ вопросомъ, гдѣ собственно была родина Норманской Руси, и не могла придти ни къ какому положительному выводу, такъ что въ послѣднее время намъ предстоитъ еще теорія о приходѣ Руси съ острова Даго. (См. Зап. Акад. Н. Т. VI. кн. I. Приложенія). Но возвратимся къ Руси Тмутраканской.

Эта Русь можетъ разъяснить намъ отношенія къ Корсуню. Еслибъ она была не болѣе какъ нормано-русская колонія, основанная во времена Святослава или Владиміра св., то какимъ образомъ Кіевскіе князья могли удерживать за собой такое далекое владѣніе, отрѣзанное отъ Кіевской Руси степями и

---

* Эти Тавроскиты суть видоизмѣненіе болѣе древняго названія греческаго Тиригеты или Тырангиты, т. е. обитатели береговъ рѣки Тыра. Тыръ, Туръ и Тауръ или Тавръ суть разныя произношенія одного и того же слова. Точно также *гиты*, *геты*, *готы* и *гуты* суть видоизмѣненіе корня *гит*, которое мы сблизяемъ съ *кит*, откуда пошли *хит*, *кит*, *кат* и *кот* (или *кош*); звукъ *г*, какъ извѣстно, легко переходитъ въ *к*. Букву *с*, мы уже говорили о томъ, считаемъ приставочною въ словѣ Слиты. Что у Грековъ *Скиты* могло быть видоизмѣненіемъ слова *Геты* или *Гиты* съ приставкою *с* по волиѣскому произношенію, было высказано еще Салмазіемъ, лейденскимъ профессоромъ въ XVII вѣкѣ (См. Sulpicii Severi *Sacrae historiae* 310). А что Тиверцы есть видоизмѣненіе слова Тырвцы указано Шаарникомъ. Тутъ перестановка звуковъ такая же какъ въ названіяхъ Ятвягъ и Явтягъ, Северы или Севры и Серевы или Сервы (Сербы).

кочевыми народами? Надобно было держать въ покорности туземное населеніе и въ то же время защищаться отъ Казаръ, Печенѣговъ и Грековъ; для этого требовались сильный гарнизонъ и постоянныя подкрѣпленія изъ Кіева. Между тѣмъ на оборотъ уже сынъ Владиміра св. Мстиславъ Тмутраканскій является такимъ могущественнымъ княземъ, который громитъ сосѣдніе народы, одолеваетъ своего старшаго брата Ярослава Кіевского, и захватываетъ себѣ всѣ русскія области на востокъ отъ Днѣпра. По всей вѣроятности, до прихода Половцевъ предѣлы Тмутраканскаго княжества на сѣверѣ сходились съ предѣлами Чернигово-Сѣверской земли, и тогда понятны будутъ ихъ связи, о которыхъ еще живо помнитъ авторъ Слова о Полку Игоревѣ. Въ то же время на югѣ, въ восточной части Крыма, предѣлы Тмутраканской Руси сталкивались съ Византійскими владѣніями. Напомнимъ отрывокъ (помѣщенный въ изданіи Льва Діакона) изъ донесенія неизвѣстнаго по имени греческаго начальника въ Крыму о его войнѣ съ какимъ-то варварскимъ народомъ. Предводитель этого народа, напавшій на Грековъ, владѣетъ страной къ сѣверу отъ Дуная; между тѣмъ обитатели сосѣдней крымской области, какъ свидѣтельствуется письмомъ, суть единоплеменники этого варварскаго народа. Нельзя не узнать здѣсь Руси; а подъ княземъ тутъ можно подразумѣвать или Святослава или Владиміра. Эти сближенія проливаютъ свѣтъ на темныя доселѣ слова Игорева договора: „А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ въ той части, да не имать волости князь Русскій, да (не) воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ“. Тамъ же, ниже, ставится Руси въ условіе не пускать Черныхъ Болгаръ воевать Корсунскую страну, и не грабить греческія суда выброшенныя на берегъ. Всѣ эти условія возможны были только при существованіи Руси у самаго Чернаго моря и вполне согласуются съ арабскими извѣстіями о Русскомъ приморскомъ народѣ. Тогда не покажется страннымъ и извѣстіе Льва Діакона о томъ, что Игорь послѣ своего пораженія Греками воротился не въ Кіевъ, а въ Киммерійскій Боспоръ, и вообще болѣе понятными для насъ сдѣлаются морскія предпріятія Русовъ противъ Византіи. Въ договоръ Цимисхіа съ Святосла-

вомъ опять русскій князь обязуется не нападать на область Корсунскую. Ясно, что эта область соседствовала съ Русью, и что послѣдняя пыталась завоевать ее. И действительно опасенія Византійцевъ сбылись: при Владимірѣ Корсунъ была завоевана Русью. Мы видимъ въ этомъ завоеваніи не какое то случайное, отрывочное предпріятіе Кіевского князя. Нѣтъ, это было слѣдствіе давнихъ и притомъ соседственныхъ отношеній. Въ связи съ этими отношеніями должно находиться и извѣстное сказаніе о нападеніи Руссовъ на Сурожъ.

Обратимъ вниманіе на интересный рассказъ Константина Багрянороднаго о продолжительной борьбѣ между Боспорянами и Херсонитами. Во главѣ Боспорянъ стояла династія Савроматовъ. Очевидно, Сарматы, завладѣвшіе древнимъ Боспорскимъ царствомъ, стремились завладѣть и послѣднимъ оплотомъ эллинизма въ Крыму, то есть Херсонесомъ Таврическимъ. Всматриваясь ближе въ отношенія Таманской Руси къ Корсуню нельзя не придти къ тому заключенію, что ихъ враждебныя отношенія суть продолженіе той же борьбы, о которой рассказываетъ Константинъ Багрянородный. А если мы возьмемъ во вниманіе, что къ Сарматскимъ народамъ древніе писатели относили племя Роксалавъ (т. е. Руссовъ), что Роксалае еще въ 1-мъ вѣкѣ до Р. Х. встрѣчаются около Азовскаго моря, гдѣ они воевали съ Митридатомъ Понтійскимъ, тогда намъ не нужно будетъ выводить изъ Скандинавіи русскую колонію на берега Азовскаго и Чернаго морей.

Повторяемъ, при существованіи Черноморской и Азовской Руси намъ понятны будутъ отдаленные походы Руссовъ на востокъ, въ Каспійское море и въ Прикавказскія страны — походы, совершавшіеся въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Мы думаемъ, что и та торговая колонія Руссовъ въ Итилѣ, о которой упоминаютъ Арабы, принадлежала Азовскимъ, а не Днѣпровскимъ Руссамъ. Наконецъ только существованіе Азовско-Черноморской Руси объяснитъ намъ, почему вообще Русь въ началѣ нашей исторіи является народомъ преимущественно мореходнымъ. Морскіе походы Кіевскихъ Руссовъ совершались конечно съ помощію ихъ приморскихъ родичей. Замѣчательно, что прекращеніе этихъ походовъ совпадаетъ съ

появленіемъ Половцевъ, которые постепенно отрѣзали Кіевскую Русь отъ ея приморскихъ соплеменниковъ; между тѣмъ торговые караваны продолжали еще ходить изъ Дѣпра въ Византію и обратно.

Когда составилъ нашъ лѣтописный сводъ, Черноморская Русь пришла уже въ забвеніе; поэтому весьма могло быть, что въ разсказахъ о первыхъ князьяхъ она смѣшивалась съ Кіевскою Русью. Особенно это можно сказать относительно эпизода объ Оскольдѣ и Дирѣ. Этотъ лѣтописный эпизодъ весьма сомнительнаго свойства. Во первыхъ, что означаютъ тутъ два имени столь тѣсно связанные и всегда неразлучныя? Они являются какъ бы двумя частями одного и того же имени. (Оскол-Диръ или Оскол-Тыръ, Сколо-Тыръ и т. п.). Это предположеніе объ одномъ лицѣ, а не о двухъ, дѣлалось и прежде. Во вторыхъ, византійцы не называютъ предводителей Руси, напавшей на Константинополь въ 865 г.; затѣмъ они разсказываютъ объ обращеніи этихъ Руссовъ, объ ихъ посольствѣ въ Римъ и Константинополь по вопросу о вѣрѣ, о чудѣ съ Евангелиемъ; причемъ говорятъ постоянно объ одномъ князѣ, а не о двухъ. Наши лѣтописи разсказъ о нападеніи на Константинополь въ 865 г. почти буквально взяли изъ византійскихъ хронографовъ, но присоединили къ нему имена Оскольда и Дира. Очень могло быть, что названія какихъ либо кіевскихъ урочищъ въ родѣ Оскольдова могила и Дирова могила, могли послужить основаніемъ къ сказанію объ этихъ двухъ вятизяхъ, то есть подобно тому, какъ названія Кіевъ, Хоревца и Шековца послужили основою для легенды о трехъ братьяхъ, когда то княжившихъ между Полянами. Позднѣйшіе составители лѣтописнаго свода связали Оскольда и Дира съ легендой о призваніи Варяговъ и о переходѣ ихъ изъ Новгорода въ Кіевъ. Замѣчательно, что другаго дѣйствительно историческаго лица съ именемъ Оскольда Русская исторія не знаетъ, также какъ она не знаетъ ни Щека, ни Хорива. Разсказы о посольствѣ нѣсколькихъ мужей для испытанія обряда наши лѣтописцы относятъ къ тому князю, который окончательно утвердилъ христіанство въ Кіевѣ, то есть къ Владимиру. Между тѣмъ какъ восточный обрядъ, еще прежде Кіева могъ утвер-

даться между Азовско-Черноморскими Руссами, въ особенности по сосѣдству съ Корсунемъ. Что касается до пришествія Олега изъ Новгорода въ Кіевъ, то если бы и дѣйствительно онъ княжилъ сначала въ Новгородѣ, это нисколько не доказываетъ его норманство. Онъ могъ быть сначала удѣльнымъ княземъ Новгородскимъ, и потомъ перейти на Кіевскій столъ, какъ это повторилось съ Святославомъ, Владиміромъ и Ярославомъ. Онъ могъ оружіемъ или хитростью захватить Кіевскій столъ, чему бывали и другіе примѣры. Все это могло быть безъ всякаго призванія князей изъ Скандинавіи. Замѣчательно, что Длугошъ, жившій подъ руками старша русскія лѣтописи (хотя и не самой древней редакціи) ничего не знаетъ о пришествіи Оскольда и Дира изъ Скандинавіи; напротивъ онъ говоритъ о нихъ какъ о потомкахъ Кіа. Тоже самое и Стрыйковскій, который Оскольда называетъ *Осколодъ*. Никоновская лѣтопись и Степennая книга также не говорятъ о пришествіи Оскольда и Дира съ сѣвера. Извѣстно ихъ выраженіе, по поводу нападенія Оскольда на Константинополь: „Съ ними же бяху роди нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху въ Евксинонѣ“. Конечно это своды позднѣйшіе; но вопросъ заключается въ ихъ источникахъ. (См. *Обз. Хроногр.* А. Попова).

Въ числѣ тѣхъ легендъ, которыми украшено начало нашей лѣтописи, обратимъ вниманіе на первое столкновеніе Полянъ съ Хазарами. Поляне даютъ имъ по мечу съ дыма. Эти обоюдоострые мечи совершенно согласуются съ мечами Руссовъ по описанію Ибнъ-Фодлана. Можетъ быть и самая лѣтописная сага возникла для указанія на это различіе русскаго меча и хазарской сабли. Хазары наложили на Полянъ, Сѣверянъ и Витичей дань по бѣлѣ и веверицѣ съ дыма. По нѣкоторымъ спискамъ почти ту же дань платили Варягамъ сѣверные Славяне. Мы позволимъ себѣ сблизить эти извѣстія съ тѣмъ мѣстомъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ говорится, что во время княжескихъ междоусобій „Поганіи (Половцы) сами побѣдами нарицаше на Русскую землю, емяху дань по бѣлѣ отъ двора“. (А можетъ быть тутъ подъ поганными разумѣется Литва, а не Половцы?). Но для насъ замѣчательно такое почти буквальное совпаденіе даней хазарской, варяжской и половецкой. Могло быть, что вос-

помянутое о последней, то есть о половецкой (или литовской) дани перенеслось въ лѣтописномъ сводѣ на Хазаръ и Варяговъ. Мы сомнѣваемся, что бы Хазары въ IX вѣкѣ владѣли Приднѣпро-вьемъ. Изъ словъ лѣтописи видно, что извѣстіе о Хазарской дани относится къ тому времени, когда наоборотъ Хазары находились въ подчиненіи у Руссовъ („володѣють Козарами Русскіе и до днешнего дне“). И что это за время? Если принять мнѣніе Норманистовъ о составленіи лѣтописи въ началѣ XII вѣка, то какими Хазарами Русскіе тогда владѣли? Между тѣмъ по арабскимъ извѣстіямъ Руссы (конечно Приазовскіе) уже въ VII вѣкѣ воевали съ Арабами въ странахъ при-Кавказскихъ и требовали дани отъ другихъ народовъ. А противъ кого Хазарскій хаганъ укрѣплялъ свои границы на западѣ и съ помощью византійцевъ построилъ на Дону Саркелъ въ первой половинѣ IX вѣка? Мы думаемъ не столько противъ Печенѣговъ, сколько противъ Руссовъ. Но эта твердыня, повидимому, мало оказала помощи; извѣстны послѣдующіе походы Руссовъ на востокъ сквозь Хазарскую землю и разореніе Саркела Руссами.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и наименѣ крайнихъ норманистовъ, г. Куникъ, по поводу монографіи г. Геденова, выразилъ нѣкоторыя мнѣнія, несогласныя съ своею школою, — мнѣнія, къ которымъ онъ отчасти пришелъ еще прежде. Онъ добросовѣстно отказывается отъ Руссовъ въ Севильѣ, отъ шведскихъ Родсовъ (которымъ посвятилъ когда то особую монографію) и отъ 862 года; находитъ легендарный отбѣнокъ въ извѣстіи о трехъ братьяхъ Варягахъ и пр. Отказываясь отъ Скандинавскаго материка, какъ отечества нашей Руси, г. Куникъ однако не теряетъ еще надежды найти это отечество по крайней мѣрѣ на островахъ Готландѣ и Даго. Въ замѣчаніяхъ на монографію г. Геденова онъ приводитъ интересную параллель между нашею лѣтописною легендою о призваніи трехъ Варяговъ и Видукиновымъ сказаніемъ о призваніи въ Британію двухъ воеводъ, Генгиста и Горзы, основателей Англосаксонскаго государства. Послы Бриттовъ держали почти такую же рѣчь предводителямъ Саксовъ, какую славянскіе послы говорили варяжскимъ князьямъ. Даже повторяется то-

же выражение: *наша земля велика и обильна* (*terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta*). Дѣйствительно въ обоихъ сказаніяхъ есть нѣкоторая аналогія. Но что же изъ этого? Подобная аналогія указываетъ только на повтореніе сходныхъ легендарныхъ мотивовъ у разныхъ народовъ; чему примѣръ мы уже видѣли въ сагѣ о взятіи Коростена Ольгою. Параллели собственно исторической мы не видимъ. Во первыхъ, Бритты призывали Англосаксовъ на помощь противъ сосѣдей, а не для господства надъ собою (если дѣйствительно призывали, а не просто нанимали ихъ дружины въ свою службу, что вѣроятнѣе). Во вторыхъ, водвореніе англосаксонскаго владычества въ Британіи, какъ мы видимъ, совершилось весьма постепенно, цѣлымъ рядомъ переселеній съ материка и при отчаянной борьбѣ со стороны туземцевъ. Всѣ эти событія подтверждаются не только положительными историческими свидѣтельствами, но и очевидными послѣдствіями, то есть созданіемъ новой, смѣшанной, національности, при сильномъ преобладаніи нѣмецкаго элемента. Ничего нѣтъ подобнаго въ нашей исторіи. Новгородцевъ едва ли угнетали какіе иноплеменики въ первой половинѣ IX в.; нѣтъ никакихъ данныхъ которыя подтверждали бы слова лѣтописи о варяжской дѣли, предшествовавшей якобы призванію князей; да и легенда говоритъ, что Новгородцы сами прогнали Варяговъ. Призваніе чуждаго народа для порядка, то есть собственно для господства надъ собою, немыслимо (въ англосаксонской сагѣ совсѣмъ и нѣтъ этого мотива). Далѣе, сама же лѣтопись рассказываетъ, что, едва Новгородцы призвали князей для водворенія у себя порядка, какъ послѣдніе занялись покореніемъ другихъ племенъ, промѣняли Новгородъ на Кіевъ и начали громить Византію. Есть ли что нибудь историческаго въ такой невѣроятной комбинаціи? Не ясноли, что она возникла преимущественно для того, что бы объяснить начало Русскаго государства? Возникла въ Новгородѣ, а не въ Кіевѣ; причемъ обстоятельства, взгляды и обычаи современныя автору сказанія перенесены имъ на время, отдѣленное отъ него тремя или болѣе вѣками (явленіе весьма обычное въ лѣтописяхъ почти всѣхъ народовъ). А главное: гдѣ мы видимъ хотя какіе нибудь серьезныя слѣды иноземнаго, т. е. скандинавскаго, элемента въ составѣ Русской національности? Если это были

инизья только съ своимъ родомъ, съ своею дружиною, въ нѣсколь-
ко сотъ, даже въ нѣсколько тысячъ человекъ, то какъ могли они
въ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершить объединеніе почти всѣхъ
восточныхъ Славянъ; какъ могли они въ нѣсколько лѣтъ рас-
пространить имя Руси отъ Финскаго залива до Чернаго моря и
до нижней Волги? Если же эти иноземцы были многочислен-
нымъ, сильнымъ народомъ (а все указываетъ, что Руссы были
именно таковы), то гдѣ указанія на ихъ переселеніе изъ за
моря въ большихъ массахъ? Норманисты даже не могутъ найти
ихъ отечество, изъ котораго они будто бы ушли всѣ до единаго.
Какъ могли они такъ быстро и такъ основательно обратиться въ
Славянъ, не оставивъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ какихъ либо па-
мятникахъ? Неужели пять пока темныхъ для насъ названій поро-
говъ—вотъ все что осталось отъ скандинавской народности этого
многочисленнаго, энергическаго и господствовавшаго племени?

Если проводить параллели съ нашею легендою о призваніи
Варяговъ, то мы предложимъ другое сказаніе, но нашему мнѣ-
нію еще ближе къ ней подходящее. Прокопій въ своемъ сочине-
ніи *О Готской войнѣ* рассказываетъ слѣдующее событіе у пле-
мени Геруловъ. Часть этого племени поселилась на Дунаѣ въ
предѣлахъ Византийской имперіи. Однажды, во времена импе-
ратора Юстиніана, Герулы убили своего царя Охона для того, что-
бы не имѣть никакого царя, то есть никакой власти. Но потомъ
они раскаялись (конечно вслѣдствіе наступившей неурядицы) и
послѣ многихъ сходовъ рѣшили отправить посольство на островъ
Оулу, чтобы тамъ поискать себѣ князя изъ ихъ древняго цар-
скаго рода: такъ какъ другая часть Геруловъ удалилась на этотъ
островъ. Послы дѣйствительно нашли то что искали; но при-
глашенный ими князь на дорогѣ умеръ. Тогда они воротились
опять на островъ и выбрали другаго князя, по имени Тодасія.
Онъ выѣхавъ съ братомъ Аордомъ и съ 200 избранныхъ Геру-
ловъ отправился на Дунай. Такъ какъ прошло много времени,
пока послы успѣли воротиться, то Дунайскіе Герулы соскучи-
лись ихъ ожиданіемъ и успѣли принять другое рѣшеніе. Они
послали къ императору Юстиніану съ просьбою дать имъ царя.
Тотъ немедленно отправилъ къ нимъ Суарта, знатнаго Герула,
проживавшаго въ Константинополѣ. Но едва Суартъ началъ

царствовать, какъ прибылъ Тодасій изъ Оулу. Непостоянные Герулы покинули Суарта и перешли на сторону Тодасія.

Прокопій повѣствуетъ въ этомъ случаѣ почти какъ современникъ, и, если ему переданы были неточно подробности, все таки въ основѣ этого факта могло заключаться историческое событіе. Но что здѣсь подразумѣвается подъ островомъ Оулой или Тулой? У писателей начала Среднихъ вѣковъ подъ Тулой разумѣлся какой-то сѣверный островъ, который можно толковать Исландіей, Британіей и Скандинавіей. Но по всей вѣроятности это названіе перешло на сѣверъ изъ болѣе южныхъ странъ, точно также какъ и названіе Скиеи. Мы уже говорили, какъ имя древней Скиеи видоизмѣнялось и получило весьма широкое примѣненіе. Въ тѣсномъ смыслѣ это была нынѣшняя южная Россія, въ обширномъ предѣлѣ ея на сѣверѣ простирались до береговъ океана, на востокъ терялись въ степяхъ средней Азіи. Впослѣдствіи это имя, если не въ чистомъ, то въ измѣненномъ видѣ сохранилось за нѣкоторыми странами, и преимущественно за Скандинавіей или Скандіей? Мы позволяемъ себѣ слѣдующую догадку: не отсюда ли происходитъ и то недоразумѣніе, на которомъ основанъ столь распространенный въ Средніе вѣка обычай производить народы изъ туманной и едва извѣстной Скандинавіи? Если и можно назвать какую страну истинной, а не мнимой *vagina gentium*, такъ это древнюю Скиею въ ея тѣсномъ смыслѣ, то есть южную половину Россіи, съ прилегающими къ ней частью Дунайской равнины и Карпатской областью. Здѣсь еще по извѣстію Геродота обитали столь многіе народы. Отсюда они постепенно расселялись на сѣверъ и на западъ. Впослѣдствіи, когда имя Скиеи перенесено было на отдаленные берега Сѣвернаго моря, съ этими берегами смѣшались воспоминанія о Скиеи, какъ о древнемъ отечествѣ, и лѣтописцы начали эти воспоминанія приурочивать преимущественно къ Скандинавіи *. Тоже могло случиться съ именемъ

---

* Что названіе Скандія или Скандинавія (у Фредегара *Schatanavia*) есть видоизмѣненіе слова Свентія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ источникахъ иногда рядомъ встрѣчаются для нея оба именования; напр. у геогра-

Оулы. Если возьмемъ въ расчетъ обычный въ арійскихъ языкахъ переходъ *p* въ *l*, то вмѣсто *Оула* или *Тула* получимъ *Тура*, т. е. названіе, которое будетъ въ связи съ рѣкою Тырѣ (Днѣстръ) и полуостровомъ Таврѣ (Крымъ); послѣдній представлялся древнимъ также и островомъ. И дѣйствительно, есть указанія, по которымъ можно предполагать, что часть Крыма въ Средніе вѣка носила названіе Оулы (напр. Кеппена Крым. сбор. 131 стр.). Поэтому легко могло иногда происходить смѣшеніе въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ: что принадлежало собственно Черноморью, то относилось къ берегамъ Сѣвернаго океана. (Названія городовъ Тулы и Тульчина конечно нескандинавскаго происхожденія). Хотя Прокопій въ упомянутомъ разсказѣ не поясняетъ, гдѣ находился островъ Оула; но изъ другихъ его извѣстій объ этомъ островѣ можно догадываться, что онъ смѣшивалъ ее съ Скандинавіей, вслѣдствіе уже укоренившагося въ то время тяготѣнія лѣтописцевъ къ этой полумифической странѣ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что Герулы, если посылали пословъ, то посылали не въ Скандинавію, а на берега Чернаго моря, гдѣ была ихъ прѣжняя родина и гдѣ оставалась еще часть ихъ племени съ своимъ древнимъ княжескимъ родомъ.

Приведенный нами разсказъ о Герулахъ съ перваго взгляда весьма похожъ на нашу легенду о призваніи князей; но сущность его оказывается иная. Герулы посылаютъ за княземъ не къ чуждому племени, а къ своему собственному, и приглашаютъ правителя не иначе какъ изъ своего древняго княжескаго рода. Отъ императора они получаютъ въ цари также человека своего племени. Но самый мотивъ призванія (внутренняя неурядница) замѣчательнымъ образомъ сходится съ нашею легендою. Отсюда мы дѣлаемъ слѣдующее предположеніе: Можетъ быть подобный мотивъ и не одинъ разъ повторялся въ преданіяхъ германскихъ и славянскихъ народовъ съ различными вариантами. Можетъ быть путемъ темныхъ преданій или просто путемъ (посредственнаго или непосредственнаго) знакомства нашихъ древнихъ книжниковъ съ разсказами Прокопія

• см. Рагнинскаго: „великій древній островъ Скитія, который называется Станица (Scania)“.

тотъ же мотивъ проникъ и на нашъ сѣверъ, и возродился въ пресловутой легендѣ о призваніи трехъ Варяговъ для водворенія внутреннего порядка. На этотъ счетъ мы конечно можемъ дѣлать только предположенія. Несомнѣнно то, что подобнымъ мотивомъ сѣверно—русская легенда пытается объяснить начало русской гражданственности, то есть начало Русскаго государства. Этотъ мотивъ въ общемъ своемъ видѣ, т. е. какъ представленіе о трехъ братьяхъ основателяхъ государства, существовалъ и на югѣ, въ Кіевѣ; но въ формѣ призванія онъ особенно привился на сѣверѣ, въ Новгородѣ, потому что здѣсь упалъ на благодарную почву: съ XII вѣка призваніе князей сдѣлалось обычнымъ дѣломъ для Новгородцевъ. Повторяемъ, во времена Константина Багрянороднаго этой легенды еще не было у Кіевской Руси; иначе онъ по всей вѣроятности зналъ бы о ней и передалъ бы ее потомству, точно также какъ Прокопій передалъ то, что ему рассказывали о Герулахъ. Изъ одного мѣста Симеона Логоветы (византійскій писатель первой половины XII вѣка) видно, что между Руссами существовало въ тѣ времена преданіе о происхожденіи ихъ имени отъ Роса, когда то надъ ними царствовалъ. Это темное преданіе примыкаетъ къ такимъ же вымысламъ Среднихъ вѣковъ о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, о Словенѣ и Русѣ и т. п. Замѣчательно, что норманисты и этого мнѣнскаго Роса пытались отождествить съ варяжскими князьями *.

VII. Система осмысленія народныхъ именъ. Происхожденіе имени Русь.

Откуда же взялось названіе Росъ или Русь и что оно означаетъ? Лютпрандъ говоритъ, что „по наружному качеству Гре-

---

* Вообще Варягамъ-Норманнамъ посчастливилось не только у средневѣковыхъ лѣтописцевъ, но и у писателей новаго времени. Даже и въ наше время продолжается навъ бы соревнованіе выводить основателей государствъ изъ Скандинавіи. Такъ талантливый польскій историкъ Шайноха, соревнуя нашимъ норманистамъ, написалъ цѣлое изслѣдованіе (*Lechicki początek Polski*) и потратилъ не мало труда на то, что бы доказывать основаніе Польскаго государства Норманнами.

их называютъ этотъ народъ *Русыми* (*Rusios*).“ Обратимъ вниманіе на его толкованіе. Норманисты, какъ известно, опираются на Ліутпранда въ пользу Скандинавскаго происхожденія; слѣдовательно они должны принять и тотъ выводъ, который въ такомъ случаѣ вытекаетъ изъ приведенныхъ его словъ. Выходитъ, что Руссы получили свое имя отъ Грековъ еще живя въ далекой Скандинавіи; не будучи нисколько сосѣдями Византійцевъ, можетъ быть не будучи даже съ ними знакомы, они тѣмъ не менѣе усвоили себѣ изобрѣтенное для нихъ Греками названіе; но это названіе дома у себя въ отечествѣ они не употребляли и слѣдовъ его тамъ неоставили; а приняли его единственно для того, что бы, перейдя въ среду восточныхъ Славянъ, немедленно сообщить имъ свое имя отъ Финскаго залива до Тамани и закрѣпить его въ особенности за обитателями Приднѣпровья. Вотъ къ какимъ несообразностямъ можно иногда прийти, если положить въ основу извѣстіе неочищенное отъ разныхъ примѣсей и недоразумѣній.

Въ своихъ поискахъ за началомъ Русской націи намъ удалось напасть на цѣлую систему *осмысленія* народныхъ именъ, систему, которая имѣла широкое приложеніе во все времена и доселѣ еще сохраняется во всей силѣ. Названіе, сдѣлавшееся давно непонятнымъ, народный говоръ старается приурочить къ какому нибудь созвучію и такимъ образомъ сообщить ему смыслъ. Черта вполне естественная—непонятное, какъ бы бессмысленное сдѣлать осмысленнымъ. Эта общечеловѣческая черта отразилась у лѣтописцевъ и перешла въ научные труды нашего времени. Мы уже упоминали о названіи Нѣмцы и Хорваты. Приведемъ и другіе примѣры, имѣя при этомъ въ виду преимущественно міръ Славянской.

Угличы. Уже Стритеръ производилъ это названіе отъ р. Угла, которая потомъ называлась Орелъ (впадаетъ съ лѣвой стороны въ Днѣпръ, на границѣ Полтав. губ.). Но Шафарикъ отвергъ такое мнѣніе, потому что Угличы по всей вѣроятности жили гораздо югозападнѣе этой рѣки. Названіе Угличей потомъ стали производить отъ какого то угла, т. е. якобы они первоначально жили въ углѣ между Чернымъ моремъ и Дунаемъ (Буджакъ). Но это объясненіе одно изъ самыхъ неудач-

ныхъ. Дѣло въ томъ, что рѣкъ носившихъ названіе Угла, было нѣсколько въ южной Россіи. А что такое Ингулы какъ не тѣ же Углы? Последнее должно было писаться черезъ юсъ, и имѣло конечно носовое произношеніе. (Древнѣйшее извѣстіе объ Угличахъ находится у Баварскаго землеписца IX вѣка, гдѣ они названы *Unliet*).

Бодричи. Это названіе такъ ясно отзывается *бодрыми*, что сблизить ихъ между собой казалось весьма естественно. Дѣйствительно ихъ и производили отъ *бодры* (Шафарикъ), какъ *Лютичей* отъ *лютый*. Но гораздо естественнѣе предположить, что и этотъ народъ получилъ свое имя отъ рѣки Одры, то есть настоящее его имя есть *Поодрыне* или *Поодричи* (Венелинъ и Чертковъ). Тогда получить смыслъ и другая форма этого имени у средневѣковыхъ латинскихъ лѣтописцевъ: *Оботриты*.

Древане Полабскіе и *Древляне* Русскіе производились отъ деревъ, то есть означали какъ бы лѣсной народъ. Но мы позволяемъ себѣ сблизить это названіе съ тою же р. Одромъ, подъ которой не должно разумѣть одинъ только извѣстный Одеръ. Видоизмѣненія этого имени были: Одрава и просто *Драва*. Вообще имена славянскихъ народовъ весьма часто связывались съ именами рѣкъ. Моравы, Полабы, Полочане и т. п. ясно указываютъ своимъ именемъ на рѣки. Но другія имена видоизмѣнялись, дѣлались непонятными, и потомъ осмысливались съ помощью разныхъ созвучій. Сюда мы относимъ и *Лютичей*, которые по созвучію объяснялись лютыми, откуда даже перешли въ волковъ (*Вильцы*). Не вѣроятнѣе ли предположить, что въ ихъ имени скрывается названіе рѣки *Льты*, съ ея видоизмѣненіями *Альта* и *Олюта*?

А что такое наши *Поляне*? Уже лѣтопись производитъ ихъ отъ полей, также какъ *Древляны* отъ деревъ. Но вѣрно ли это? Тамъ же лѣтопись потомъ проговаривается, что Поляне жили въ лѣсахъ и даже на горахъ. У насъ есть рѣки Пола, Полнсть, Полота и т. п.; имѣютъ ли они связь съ именемъ Полянь, мы не знаемъ. Но уже у классическихъ писателей (Діодора и Плинія) упоминается о народѣ Палеяхъ или Спалеяхъ, обитавшихъ въ восточной Европѣ. Іорнандъ говоритъ, что Готы, когда пришли на берега Чернаго моря, то должны

были выдержать борьбу за свои новыя жилища съ сильными народами Спалами. Имя этого народа, какъ справедливо замѣтилъ Шафарикъ, сохранилось въ словѣ *исполинь*, которое въ нѣкоторыхъ древнебългарскихъ и сербскихъ рукописяхъ встрѣчается и безъ и, т. е. просто *сполинъ*. Мы позволяемъ себѣ сблизить нашихъ Полянъ съ этими Палеями или Спалами.

Что касается до осмысленія именъ, то еще у древнихъ Грековъ примѣръ тому мы видимъ въ словѣ Сарматы или Савароматы. Изъ всѣхъ вариантовъ этого названія Греки наиболѣе употребляли форму Савроматы, и толковали ихъ *λυγρολαζμοι*, пользуясь конечно созвучіемъ съ словами *αἶβα*—ящерица и *ὀφθαλμοι*—глазъ. Мы уже говорили, что позволяемъ себѣ отождествлять это названіе съ именемъ *Сербы* или *Сервы*, наше *Съверяне*, при-Эльбскіе *Сорабы* и пр. * Весьма наглядный примѣръ такого произношенія народнаго имени, которое, благодаря созвучію, выражаетъ нѣкоторый смыслъ (хотя совершенно случайный), представляетъ русское названіе племени *Самодовы*. Что такое за Самоѣды? Неужели это народъ, который ѣстъ самъ себя? По нашему мнѣнію это просто небольшое переименованіе слова Самогеты. Корень *Сам* и *Суом* нѣрѣдко встрѣчается въ именахъ народовъ Финскихъ и Литовскихъ.

Возьмемъ даже названіе *Славяне* или *Словене*; мы производимъ его отъ *слова*, которое переходитъ и въ *слава*; такимъ образомъ это выходитъ народъ говорящій (въ противоположность Нѣмцамъ), а пожалуй и славный. Но вѣрно ли это производство? Не скрывается ли здѣсь таже попытка осмыслить названіе, сдѣлавшееся непонятнымъ? Обращу вниманіе на слѣдующіе факты. Для насъ кажется нелишнимъ значенія упорное

---

* Окончаніе *маты* встрѣчалось и въ именахъ другихъ народовъ, напр: *Яксаматы* и *Тиссаматы*, нынѣ въ имени *Далматы*. Что касается до отождествленія имени Сарматовъ и Сербовъ, то оно предложено еще Чехомъ Вацерадомъ (въ началѣ XII в.), писателемъ нѣкотораго словаря *Mat'er verborum*. Что форма Сарматы употреблялась когда то у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ какъ ихъ названіе, доказываетъ также примѣръ Полянъ; у нихъ до позднихъ временъ сохранялось воспоминаніе о томъ, что они Сарматы. Мы думаемъ, что это имя было ими заимствовано не изъ книгъ, а изъ народной памяти.

именованіе Славянъ у Римлянъ и Византійцевъ Склавами и Скла-
винами; т. е. это имя является у нихъ всегда съ буквою *к*.
Откуда это *к*? Есть ли оно тутъ необходимое условіе и латинскаго
и греческаго произношенія передъ буквою *л*, или оно коренное?
У Арибовъ Славяне называются *Саклабы* или *Сакалибы*, и
опять *к*. Нѣкоторые объясняютъ арабское названіе передѣлкою
византійскаго. Но почему же Арабы должны были заимствовать
названіе Славянъ непременно отъ Византійцевъ, а не отъ Мидо-
Персидскихъ народовъ? На послѣдній вопросъ навело меня
слово *Сакм*, подъ которымъ часть Скифовъ была известна у
Персовъ, какъ сообщаетъ Геродотъ. Итакъ вотъ въ какой древ-
ности, можетъ быть, должны мы отыскивать начало имени, ко-
торое потомъ по созвучію осмыслилось формою Славяне съ его
водоизмененіями Словинци, Словаки, Словене. И опять вопросъ:
какое осмысленіе старше, Славяне или Словене? Во пер-
выхъ, древнія извѣстія передаютъ форму *Slavi*, а не *Sclovi*.
Во вторыхъ, личные имена оканчиваются тоже не на *словъ*, а
на *славъ*: Ярославъ, Святославъ, Болеславъ и пр. Но и самыя
эти *Славы* въ личныхъ именахъ, повидимому, не очень древни.
Сколько мнѣ кажется, эпоху, когда они вошли въ силу или въ
моду, можно опредѣлить приблизительно около IX вѣка. Въ
болѣе раннюю эпоху преобладали въ сложныхъ личныхъ име-
нахъ слои другихъ окончаній, каковы *симвъ*, *міръ*, *муть*, и пр.,
которыя болѣе близки къ литовскимъ, германскимъ и кельт-
скимъ. Названіе Славы, какъ осмысленіе, можетъ быть
сближалось не съ отвлеченнымъ понятіемъ о славѣ, а соб-
ственно съ славьями (соловьями). Корень *сак* мы встрѣчаемъ
въ Средніе вѣка въ названіи одного южнославянскаго племени,
именно еракійскихъ Сакулатовъ. Это имя напоминаетъ извѣ-
стіе Геродота о томъ что Скифы (конечно часть ихъ) сами на-
зывали себя Сколотами. (Напомнимъ еще Скаловитовъ Дюнс-
бурга) *.

* Славяны и Сербы, какъ извѣстно, получили у Римлянъ значеніе ра-
бовъ. Первоначально это значеніе произошло вѣроятно отъ того, что блѣжай-
шія части Славянскаго племени (Словинцы и Сербы) были покорены Римля-
нами. Возможно и то, что названіе Славяны въ смыслѣ рабовъ перешло къ
Римлянамъ отъ Германцевъ, обложившихъ данью какое либо Славянское племя.

Изъ объясненія Липутиранда, что Руссы получили у Грековъ свое названіе отъ вѣшнаго качества (то есть, отъ русыхъ волосъ), можно заключить, что Греки дѣйствительно такъ осмысливали непонятное имя Рось или Русь. Это повтореніе того же, что случилось съ Сарматами, которые обратились въ ащероглазыхъ. Очень могло быть при этомъ, что толкованіе Руссовъ въ смыслъ русыхъ перешло къ Грекамъ отъ самой же Руси, которая такимъ образомъ осмысливала свое собственное названіе. Древнѣйшая форма этого названія по всей вѣроятности была не Русь, а *Расс* или *Рось*. Это *Рось*, какъ слово чуждое

У варваровъ обыкновенно племя господствующее называлось свободнымъ, а подчиненное рабами; извѣстны преданія о рабахъ возмущавшихся противъ своихъ господъ во время ихъ отсутствія и завладѣвшихъ ихъ женами. Эти преданія въ древности встрѣчаемъ въ Скинскомъ мірѣ, а въ Средніе вѣка въ мірѣ Славяноземъ. Въ основѣ такого преданія заключалось конечно фактъ возстанія покореннаго племени, которое свергло свою зависимость отъ другаго народа. Въ исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ примѣры, какъ народное имя обращается въ сословіе или наоборотъ сословіе въ народное. Такъ мы думаемъ, что сословіе *боляре* совсѣмъ не означаетъ большіхъ; это опять та же попытка осмысленія. Слово *боляре* находится въ несомнѣнной связи съ народными именами *Боя*, *Бояни*, *Бояцары* и т. п. Точно также народное имя *Ляхи* или *Лехи* встрѣчается у Славянъ и въ сословномъ значеніи; въ этомъ значеніи оно сохранилось потому въ словѣ *шляхта*. Славянское народное имя *Крисимы* у родственнаго Литовскаго племени получило значеніе пречаснаго сословія. Подобнымъ образомъ можно объяснить и наше старинное слово *Слѣба*, *Себры* и доселѣ у Паллирскихъ Славянъ означаетъ крестьянина. Шварцъ видѣлъ въ этомъ словѣ названіе оленякаго народа *Сабиръ*; можетъ быть оно и такъ; но возможно и то, что это названіе есть видоизмѣненіе того же имени Сербы, у Римлянъ Сервы, наше Северъ или Северяне. Мы позволимъ себѣ также наше старинное слово *смерды*, т. е. простолюдины, связать съ именами оленякихъ народовъ Мери и Морды (*Меренсы* и *Морденсы* Юрланды). Оба эти названія, и Мери и Морды, пошли конечно отъ одного корня *мерд*, и названіе *Мерды* могло когда то означать часть Финскаго племени, подчиненнаго Славянамъ или вообще Арийцамъ. Подобные примѣры представляютъ аналогію и съ именемъ Русь, которое очевидно получало иногда отглагольное сословіе; какъ господствующее племя она отличала себя этимъ именемъ отъ прочихъ Славянъ, и какъ бы придавала себѣ значеніе высшаго, благороднаго сословія. По крайней мѣрѣ этотъ отглагольный заимствъ въ X и XI вв. Есть еще мнѣніе, что Русь, основавшая Русское государство, была какою-то среднею дружиною изъ разныхъ народностей. Это мнѣніе самое неудачное и самое историческое.

греческому языку, потому и сохранялось въ немъ безъ измѣненія, въ неподвижной, несклоняемой формѣ (Ρῥς). Вообще можно замѣтить, что живой народный говоръ не любитъ долго оставаться на одной и той же формѣ своихъ собственныхъ словъ; съ теченіемъ времени онъ охотно ихъ мѣняетъ и видоизмѣняетъ. Вотъ почему иногда форма сохраненная иноземцами оказывается древнѣе формы собственной. Примеры тому мы видимъ въ названіяхъ Славяне, Русь, Кіевъ и т. д. Соответственно византійскому Ροςъ, у Венгровъ Русскіе и до селѣ называются *Орошъ*.

Народное имя Ροςъ или Русь, какъ и многія другія имена, находится въ непосредственной связи съ названіями рѣкъ. Восточная Европа изобилуетъ рѣками, которыя носятъ или когда то носили именно это названіе. Такъ Нѣманъ въ старину назывался Ροςъ; одинъ изъ его рукавовъ сохранилъ названіе Русь; а заливъ, въ который онъ впадаетъ, имѣлъ названіе Русна. Далѣе слѣдуютъ: Ροςъ или Руса, рѣка въ Новгородской губерніи; Русь, притокъ Нарева; Ροςъ, притокъ Днѣпра на Украинѣ; Руса, притокъ Семи; Ροςъ-Эмбахъ; Ροςъ-Осколь; Порусье, притокъ Полнста, и пр. Но главное, имя Ροςъ или Расъ принадлежало нашей Волгѣ. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельство Агаемера (въ III вѣкѣ) и сохраняющееся до селѣ у Мордвы для обозначенія Волги названіе *Ра*. Эта послѣдняя форма встрѣчается еще у Птолемея и Амміана Марцелина. Мы думаемъ, что таже рѣка въ древнихъ извѣстіяхъ скрывается иногда подъ формою *Аракс*. Ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что Геродотъ рассказываетъ объ Араксѣ, никонимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ тому Араксу, который течетъ на границахъ Россіи и Персіи. Форма однихъ тѣхъ же названій измѣнялась у разныхъ народовъ въ слѣдствіе разнообразнаго произношенія. Араксъ Персы произносятъ *Арас*; слѣдовательно корень здѣсь тотъ же *рас*. Яксартъ или Сыръ Дарья у древнихъ также называлась иногда *Раса*.

По обширному своему приложенію для обозначенія рѣкъ, корень *рас* или *рос* уступалъ развѣ только корню *дам* или *там*. Послѣдній корень мы встрѣчаемъ на пространствахъ части Азіи и почти цѣлой Европы. Тотъ же Яксартъ назывался иначе Та-

нансъ; греческій *Танаисъ* (Танай, Данай)-наше *Донъ*; латинскій *Данубіусъ*, нѣмецкое *Донау* наше *Дунай*; нѣмецкое *Дуна* наше *Двина*; въ сложныхъ именахъ: *Данавръ* или *Днѣвръ*, *Данастръ* или *Днѣстръ*, такъ же *Роданъ* (Рома), *Эриданъ* и пр. Все это оказывается видоизмѣненіемъ одного и того же названія. Количество этихъ названій еще болѣе увеличится, если мы обратимъ вниманіе на имена нѣкоторыхъ городовъ, въ которыхъ скрывается тотъ же корень *дан*, *дон* и *дун*: Сингидонъ, Новіодунъ, Лугдунъ и пр. означаютъ города лежащіе на берегахъ Дона или Дана. Такъ Батавскій Лугдунъ (Лейденъ) указываетъ на то, что и Рейнъ назывался когда то или Роданъ, или Эриданъ. Лондонъ наводитъ на мысль, что и Темза или Тамиза могла когда то называться Тана или Дана *. Данцигъ или Гданскъ свидѣтельствуетъ тоже относительно Вислы, и дѣйствительно эта рѣка носила когда то названіе Танахвисль или Ванахвисль (Шафарикъ); а гдѣ то на ея верховьяхъ былъ городъ Каргдунъ (можетъ быть это имя измѣнилось въ послѣдствіи въ Кракодунъ или Краковъ). По всей вѣроятности эта рѣка и есть тотъ сѣверный Эриданъ, берега котораго, по извѣстіямъ древнихъ,

* Названіе Тмутораканъ или Тамани мы также приводимъ въ связь съ рѣкою Тана или Дана. И дѣйствительно Кубанъ назывался у древнихъ и Гипанисъ, и Тананисъ. А настоящее его названіе (т. е. Кубанъ) конечно происходитъ отъ Гипанисъ или Гупанисъ. Извѣстно, что также назывался у Сивеевъ нѣмѣшній Бугъ. Гупанисъ мы позволимъ себѣ сблизить съ славянскими словомъ *осуманъ*; слѣдовательно и это названіе одной изъ главныхъ сивеевскихъ рѣкъ ближе всего можно объяснить изъ славянскаго языка, какъ Бористенъ (или Берестенъ), Истръ и др. Бугъ или Богъ и Жупанъ конечно имѣли одно и тоже значеніе владыки или господа; они подтверждаютъ, какую тѣсную связь имѣли имена боговъ и героев съ именами рѣкъ, то есть указываютъ на обожаніе или поклоненіе рѣкамъ. (Напомнимъ рѣку Тыръ или Стырь и Стрибога). По этому поводу уважемъ на древнее названіе Аму-Дарьи *Оксосъ*. Мы позволимъ себѣ сблизить это названіе съ именемъ Аксай. Напомнимъ сивеевскій мифъ о трехъ Аксахъ, сыновьяхъ бога или цари Таргатая. Рѣки съ именемъ Аксай и теперь еще встрѣчаются на югѣ Россіи и на Кавказѣ. Тотъ же корень *акс* мы видимъ и въ названіи Аксорта. Слово Аксай у Сивеевъ повидимому означало владыку или героя; слѣдовательно названіе Оксосъ представляетъ аналогію съ Гупаномъ, Бугомъ, Даномъ и т. п. (Можетъ быть и *Она* есть такое же сокращеніе по отношенію къ Оксосъ или Аксай, какъ Ра къ Араксъ или Арасъ).

изобилеваемъ ятаремъ. Нѣмать, кромѣ названія Рось, въ болѣе древнюю эпоху назывался Рудонъ. Замѣчательна та роль, которую играютъ рѣки Дунай и Донъ въ преданіяхъ Скандинавовъ и Русскихъ. На основаніи свѣдѣній о скандинавскихъ преданіяхъ, пришедшихъ съ береговъ Дона, приурочиваютъ ихъ родину къ Азовскому морю; а по частому упоминанію Дуная въ нашихъ пѣсняхъ думаютъ, что наши предки пришли съ извѣстнаго Дуная. Мы видимъ, какъ многочисленны Доны и Дунаи; когда то по всей вѣроятности это было не собственное названіе, а нарицательное, означающее вообще рѣку; слѣдовательно никакъ нельзя ручаться, чтобы означенныя преданія относились именно къ той или другой извѣстной рѣкѣ. Тотъ же корень *дан* или *там* у Германцевъ сохранился въ названіи ихъ главнаго бога Вотана, Годана или Одина. Последнее указываетъ на то, что Германцы были когда то такіе же водопоклонники какъ и Славяне. Какъ корень *дан* имѣетъ связь съ понятіемъ рѣки и наша форма *дно* (то есть дно рѣки) есть водонизверженіе того же корня; точно также *русло* и *роса* находятся въ связи съ именами рѣкъ Рось и Русь. Въ связи съ ними находится и названіе мненческихъ водяныхъ существъ или *русалокъ*.

Отъ рѣкъ слово *данъ* или *донъ* перешло и въ имена многихъ Аріійскихъ народовъ и странъ: Македонія, Дарданія, Каледонія и т. п. Въ простой формѣ это названіе сохранилось за однимъ севѣрно-германскимъ народомъ, именно Данями, которые и происхожденіе свое вѣли отъ мненческаго героя Дана. Что ихъ названіе находится въ непосредственной связи съ именемъ рѣкъ Дона или Дуная, подтверждаетъ именовавіе Датчанъ у польскихъ Славянъ *Дуньчики*. Имя Шведа или Шведены есть конечно сокращеніе изъ Свей-Даны. (Даны или *тамы* являются у германскихъ народовъ и съ сословнымъ значеніемъ, подобнымъ лехамъ и боярамъ, именно у Англосаксовъ). Названіе древнихъ Даковъ также находится въ связи съ именемъ Дана или Дуная, на берегахъ котораго они жили *.

* Дани, также какъ и Датчане, вѣли свое происхожденіе отъ мненческаго героя Дана; однако они не были племенемъ Германскимъ; они не были также и Славянскимъ племенемъ. Но въ исторіи особенностей мы полагаемъ, что

Итакъ мы видимъ, что это имя распространялось на весьма разнообразныя и отдаленныя народы, и сходство въ названіяхъ далеко не всегда можно объяснять непосредственной колонизаціей. Иначе Дакіи пойдутъ изъ Даніи и т. п. Точно также народное названіе Рось или Русь было одно изъ распространенныхъ въ Аріискомъ мірѣ, особенно въ его Славяно-Литовской вѣтви. Оно распространилось преимущественно въ связи съ названіями рѣкъ. Мы встрѣчаемъ въ Средніе вѣка слово Русь или Русія съ его видоизмѣненіями, каковы: Русція, Ругія, Прусія (т. е. Порусье) и пр. и въ южной Россіи, и на Балтійскомъ поморьѣ, и въ Карпатахъ, и въ Панноніи, и даже на берегахъ Нѣмец-

въ основѣ Дакійской или настоящей Валахо-Румынской народности была элементъ Кельтическій. (Не потому ли Дакіи оказались такъ воспріимчивы въ Латинскому вліянію и сохранили такъ упорно свое Романское нарѣчіе посреди Славянскаго моря? Притомъ, Влахами Славяне и Германцы называли по преимуществу Кельтовъ). Другая форма имени Даконъ была *Дава* и *Дам*. Эта послѣдняя форма соответствуетъ видоизмѣненію или собственно удлинненію *дан* *изъ дау*, *дава*, *тава*, которыя встрѣчаются въ сложныхъ именахъ рѣкъ Молдава (нѣмец. Moldau), Вельтава и пр. Часть Даво-Влахонъ называется у насъ *Молдавы*, у поляковъ *Мульваны*. Въ виду всѣхъ этихъ видоизмѣненій мы позволимъ себѣ сѣбѣ такую догадку: Данъ-рѣка въ смыслѣ главнаго божества является у Германцевъ (Годанъ или Одавъ); но это имя было весьма распространено у цѣлаго Аріискаго племени; оно можетъ быть скрывается въ названіи славянскаго Дажбога. (Посредствующія формы тутъ могли быть *Даво*, *Дави*, *Дакъ* или *Дми*, *Дай* и пр.). Кстати приведемъ и еще нѣкоторые сближенія, которыя мы позволимъ себѣ относительно древнихъ Славянскихъ божествъ. Именно, *Мокошь* нашей лѣтиски можетъ быть находити въ связи съ готовскимъ или синеотскимъ божествомъ загробнаго міра *Залмоксисъ*; а *Симаргла* напоминаетъ военный владыка паннонскихъ Сарматовъ, по Амміану Марцелину: *Marha*! Эта Мара или Марга вѣроятно была богиней смерти. Воспоминаніе о Дажбогѣ или Даждѣбогѣ, какъ богѣ воды или влаги, можетъ быть сохраняется и доселѣ въ нашемъ словѣ *дождь*. Точно также мы почти ежедневно поминаемъ и бога Хорса; отъ его имени произошло слово *хоронить*, какъ отъ Лада *ладимъ*, отъ Дива *дивимъ* и т. д. *Дажь*, какъ мы видимъ, присутствуетъ въ названіи главныхъ рѣкъ на югъ Россіи: вѣрнѣе Дона и Дунай онъ есть въ Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. Днѣпръ сокращено изъ Данапрагъ, значить „рѣка-порогъ“ или „порожистая рѣка“; Днѣстръ или Данастиръ или Данъ-Тыръ значить „рѣка Тыръ“. Названіе Данъ-Тыръ или Данъ-Туръ напоминаетъ Идантира или Идантиурса, главнаго синтесаго цари и героя во время нашествія Дарія Гистаспа.

каго моря (Рустрия). Не приводимъ другихъ болѣе дробныхъ географическихъ названій связанныхъ съ тѣмъ же корнемъ (напр. у Иллирскихъ Славянъ). Слѣдовательно никомъ образомъ нельзя нашихъ Руссовъ считать колонистами изъ какой либо другой страны. Напротивъ, скорѣе наша Русь могла послужить колыбелью для другихъ Европейскихъ народовъ, носившихъ тоже имя; такъ какъ это имя всегда принадлежало ей по преимуществу, и на ней сосредоточилось окончательно.

VIII. Роксаланы. — Скифы. — Готы. — Славянская народность Руси. — Выводы.

Гдѣ же искать древнѣйшихъ указаній на нашу Русь, то есть на Русскій народъ?

Мы не будемъ говорить о библейскомъ народѣ *Росъ*; а перейдемъ прямо къ извѣстіямъ греко-римскихъ писателей о Роксалахъ. По нашему мнѣнію не можетъ быть ни какого сомнѣнія въ томъ, что Росъ или Русъ и Роксаланы это одно и тоже названіе, одинъ и тотъ же народъ. Роксаланы иначе выговаривалось Россаланы (какъ Поляки вмѣсто Саксы говорятъ Сасы); это названіе сложное, въ родѣ Тавроскиевъ, Кельтиберы и т. п. Оно означаетъ Аланъ жившихъ по рѣкѣ Роксъ или Росъ. Впервые подъ этимъ именемъ они выступаютъ въ началѣ 1-го вѣка до Р. Х., именно въ ихъ войнѣ съ Митридатомъ Понтійскимъ (по Страбону и Плинію). Тацитъ называетъ ихъ народомъ Сарматскимъ. Жилиша ихъ греко-римскіе писатели первоначально помѣщаютъ около Чернаго и Азовскаго морей между Дономъ и Днѣпромъ. Впослѣдствіи они (то есть нѣкоторые ихъ вѣтви) встрѣчаются западнѣе, и своими набѣгами беспокоятъ римскія области на Дунаѣ. Во время войнъ Траяна съ Даками Сарматы Роксаланы принимаютъ участіе въ этихъ войнахъ и нѣкоторое время являются союзниками Даковъ. Покоривъ Дакию, Римляне повидимому отбросили Роксаланъ снова къ берегамъ Днѣстра и Днѣпра. По поводу войнъ съ Траяномъ мы позволимъ себѣ слѣдующее сближеніе. Аммианъ Марцеллинъ, сообщая нѣкоторыя черты о Сарматахъ, говоритъ, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняныя кирасы, покрытыя роговой чешуей, которая была

сдѣлана на подобіе птичьихъ перьевъ. На извѣстномъ памятникѣ Дакинской войны, на Траяновой колоннѣ, мы встрѣчаемъ всадниковъ, покрытыхъ именно такою чешуйчатою броней. Эти всадники не Даки, а ихъ союзники Сарматы. Итакъ не изображаютъ ли эти фигуры нашихъ предковъ Роксаланъ или Русь II-го вѣка по Р. Х? По Тациту знатные Роксаланы носили чешуйчатые панцири изъ желѣзныхъ бляхъ. Конечно недаромъ имя Траяна жило такъ долго въ преданіяхъ Русскаго народа, что мы встрѣчаемъ его у нашего поэта XII вѣка, т. е. въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Недаромъ были воздвигнуты такъ наз. Траяновы валы для защиты отъ воинственныхъ народовъ южной Россіи, и между прочимъ отъ тѣхъ же Роксаланъ. (По Иорнанду Дакиа въ VI в. граничила на востокъ съ Роксаланами).

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. мы находимъ нынѣшнюю юго-западную Россію подъ владычествомъ Готовъ. Въ числѣ народовъ подвластныхъ царю Германриху Иорнандъ приводитъ *Рокасовъ* (Rocas); эти Рокасы, Роксы или Росы въ другомъ мѣстѣ называются у него опять своимъ сложнымъ именемъ Роксаланы. Припомнимъ указанія Иорнанда на вѣроломство Роксаланъ; на ищеніе двухъ знатныхъ братьевъ изъ этого племени, нанесшихъ тяжелую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами. Отсюда можно заключить, что и самое появленіе Гунновъ находилось въ связи съ движеніемъ Роксаланъ противъ Готовъ. По Амміану Марцеллину Аланы также соединились съ Гуннами противъ Готовъ, а подъ Аланами у него конечно разумѣются и Роксаланы. По этому поводу я ставлю вопросъ: первое нашествіе Гунновъ не было ли въ сущности движеніемъ какой либо части Славянскаго племени противъ угнетавшаго ее германскаго народа Готовъ? Замѣчательно, что въ послѣдствіи, когда разсѣялся Гуннскій туманъ, мы уже не находимъ массы готскихъ народовъ въ южной Россіи, за исключеніемъ небольшихъ остатковъ (напр. въ Крыму); отъ Дуная и до Волги мы видимъ преимущественно народы Славянскіе, и между ними господствующее положеніе заняла наша Русь. Вѣка послѣдующіе за Гунскою эпохою суть самыя темныя въ исторіи Русской земли. Это было время народнаго броженія, которое усиливало и безъ того сильную путаницу

въ народныхъ именахъ. Впрочемъ тоже время (отъ VII до IX вѣка) совпадаетъ и съ самой скудною эпохою по отношенію къ византійской исторіографіи. Русь опять скрывается у нея подъ общими именами Скивовъ и Сарматъ. Но въ IX вѣкѣ она снова выступаетъ на сцену подъ своимъ именемъ и громко заявляетъ о себѣ своимъ нападеніемъ на Константинополь. Въ этомъ вѣкѣ на помощь исторіи приходятъ и арабскія извѣстія: опять по той главной причинѣ, что около того времени началось объединеніе Руси, и своими подвигами она заставила другихъ говорить о себѣ; притомъ процвѣтаніе географической литературы у Арабовъ и ихъ болѣе удовлетворительныя свидѣнія о Восточной Европѣ восходятъ приблизительно къ тому же времени. Понятно теперь, почему Русская исторія начинается собственно со второй половины IX вѣка. Повторяемъ, наша лѣтописная легенда о призваніи князей потому и вѣрующа въ нихъ именно къ этому времени, чтобы связать ихъ съ появленіемъ народа Русь въ византійскихъ хроникахъ, и вмѣстѣ объяснить происхожденіе Русскаго государства. * О дѣйствительномъ происхожденіи память народная конечно не могла сохранить никакихъ воспоминаній; такъ какъ оно теряется въ глубинѣ Сарматскихъ и Скивскихъ вѣковъ. Данная легенда есть ничто иное какъ въ обширныхъ размѣрахъ таже попытка осмыслить непонятное

---

* Вотъ нашъ отвѣтъ на вопросъ норманистовъ: почему же ни византійскіе, ни арабскіе источники не говорятъ ясно о Руси ранѣе 862 года, т. е. ранѣе т. наз. призванія Варяговъ? Когда бы византійцы ни заговорили о Руси, призваніе князей всегда оказалось бы ранѣе. Составитель лѣтописнаго свода былъ настолько соображенъ, что онъ не могъ поставить призваніе князей позднѣе нападенія Руси на Константинополь, когда онъ и самое появленіе ея объясняетъ призваніемъ князей. Это нападеніе на Византію и есть наше историческое тысячелѣтіе. Если бы оно случилось столѣтіемъ ранѣе, то и призваніе князей вѣроятно было бы внесено подъ 762 годомъ, т. е. оно, хотя бы только двумя или тремя годами, должно предшествовать нападенію на Византію. Но у составителя свода не было настолько соображеній, чтобы понять всю невѣроятность столь важныхъ переворотовъ и завоеваній совершенныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. скорѣе чѣмъ при Александрѣ Македонскомъ. Какъ Византійцы заговорили о Руссахъ вслѣдствіе ихъ нападенія на Константинополь въ 865 г., такъ и Арабы заговорили о нихъ преимущественно вслѣдствіе ихъ большихъ походовъ въ Каспійское море.

явленіе. Сказаніе о Кіѣ пытається объяснить начало Кіева, а басня о Варягах распространяетъ этотъ мотивъ на цѣлое государство — черта, присущая легендарной исторіи всѣхъ народовъ.

Не вдругъ пришли мы къ своему мнѣнію о томъ, что Русь IX вѣка была народомъ Славянскимъ. Убѣдившись, что это не были Скандинавы, призванные въ Новгородскую землю для порядка или престо завоевавшіе восточную Европу, и что Русь была народомъ южнорусскимъ, а не сѣверноевропейскимъ, мы сдѣлали такое предположеніе: можетъ быть остатки готскихъ народовъ, когда то господствовавшихъ въ южной Россіи, послѣ паденія Гунновъ снова взяли силу, и положили основаніе Русскому государству? Другими словами: можетъ быть Роксаланы были Готское племя? Это предположеніе мы основывали отчасти на тѣхъ же данныхъ, на которыхъ построена теорія Скандинавская, т. е: русскія названія Дитиревскихъ пороговъ, имена князей и дружинъ, названіе Гудасъ, которое Литовцы даютъ южноруссамъ, и т. п. Некоторое время мы останавливались именно надъ этимъ предположеніемъ, и у насъ составила пѣтая часть системы въ пользу Готовъ, система, которая во нашему мнѣнію вѣсила за собою болѣе вѣроятія, чѣмъ теорія Скандинавовъ. Но и эта Готская теорія не могла долго выдерживать провѣрку по фактамъ несомнѣнно историческимъ. Извѣстія Арабовъ и Византійцевъ убѣждали, что Русь была сильное, многочисленное и энергическое племя. А если такъ, то гдѣ же слѣды этого многочисленнаго и господствовавшего племени? Могло ли оно исчезнуть, не заявивъ о своемъ существованіи особенно въ русскомъ языкѣ? Какимъ образомъ оно подчинилось вліянію покоренныхъ до такой степени, что въ началѣ X вѣка по всѣмъ признакамъ является народомъ Славянскимъ, т. е. имѣющимъ славянскую религію и славянский языкъ?

Занятіе Русскимъ вопросомъ въ связи съ вопросами Сарматскимъ и Скифскимъ окончательно разсѣяли эту Готскую теорію. Нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ можно было бы причислить Роксаланъ къ народамъ Германскимъ. Нѣкоторые извѣстія раннихъ византій-

сихъ историковъ, относящихъ къ Готамъ мимоходомъ, въ общихъ выраженіяхъ, многіе народы, въ томъ числѣ и Алавы, объясняются простою обивчивостью ихъ этнографическихъ терминовъ. Да и что такое Готы? Это народное имя имѣетъ за собою длинную и запутанную исторію. Мы несогласны съ тѣми, которые отвергаютъ извѣстіе Иорнанда, что Геты и Готы одно и то же. Древнѣйшая форма этого имени, т. е. Геты, имѣла почти такое же широкое распространеніе и въ тѣхъ же странахъ какъ и названіе Скиевъ. Кромѣ собственно Гетовъ, обитавшихъ на Дунаѣ, мы встрѣчаемъ далѣе на сѣверъ и востокъ Тиссагетовъ, Тиригетовъ, Танагетовъ, Массagetовъ и другихъ Гетовъ. Это имя по обыкновенію видоизмѣнялось; такимъ образомъ являются потомъ *Готммы*, *Гутомы*, *Гуты* и *Готы*. Съ этими послѣдними именами встрѣчаются народы и въ странѣ между Дунаемъ и Днѣпромъ, и на Вислѣ, и на Балтійскомъ поморьѣ, откуда пошла колонизація въ Скандинавію. Мало по малу названіе Готы сосредоточилось преимущественно на восточной вѣтви Германскаго племени, которая начала выдѣляться изъ Скиевского міра. * Главную массу Скиевъ восточной Европы составляли по нашему убѣжденію народы Славянскіе; но кромѣ нихъ сюда входили Литовцы, часть Германскаго племени,

* Очень можетъ быть, что имя Готы или Гуты пошло отъ одного корня съ словомъ Скуты или Скуты, т. е. отъ *кум* или *кум*. Напоминаніе слова одного византійскаго писателя (Синнела): „Славянъ, которыхъ не родитъ языкъ имя Готы“. Въ настоящее время предлагаются только одни выводы изъ своихъ занятій Скиво-Сарматскихъ міровъ. Въ послѣдствіи надѣемся предложить и самыя основанія. Послѣ точныхъ и подробныхъ изслѣдованій Ункерта (Skuthien. 1846) теорія Нибура о монгольствѣ Скиевъ уже не могла имѣть мѣста. Ункертъ доказалъ только, что Скиевъ были племя Арийское. Далѣе него пошелъ въ томъ же направленіи Бергманъ (Les Scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves. 1858). Изъ многихъ другихъ трудовъ о томъ же предметѣ упомянемъ на поминаніе недавно сочиненіе Куно (Die Skythen. 1871), который въ Скивахъ видитъ Славяно-Литовскую (Сарматскую) семью исключительно; что по нашему мнѣнію не совсѣмъ справедливо. Мысли о связи нѣкоторыхъ Скиевскихъ народовъ съ Славянами встрѣчались и прежде между учеными польскими, чешскими и русскими (Коллонтай, Шафарикъ, Венеландъ, Надеждинъ, Чертковъ и др.); но эти мысли не достигали достаточной ясности и достаточной степени обобщенія.

часть Чудскаго и даже былъ элементъ Кельтскій. Въ послѣдствіи мало по малу происходило обособленіе этихъ народовъ; рядомъ съ тѣмъ конечно совершалось и перекрещиваніе нѣкоторыхъ частей, порождавшее новые типы, болѣе или менѣе переходные. Семья Славяно-Литовская выдѣлилась изъ огромнаго Скинскаго міра подъ именемъ народовъ Сарматскихъ. Но еще долгое время жила она въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ собственною Готскою, т. е. восточногерманскою группою, и вмѣстѣ съ нею носила географическое имя Скиновъ. Названіе Геты также употреблялось еще долго для обозначенія народовъ различныхъ группъ*.

Въ Скинскомъ мірѣ, какъ и вездѣ, по всѣмъ признакамъ происходила борьба за господство между наиболѣе сильными племенами. Въ эпоху Геродота и послѣдующую преобладали надъ сосѣдями такъ называемые Царскіе Скины, жившіе между Дономъ и Днѣпромъ; позднѣе, въ III и IV вв. по Р. Х. мы видимъ господство германскихъ Готовъ. Намъ сдается, что возстаніе противъ нихъ Славянскихъ племенъ, и главнымъ образомъ Роксалавъ или Руси, и послужило толчкомъ къ такъ наз. Великому переселенію народовъ. Что такое Гунны, Авары и Болгары или другими словами, какую роль при этомъ играли племена Угорскія, подлежитъ еще разъясненію. Но мы видимъ главный результатъ этого движенія: когда броженіе народовъ прекратилось, въ Восточной Европѣ можно было найти только небольшіе остатки германскихъ народовъ; они оттѣснены далѣе на западъ и на сѣверъ. Восточная Европа (не говоримъ о значительной части Средней и Южной) осталась преимущественно въ рукахъ огромнаго Славянскаго племени. Изъ этого племени постепенно выдѣляется Русскій народъ. Самъ по себѣ

* Отсюда намъ понятны будутъ такіа выраженія у Византийцевъ какъ слѣдующее: „Геты или, что одно и то же, Славяны“ (Феофанъ). Что имя Гетовъ или Готовъ было нечуждо Славянамъ показываетъ названіе одного Славянскаго племени, въ Фессаліи и Пелопонезѣ, *Велоготы*; а также присутствіе слова *готы* или *гасты* въ именахъ Славянскихъ боговъ. Это *готы* есть то же что *готы*; между ними такое же отношеніе какъ, на примѣръ, между *туры* и *турсы*: с является иногда не только въ началѣ слова (Синтъ, Слонинъ, Стырь и пр.), но и въ концѣ. Названіе Геты встрѣчается и въ именахъ литовскихъ народовъ, на примѣръ Самогиты.

этотъ народъ могъ заключать результаты смѣшенія или перекрещиванія Славянскаго племени съ другими элементами, напримѣръ съ готскими и угорскими. Но это смѣшеніе происходило подѣ несомнѣннымъ преобладаніемъ элемента Славянскаго; въ IX и X вв., повторяю, Русь является народомъ Славянскимъ. Тѣмъ не менѣе она могла имѣть, и конечно имѣла, нѣкоторыя свои особенности въ нарѣчій, въ характерѣ, нѣкоторый оттѣнокъ въ своихъ личныхъ именахъ и т. п. Черты сходныя съ германскими народами, особенно родство корней въ языкѣ, могутъ быть возводимы безспорно къ ихъ общеарійскому родству и къ ихъ совмѣстному жительству еще въ Скитскомъ мірѣ. Къ этому сожительству или ко временамъ Готскаго владычества можетъ быть восходить и начало литовскаго Гудасъ для наименованія Южноруссовъ. Это Гудасъ можетъ быть первоначально имѣло смыслъ болѣе географическій, собирательный, чѣмъ этнографическій, т. е. такое же общее значеніе какъ названіе Геты. Имя *Алане* также имѣло разнообразное и сбивчивое примѣненіе въ географическомъ и этнографическомъ смыслѣ, прежде нежели оно сосредоточилось на Аланахъ собственно Кавказскихъ. (Нѣтъ ли связи между названіями Алане и Палане или Палы? въ томъ же родѣ, какъ Русія и Порусье или Пруссія. Тогда Роксалане окажутся не что иное какъ Русь Поляне. Впрочемъ это пока только мимоходное сближеніе).

Что касается до именъ пороговъ, то пять непонятныхъ русскихъ названій, по нашему мнѣнію, не могутъ служить опорой собственно ни для какой теоріи происхожденія Руссовъ. Выше мы хотѣли показать, что съ такими же натяжками, съ какими ихъ производятъ одни изъ языковъ Сѣвернонѣмецкихъ, другіе изъ языка Угорскаго, третьи изъ Литовскаго, можно, если не все, то нѣкоторыя производить изъ языковъ Славянскихъ. Но мы нисколько не думаемъ настаивать на своихъ словопроизводствахъ. Мы готовы допустить и такое предположеніе: означенныя пять названій представляютъ остатокъ болѣе ранней эпохи, чѣмъ X вѣкъ, и могли быть усвоены Руссами подобно тому, какъ теперь мы употребляемъ географическія названія, наследованныя нами отъ народовъ чудскихъ, литовскихъ и др. *

* Норманисты считаютъ шесть названій; мы исключаемъ отсюда Струвунъ

Итакъ, мы рѣшительно не видимъ какихъ либо серьезныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно доказывать иноплеменное происхожденіе Руси. Когда мы убѣдились, что Готская теорія также несостоятельна какъ Скандинавская, то естественно пришла къ слѣдующему выводу: *Русь, основавшая Русское государство, была не только племя туземное, но и Славянское; а Варяги были иноземцы-Норманны.* И замѣчательно, когда остановишься на этомъ предположеніи, только тогда начинаютъ постепенно распутываться Гордіевы узлы Варяжскаго вопроса, то есть узлы возникающіе изъ сопоставленія дѣйствительныхъ фактовъ съ легендою о призваніи. А именно: Необычайно быстрое географическое распространеніе имени Русь, если вести ея начало отъ призванія князей. Невѣроятное накопленіе событій и завоеваній въ столь короткій срокъ. Поклоненіе Руссовъ Славянскимъ божествамъ. Славянскіе переводы греческихъ договоровъ. Видимое отсутствіе какой либо борьбы между Русскою и Славянскою народностію прежде ихъ сліянія. Отсутствіе всякой Руси въ Скандинавіи. Отсутствіе всякихъ намековъ на призваніе нашихъ князей въ иноземныхъ источникахъ. Несомнѣнные признаки, что Русь была не дружина

или Остовунъ, очевидно славянское. Но и число пять можетъ быть уменьшено до четырехъ; такъ какъ названіе Геландри спорное. Антикорманисты (Эверсы) справедливо замѣчали, что Константинъ совѣтъ и не называетъ его русскимъ; а просто говоритъ, что *не славянски онъ значить это мороза.* И имъ повторенъ свой вопросъ: не срывается ли тутъ слово *сулъ*? Повторенъ также, что изъ словъ Константина нельзя выводить положительнаго заключенія, будто всѣ славянскія названія представляютъ переводъ названій русскихъ.

Нѣкоторые имена русскихъ князей и дружинъ, встрѣчающихся у другихъ Славянъ, могли принадлежать именно къ тѣмъ отъѣмцамъ, которыми видѣлась Русская народность. Напримѣръ, многое у Восточныхъ Славянъ могло ближе подходить къ Готскимъ и Литовскимъ народамъ, нежели къ Славянамъ Адриатическимъ или Паннонскимъ, вслѣдствіе меншого и тѣснаго соприкосновенія съ первыми. Иными именами и прежде, и до сихъ поръ у нашего Славянскаго племени живутъ свои отъѣмцы; у нашего можно найти такіа имена, которыми не встрѣчаются у другихъ. Повторенъ, что самая популярность нѣкоторыхъ именъ между Русскими и ихъ долгое употребленіе (Олегъ, Игорь и др.) неозначиваетъ, что они были свои туземныя, а не привнесеныя изъ Скандинавіи.

только, а цѣлый народъ, вѣтви котораго простирались до Чернаго моря и Дона. Несомнѣнное тяготѣніе нашей первоначальной исторіи и имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Несомнѣнное отношеніе самой Руси къ Варягамъ какъ къ иноземцамъ и иноплеменникамъ (напр. въ юридическихъ памятникахъ), * и пр. и пр.

Свой основной выводъ, что Русь была туземное славянское племя, а Варяги иноземное норманское, мы подкрѣпляемъ слѣдующими догадками и соображеніями относительно лѣтописной легенды о призваніи Варяговъ:

1. Въ томъ видѣ, въ какомъ эта легенда дошла до насъ, ея не было въ первоначальномъ лѣтописномъ текстѣ. Въ этомъ видѣ она внесена въ лѣтописный сводъ приблизительно во второй половинѣ XII или въ первой XIII вѣка, т. е. около Татарской эпохи, и внесена сѣверными лѣтописцами.

2. По всей вѣроятности она новгородской редакціи, и въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ служить отголоскомъ бывшаго когда-то соперничества между Сѣверомъ и Югомъ Россіи, т. е. между Новгородомъ и Кіевомъ **. Князья выводятся не съ юга изъ Кіева, а съ сѣверозапада изъ за моря, вслѣдствіе давнихъ и близкихъ сношеній съ сѣвернонѣмецкими народами, сношеній, которыя въ эпоху Татарскую достигли полнаго своего развитія, благодаря Ганзейской торговлѣ. Главный мотивъ, призваніе князей, болѣе всего указываетъ на новгородское вліяніе; ибо въ Новгородѣ призваніе князей съ XII вѣка сдѣлалось обычнымъ явленіемъ.

3. Въ цѣломъ своемъ составѣ эта легенда имѣетъ тотъ же

---

* Позднѣйшее русское названіе западноевропейцевъ *Фрляи* есть сокращеніе того же *Варляи*, и болѣе приближается къ своему коренному имени *Франки* или *Франги*.

** Новгородъ, какъ извѣстно, находился въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Кіеву, но издавна стремился къ самостоятельности. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ до-Татарскую эпоху Новгородецъ не слѣдовалъ примѣру другихъ подчиненныхъ Руси племенъ и не старался усвоить себѣ имя Русина; но продолжалъ именовать себя Словениномъ. Новгородъ когда то могъ питать къ Кіевскому господству чувства, если не тѣше, то подобныя тѣмъ, которыя онъ питалъ въ послѣдствіи къ Московскому.

общій смыслъ, какъ сказанія другихъ народовъ, т. е. объяснить начало государственной жизни. Она не оставалась неподвижною; но въ позднѣйшихъ редакціяхъ и сводахъ видоизмѣнялась и украшалась. По всѣмъ признакамъ и въ редакціи XIV вѣка она является не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Очень могло быть, что какое либо отрывочное извѣстіе древнѣйшей редакціи о Варягахъ, впоследствии непонятное для списателей, было истолковано ими въ другомъ смыслѣ, и такимъ образомъ преобразовалось въ басню о призваніи. Въ лѣтописяхъ можно найти и другіе примѣры подобныхъ недоразумѣній.

4. Всѣ памятники древней русской письменности, принадлежащія несомнѣнно эпохѣ до-Татарской, не знаютъ ничего ни о призваніи варяжскихъ князей, ни о завоеваніи Руси Норманнами. Никакіе древнѣйшіе памятники не смѣшиваютъ Русь съ Варягами (ихъ не смѣшиваетъ и Длугошъ, пользовавшійся русскими лѣтописями). Нашъ лѣтописный сводъ собственно въ одной легендѣ о призваніи смѣшиваетъ эти два различные народа въ одинъ небывалый народъ Варягоруссовъ.

5. Сѣверная легенда о трехъ братьяхъ Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, какъ основателяхъ Русскаго государства, въ лѣтописныхъ редакціяхъ XIII и XIV вв. отбѣсила на задній планъ южно-русское сказаніе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щеки и Хоривѣ, какъ основателяхъ Кіевского княжества. Передъ лицомъ исторической критики сѣверное и южное сказаніе должны имѣть одинаковую цѣну, и нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ для того, чтобы первое изъ нихъ возводить въ историческій фактъ, признавая второе за мифъ.

6. Легенду о призваніи князей не должно считать произведеніемъ сознательнаго или наизобрѣннаго вымысла. Повторяемъ, она могла образоваться вследствие порчи лѣтописей, то есть изъ какого либо древнѣйшаго извѣстія, имѣвшаго первоначально другой смыслъ. Но путемъ недоразумѣнія и превратнаго толкованія это извѣстіе превратилось въ сказку о призваніи князей. Такое превращеніе совершилось, какъ мы полагаемъ, на сѣверѣ, подъ вліяніемъ новгородскихъ симпатій и обычаевъ, и потому окрасилось въ новгородскій цвѣтъ. А въ лѣтописныхъ сводахъ эта

легенда возобладала въ то время, когда южная Русь была подавлена Татарскимъ игомъ, и лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ прекратилась.

Позволяемъ себѣ предварить своихъ противниковъ по данному вопросу, что если они продолжаютъ настаивать на легендѣ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, тогда по нашему мнѣнію нѣтъ причины отвергать и Гостомысла, а также Кія, Щека и Хорива и прочія басни, накопившіяся съ теченіемъ времени въ лѣтописныхъ сборникахъ. Подтверждать, напримѣръ, легенду о призваніи князей сказаніемъ объ Оскольдѣ и Дирѣ, а это послѣднее сказаніе въ свою очередь подкрѣплять легендою, значитъ одно неизвѣстное опредѣлять другимъ неизвѣстнымъ. Въ прежнее время въ жару полемики о данномъ вопросѣ можно было встрѣтить и такой аргументъ: есть преданія, которыя сдѣлались какъ бы священными, которыхъ и касаться не слѣдуетъ; къ такимъ преданіямъ принадлежитъ сказаніе о трехъ Варягахъ; ему издавна вѣрилъ и вѣритъ весь Русскій народъ. Надѣемся, что подобный аргументъ болѣе не повторится. Прежде нежели возводить въ историческій догматъ какое либо преданіе, мы должны спросить себя: А что если преданіе, которое мы называли народнымъ, никогда таковымъ не было? Что, если это не болѣе какъ плодъ недоразумѣній и позднѣйшихъ домысловъ? Что если оно разрослось и укоренилось только потому, что наши лѣтописи были менѣе счастливы чѣмъ богослужбеныя книги, и не имѣли своихъ исправителей въ тѣ времена, когда еще можно было достать списки первоначальной редакціи или редакцій къ ней близкихъ? А что будто бы Русскій народъ вѣрилъ и вѣритъ въ призваніе князей, это несправедливо. Народъ (т. е. грамотная его часть) узнаетъ объ этомъ призваніи отъ насъ же, то есть отъ пишущей братіи. Что же касается до права давности, то именно этого то права и не существуетъ для исторической науки. Прямая и непосредственная ея задача, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы возстановлять прошедшее въ его истинномъ, дѣйствительномъ видѣ.

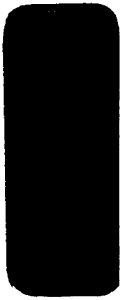
Можетъ быть, нѣкоторыя наши второстепенныя соображенія окажутся не вполне удачными. О томъ не споримъ. Подробнѣе и частности ждутъ еще многихъ и многихъ работъ. Но это, надѣмся, не измѣнитъ нашего главнаго вывода, что Русь была племя туземное южно-русское, а не пришлое изъ Скандинавіи. Трудно доказать противное. А какъ только мы примемъ эту истину, изъ нея непосредственно вытекаетъ положеніе, что князья наши были также не пришедшая Норманская династія, а собственная Русская. Ибо Олегъ и его дружина въ договорѣ прямо говорятъ: *мы отъ рода Русскаго*. А если князья были туземные, слѣдовательно и призваніе ихъ изъ за моря не болѣе какъ сказка, и такого преданія у древней Киевской Руси не могло быть.

Дозволено цензурой. Москва. 2 Декабря 1871 г.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Норманисты и ихъ противники.—Невѣроятность призванія.	6
II. Договоры съ Греками.—Извѣстія Византійцевъ	14
III. Личныя имена.—Извѣстія Арабовъ	31
IV. Извѣстія Западные.—Угорская Русь.—Греческій путь .	40
V. Новгородская редакція легенды о призваніи князей . .	51
VI. Русь Азовско-Черноморская.—Параллельныя легенды о призваніи у другихъ народовъ	63
VII. Система осмысленія народныхъ именъ. — Происхожденіе имени Русь	76
VIII. Роксалане.—Скифы. — Готы.—Славянская народность Руси.—Выводы	85

BRITTLE DO NOT
PHOTOCOPY

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

COLUMBIA UNIVERSITY

0035546654

947.04
IL83

06182704

947.04
IL83 C1
BAPRTOBB

BOUND

AUG 31 1962

